
ISSN 0131—0097
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1990
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
НЕ КУРЯТ
НИЗ-ЗЯ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 39 (3297)

22 — 29 сентября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

Сдано в набор 03.09.90. Подписано к печати 18.09.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2736. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ПЕЧАТИ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ периодического издания
Москва

Совет Министров СССР
Государственный комитет СССР по печати

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ
ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

13 сентября 1990

№ 159

НАЗВАНИЕ ИЗДАНИЯ: "ОГОНЕК"
(на языке оригинала и его перевод на русский язык)

ВИД ИЗДАНИЯ: журнал
(журнал, газета и т.д.)

ЯЗЫК(И) ИЗДАНИЯ: русский

УЧРЕДИТЕЛЬ: трудовой коллектив редакции журнала "Огонек"
(полное наименование, адрес)
/Москва, Бумажный проезд, 14/

Председатель
Государственного
комитета СССР
по печати.
(подпись)

«МЫ ПОДПИШЕМСЯ ТОЛЬКО НА СВОБОДНЫЙ «ОГОНЕК» — ВОТ ЛЕЙТМОТИВ ВАШИХ ПИСЕМ. ЧИТАТЕЛЬ, ТЫ ПОБЕДИЛ! «ОГОНЕК» — СВОБОДЕН!

Дорогие друзья!

«Огонек» с вашей помощью победил. Мы обрели независимость, обязавшись отныне подчиняться не политическим цензорам, а исключительно законам страны и вам, дорогие наши читатели. Это огромная ответственность и огромная радость. Сейчас важно не повторить ошибки, приведшей к трагедии все наше общество: когда абстрактно сформулированная идея в процессе реализации стала собственной противоположностью.

Отныне мы будем делать народный журнал со всей убежденностью — в этом возвращение «Огонька» к истокам, к замыслу еженедельника для самых широких слоев населения. В этом наш долг и наша обязанность.

Мы взялись за очень трудное дело в очень трудное время. Но взялись решительно. Нам и сейчас пытаются доказать, что, лишившись поддержки родимой бюрократии (успевшей изрядно завысить подписную цену на «Огонек»), мы не выдержим. Сегодня очень важно доказать, что мы не просто выживем, но благодаря вашей помощи, дорогие читатели, сделаем огромный шаг вперед. То, чего добился «Огонек»,— новая возможность, которую приходится осуществлять в рамках весьма несовершенных законов, в трудно изменяющейся стране. Мы сейчас планируем создать систему льгот для нуждающихся подписчиков, начинаем разрабатывать новые условия подписки вообще. Поверьте, мы поможем очень многим. Помогите и вы нам. Если сегодня вам нелегко выписать «Огонек» на год, подпишитесь на полгода, на квартал. А в дальнейшем мы сделаем все от нас зависящее, чтобы легче жилось и вам, и нам.

Мы все изрядно устали от внушенного нам сознания неизбежных трудностей на пути к счастью. А, может, мы с вами достигнем цели, соединенные не только совместным страданием? Давайте развивать радость, которой немало было в нашем общении. Давайте делать хороший обновленный журнал. И немедленно делать — с сегодняшнего дня. Вместе.

Принимаясь за это трудное дело, мы очень рассчитываем на вашу помощь, дорогие читатели.

Виталий КОРОТИЧ

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ!

В Москве состоялись митинг и манифестация демократических сил столицы. Огромный людской поток прошел от Центрального парка культуры имени Горького до Манежной площади. На площади перед собравшимися — их было свыше 150 тысяч человек — выступили народные депутаты. Они потребовали отставки кабинета Николая Рыжкова и сформирования правительства народного доверия.

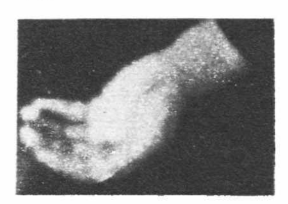
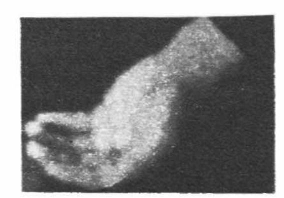
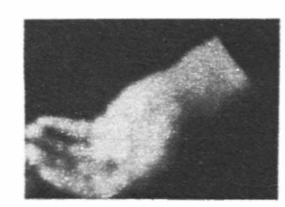
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Бьем челом...

Хроника почтового романа без взаимности

На излете лета в страну ворвался еще один кризис, отмеченный острыми конфликтными ситуациями: из табачных киосков исчезло курево. Как это ни странно для некурящих, дело обернулось серьезными последствиями и даже обрело международный аспект. Многочасовые очереди за никотиновым зельем (я, некурящий, имею право на подобную формулировку, рекомендованную Минздравом), блокирование возмущенными курильщиками центральных улиц некоторых городов, серьезные угрозы забастовок и, как всегда в подобных ситуациях, пожарные меры с привлечением зарубежных партнеров, «табачные десанты» из-за рубежа — все это было показано телевидением и освещено прессой. Как всегда в подобных случаях, взметнулись цены на очередной дефицит. Дефицит, возникновение которого только непосвященным показалось неожиданным, а некоторым — и вовсе происками торговой мафии. Люди же сведущие предупреждали о нем чуть ли не год назад, довольно точно предсказывая не только сроки, но и возможные последствия.

Предлагаем для ознакомления избранные места из переписки, которая с января по август этого года велась между исполкомом Моссовета и различными правительственными учреждениями страны. Сразу оговоримся, что данный обмен почтограммами (то есть документами, доставленными фельдъегерской спецсвязью) имел односторонний характер. На свои депеши Мосгорисполком ответа не получал.

Итак...

23.01.90.

«Председателю Комиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам т. НИКИТИНУ В. В.

Уважаемый Владилен Валентинович!

На московских табачных фабриках «Ява» и «Дукат» в 1990 году складывается крайне напряженное положение с обеспечением ацетатными фильтрами. В результате чрезвычайного положения, сложившегося в Армянской ССР, остановлен единственный в стране поставщик — Ереванский табачный комбинат.

Закупленные по импорту ацетатные фильтры, которые составляют 18 % годовой потребности, обеспечат работу фабрик до 20 февраля.

Из-за отсутствия фильтров в торговую сеть г. Москвы будет ежедневно недопоставляться 57 млн. штук сигарет с фильтром на сумму 1 млн. 322 тыс. рублей в розничных ценах.

Обращаюсь к вам с просьбой решить вопрос выделения валютных средств для закупки 2,0 млрд. штук ацетатных фильтров.

Первый заместитель председателя Мосгорисполкома, председатель Мосгорагропрома
Ю. М. ЛУЖКОВ».

В тот же день почтограмма аналогичного содержания за подписью председателя Мосгорисполкома В. Т. Сайкина была направлена председателю Госснаба СССР т. Мостовому П. И.

На обе ответа не последовало.

Днем позже Ю. М. Лужков отправляет почтограмму **первому заместителю Председателя Совета Министров СССР т. ВОРОНИНУ Л. А.:**

«Уважаемый Лев Алексеевич!

Учитывая крайне напряженное положение, обращаюсь к Вам с просьбой поручить Госплану СССР и Госснабу СССР решить вопрос о срочном выделении средств на закупку 1,5 тыс. тонн алюминиевой фольги и 2,0 млрд. штук ацетатных табачных фильтров для предприятий Мосгорагропрома».

Ответа не поступило.

«ТЕЛЕФОНОГРАММА
1.02.90 года № 27-19/3-5
Заместителю министра внешних экономических связей КОРОЛЕВУ В. С.

Для ритмичной работы предприятий г. Москвы и поставки в торговлю пищевых продуктов прошу Вашего указания о приближении поставки алюминиевой фольги, закупленной по импорту для московских табачных фабрик, кондитерских и пищеконцентратных предприятий.

Председатель Мосгорагропрома
Ю. М. ЛУЖКОВ».

А вот уже крик о помощи.

07.02.90 г.
«Москва, Кремль, Председателю Совета Министров СССР Рыжкову.

Уважаемый Николай Иванович! Вынужден обратиться к вам по причине чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением табачной и ликеро-водочной промышленности г. Москвы алюминиевой фольгой и табачными фильтрами.

По состоянию на 7 февраля недопоставлено 300 млн. штук фильтров и 135 тонн фольги.

Фабрики «Ява», «Дукат» и завод «Кристалл» 25 февраля текущего года вынуждены будут остановить производство сигарет и ликеро-водочных изделий.

Данная ситуация ПРИВЕДЕТ (предсказано в феврале! — Л. П.) к исключительной реакции населения г. Москвы.

Обращаюсь к вам с просьбой поручить срочно решить вопрос о восполнении допущенных отставаний по поставке фольги с реальных изготовителей и заключении дополнительного контракта на закупку г. Москве импортных фильтров.

Первый заместитель председателя исполкома
Председатель Мосгорагропрома
Ю. М. ЛУЖКОВ».

В ответ — молчание.

«19.03.90 г.
Председателю Государственной комиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам т. НИКИТИНУ В. В.

Уважаемый Владилен Валентинович!

В настоящее время сложилось крайне напряженное положение с обеспечением предприятий табачной промышленности г. Москвы — фольгой и фильтрами из Армении.

В связи с неритмичностью поставки указанных материалов по импорту предприятия табачной промышленности г. Москвы работают в 1—2-сменном режиме. Стабилизировать двухсменную работу не представляется возможным.

Мосгорагропром встревожен складывающейся ситуацией.

Мосгорагропром обращается к Вам с просьбой скорейшего рассмотрения поставленных вопросов и принятия безотлагательного решения.

Председатель Мосгорагропрома
Ю. М. ЛУЖКОВ».

Ответа, естественно, не последовало.

И снова обращение:

«Министру металлургии СССР т. КОЛПАКОВУ С. В.

3 апреля 1990 года.

Уважаемый Серафим Васильевич!

...Отгрузка фольги с ереванского завода «Каназ» по первому кварталу прошла на уровне 50 %.

По состоянию на 29.03.90 года запас фольги обеспечивает работу предприятий комитета до 10 апреля т. г.

Учитывая изложенное, прошу Вас поручить решить вопрос размещения заказов на изготовление фольги для предприятий Мосгорагропрома от реальных поставщиков.

О Вашем решении прошу проинформировать.

Председатель комитета
Ю. М. ЛУЖКОВ».

К сожалению, Серафим Васильевич не проинформировал.

Не проинформировал и председатель Госснаба СССР т. Мостовой П. И., которому в тот же день была послана аналогичная почтограмма.

Документ подобного содержания был передан Ю. М. Лужковым тогда же лично в руки заместителя председателя Госснаба СССР т. Мелащенко В. В.

Результат — нулевой.

А кризис уже стучался в дверь.

«Председателю Совета Министров СССР т. РЫЖКОВУ Н. И.

17 августа 1990 года.

Уважаемый Николай Иванович!

В соответствии с протоколом совещания у первого заместителя Председателя Совета Министров СССР т. Воронина Л. А. от 25.06.90 № ЛВ-6401 Мосгорагропромом проведено обследование технического состояния московских табачных фабрик «Ява» и «Дукат».

Анализ технического состояния технологического и вспомогательного оборудования показывает, что на табачных фабриках эксплуатируется значительное количество физически изношенного оборудования. Ввиду того, что в последние годы не выделялись средства для закупок по импорту, мощность оборудования, имеющего износ до 100% и требующего срочной замены, составляет свыше 60% (20,1 млрд. штук в год) от общей мощности табачных фабрик.

Кроме того, предприятия постоянно испытывают недостаток в запасных частях, на закупку которых ежегодно выделяется лишь около 500 тыс. рублей при потребности в сумме 1,3 млн. рублей, то есть обеспеченность запчастями составляет 38%, в том числе импортными только 12%. В результате этого большая часть импортного оборудования находится в неудовлетворительном техническом состоянии.

В связи с сокращением республиками — производителями табака площадей под выращивание сырья фабрики уже сейчас, в 1990 году, испытывают в нем определенный дефицит. С учетом намечаемых на II полугодие т. г. поставок по импорту предприятия до конца 1990 года будут обеспечены сырьем. Однако при этом переходящих остатков на начало будущего года ожидается меньше нормативного, и производство табачных изделий в 1991 году будет под угрозой остановки.

Тяжелое положение испытывают фабрики с заключением договоров с поставщиками табачного сырья на 1991 год. Так, например, фабрикой «Дукат» при потребности в отечественном сырье (с учетом 4-месячного нормативного запаса) в количестве 12,5 тыс. тонн договора заключены только на 4,8 тыс. тонн.

С целью стабилизации работы табачных фабрик и укрепления их материально-технической базы необходимо:

1. Предусматривать ежегодно по 1,3 млн. инвалютных рублей на закупку по импорту запчастей для табачных фабрик «Ява» и «Дукат», а также закупку основного технологического оборудования для замены физически изношенного на сумму 76,7 млн. инвалютных рублей.

2. Госснабу СССР выделять для московских табачных фабрик ежегодно подшипники, сальники, шаговые ремни и другие изделия согласно заявкам предприятий.

Председатель исполкома Моссовета
Ю. М. ЛУЖКОВ».

Как видим, речь идет уже не просто о дефиците, а о дефиците, который приобретает хронический характер и неизбежен в будущем.

Ответа не последовало.

В тот же день: **«Председателю Совета Министров СССР тов. РЫЖКОВУ Н. И.**

Уважаемый Николай Иванович!

В Москве сложилось крайне тяжелое положение с табачными изделиями, имеют место случаи массового недовольства трудящихся.

В то же время поступление табачных изделий по импорту крайне неудовлетворительное. При плане III квартала по Болгарии 70 млн. 250 тыс. руб. поступило только 32 млн. руб.; по Ираку при плане 15 млн. руб. поступило лишь 5 млн. руб.

Прошу Вас оказать содействие в первоочередной отгрузке в г. Москву табачных изделий, закупленных в Болгарии, и замене поставки из Ирака.

Председатель исполкома Моссовета
Ю. М. ЛУЖКОВ».

Ответа не последовало.

А улицы столицы (и не только столицы) уже украшались табачными очередями. Дефицит набирал силу...

До каких пор мы на ровном месте будем создавать конфликтные ситуации, будоражащие державу? И что это за хозяйственная система, когда заменить изношенное оборудование табачной фабрики, поставить ей фольгу и фильтры можно только при вмешательстве премьер-министра страны? Если, конечно, он еще захочет вмешаться...

Публикацию документов подготовил народный депутат Моссовета
Леонид ПЛЕШАКОВ.

ЗАЛЕЖАЛЫЙ КРАСНЫЙ ТОВАР

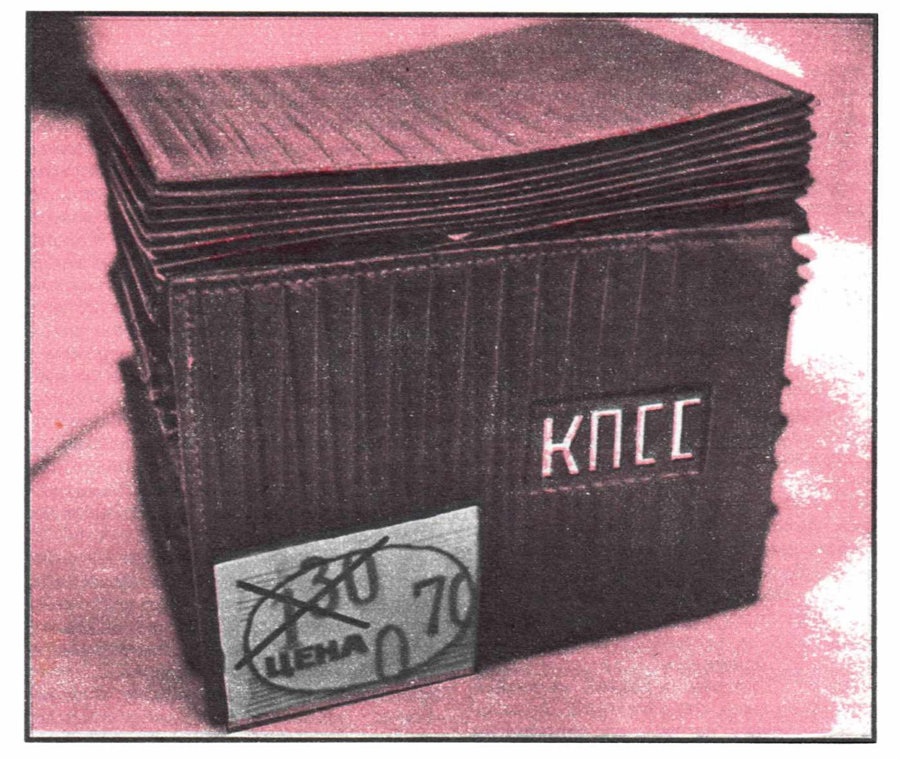
Нина Петровна, строгий товаровед Мосгалантерейторга, сразу же сообщила, что не намерена открывать свои профессиональные секреты. И не скажет мне ничего. Тем более по телефону. «Я могу приехать?» «Не надо,— отрезала Нина Петровна,— все равно ничего не скажу, не буду отвечать на вопросы». Меня интересовали не вопросы, а вопрос. Я хотел узнать: кто и сколько заказывает заводам и фабрикам обложек для партийных и комсомольских билетов? Ярко-красных, из натуральной кожи, мягкой и эластичной, с четким тиснением поверху: «КПСС» или «ВЛКСМ». Сейчас такими забиты прилавки галантерейных киосков, магазинов и универмагов столицы. И даже в детском (!) магазине мне показали комсомольскую «корочку»; не первой, правда, свежести, вроде бы заношенную, а может, просто захватанную.

— Обложки закупаю я, на ярмарках,— чуть смилостивилась наконец мосгалантерейный товаровед.— А сколько — не скажу...

Пришлось звонить коммерческому директору торга Светлане Викторовне. Она очень спешила и предложила перенести разговор на утро следующего дня. «Прямо в девять и звоните». В резерве оказалось несколько часов, я зашел в ближайшую «Галантерею». Затем в магазин в центре города. Здесь всегда много покупателей и расхватывают все. Только вот обложки почему-то обходят стороной.

— Если за день одну-две возьмут — уже хорошо,— призналась директор магазина.

Модель 39-007-88 по цене 2 рубля 20 копеек за штуку (для партбилетов) можно купить без всяких очередей, без предъявления паспорта с московской пропиской, без талонов и визиток. Вопреки строгим правилам и распоряжениям, ограничивающим «продажу в одни руки», охотно предлагали — кто сколько возьмет. Но желающих не было. Я провел возле прилавка часа два, никто даже не прицениваился... Такая же история с моделью 39-004-88; это для комсомольских билетов. Может, оттого, что комсомольцы победнее партийцев, но молодежную обложку можно приобрести подешевле — за рубль сорок пять. При мне купили две обложки. «Из них клёвые заплаты получаются,— охотно объяснял юный покупатель.— Кожа мягкая, шик; выверну, чтобы буквы не маячили, и на куртку подлокотники... Отдаю идею бесплатно»,— щедро попрощался он.

И впрямь, где ныне купишь два куска (10 на 15 сантиметров) хорошей кожи за трешник? Но можно и дешевле. Это уже мое открытие, и я отдаю его тоже бесплатно! В универмаге, хорошо известном не только москвичам, но и приезжим, на первом этаже, в торце зала, есть галантерейный отдел. И тут на прилавке сколько угодно обложек: по два сорок, по два двадцать и по рубль сорок пять. Не покупают, словно сговорились. Но, когда приходит срок, когда инструкция обязывает снимать товар с прилавка, на ярлычке каждой обложки перечеркивают цену. И надписывают новую — вдвое ниже. Такие уполовиненные, но внешне ничем не отличающиеся от полноценных «корочки» пылятся уже здесь, в отделе уцененных товаров, рядом с вышедшими из моды шляпами, пластмассовыми клипсами. (Поговаривают, что к «уценке» присматриваются находчивые кооператоры — шить кошельки.)

...Обо всем этом я и сказал Елизавете Анатольевне, главному инженеру объединения «Галант», где выпускают обложки. «Вам не обидно? Ведь работаете на уценку».

— Дело не в обиде. А в том, что мы демонстрируем пример антиэкономики. Продолжаем выпускать изделия низкорентабельные, невыгодные, убыточные. Предложили торговле: уменьшите заказ на обложки для партийных и комсомольских билетов. Будем делать то, что просит покупатель. Из такой кожи можно шить бумажники, портмоне для визитных карточек. Уважающие себя универмаги, такие, как ГУМ, к примеру, или ЦУМ, резко сократили заказ. А остальные? Боятся? Хотят спокойно спать...

Так и идут на базы и в магазины аккуратно упакованные коробки с красным товаром. Даже если весь состав ЦК Компартии РСФСР решит обновить обложки для своих партбилетов, их останется еще очень много — невостребованных.

— Свобода — это только в газетах и в вашем журнале. А у нас план и заказ торговли,— сетовала Елизавета Анатольевна...

А тут я еще выяснил, что появился у объединения «Галант» конкурент: обложки для партбилетов освоены на Богородской фабрике кожгалантереи. Все честь по чести: красная кожа, цена, индекс, номер модели. И эмблема — гордый олень...

К. БАРЫКИН
Фото Анатолия БОЧИНИНА

ОТВЕТ НА ОДИН ВОПРОС

Фото Владимира ФЕДОРЕНКО

— Нарастание экономического кризиса сильно ощущается в столице СССР, других крупных городах. Экономические причины более или менее понятны. Но, может быть, есть и политические? — с таким вопросом обратились мы к первому заместителю председателя Моссовета, народному депутату СССР Сергею Станкевичу.

— Особенно резко ухудшилось положение в Москве и Питере. Ситуация трагическая: искусственно разорваны жизненно важные хозяйственные связи, и нарастает изоляция. Города фактически становятся жертвами необъявленной блокады. Социальная напряженность достигает опасной черты, за которой — взрыв. Похоже, что реакционные аппаратные силы, проиграв на выборах в Москве и Ленинграде, пытаются удушить оба источника «демократической заразы», действуя по зловеще знакомому в мировой практике сценарию. Усердно помогают им в этом отдельные местные органы власти, которые, действуя по подсказке своих аппаратных хозяев, подогревают антимосковские, антиленинградские настроения, разваливают и без того хлипкую экономику двух крупнейших городов.

Эта проблема недавно обсуждалась на общем собрании межрегиональной депутатской группы, в обращении которого говорится: «...МДГ призывает демократические силы всех республик не допустить блокады этих городов, не прерывать хозяйственных связей с ними, оказать всю возможную в нынешних условиях поддержку. МДГ обращается ко всем, кто ценит нашу, так недавно обретенную и так дорого оплаченную свободу, использовать все возможности для срыва саботажа и реакционного наступления на демократию».

Мы убеждены, что от судьбы демократии в Москве и Ленинграде зависят судьбы демократических движений в России, да и не только в России. Отсюда шел процесс политического освобождения, выплеснувшийся в Восточную Европу. Из Москвы и Ленинграда демократические движения получают самую мощную поддержку, но отсюда же при роковом повороте событий может прийти и новый тоталитаризм.

(Соб. инф.)

■

В № 28 газеты «Советский цирк» опубликован материал Э. Бескиной под названием «Теперь Виктор Кудрявцев может поделиться шкурой убитого медведя». Речь идет о том, что у дрессировщика В. Кудрявцева во время гастролей советского цирка в ФРГ умер медведь. Артист сообщил диагноз — приступ эпилепсии.

Однако, как пишет газета, «ветеринарная служба ФРГ установила, что медведь погиб от систематических жестоких побоев. У животного были отбиты все жизненно важные органы и даже поврежден позвоночник».

Если Союзгосцирк, подбирающий сейчас Кудрявцеву новых питомцев, склонен закрывать глаза на то, что «мастерство» недавнего лауреата премии Московского комсомола зиждется на истязании животных и подпадает под соответствующую статью УК РСФСР, то Московское общество защиты животных намерено (в случае подтверждения опубликованной информации) привлечь Кудрявцева к ответственности через суд.

Мы просим считать настоящее письмо открытым обращением к руководству Союзгосцирка.

В настоящее время общеизвестны научные методы дрессуры, дающие прекрасные результаты без применения насилия. Поэтому деятельность дрессировщика является не только глубоко безнравственной, но и в первую очередь непрофессиональной.

Московское общество защиты животных направило запрос в ветеринарную службу ФРГ, проверявшую условия жизни зверей во время гастролей цирка. А пока мы обращаемся к руководству Союзгосцирка с настоятельной просьбой до разбора дела отстранить В. Кудрявцева от работы с животными.

По поручению совета Московского общества защиты животных Е. КАРПОВА, М. ЧЕКАЛОВА, И. ТАРАСЕВИЧ, И. БЛУВШТЕЙН

■

Странные чувства испытывал я, читая и перечитывая Резолюцию XXVIII съезда КПСС «О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и хода работ по ликвидации ее последствий». Казалось бы, за 29 лет пребывания в КПСС должен был ко всему привыкнуть, ан нет — ждешь, надеешься.

Посмотрите, как она сформулирована. В лучших традициях прежних времен. Там, где речь идет о руководителях министерств и ведомств (и о бывшем (?!) руководстве страны), звучат строгие слова: «допущены крупные просчеты...», «проявили неспособность...», «...самонадеянность и безответственность...». А вот когда речь заходит о партийных функционерах, то здесь совсем другая тональность: съезд всего-навсего «отмечает», что. они «своевременно не оценили...» (Правда, в одной строке с Политбюро ЦК КПСС, ЦК КПУ и КПБ фигурируют Советы Министров СССР, УССР и БССР, но ведь состав Советов Министров тех лет назначался все теми же партийными функционерами.)

Что это — случайность или закономерность? И после этого обличения в тексте Резолюции следует глубокомысленный вывод: «Все это подрывает доверие людей к партии и государству, к ЦК КПСС и правительству, снижает их авторитет». Но ведь принятая в таком виде Резолюция окончательно лишает доверия и авторитета партию, так как объективно получается, что она (партия) уводит от ответственности профессионалов партаппарата, виновных в самой чернобыльской катастрофе и виновных в усугублении ее трагических последствий.

Дело в том, что руководителем съездовской комиссии по чернобыльской катастрофе был выдвинут (и избран) А. С. Камай. Тот самый Алексей Степанович Камай, который в ту тяжелую годину был первым секретарем Гомельского обкома партии, то есть по тем временам фактическим хозяином Гомельской области. Той области, на долю которой пришлась большая часть радиоактивного заражения из 70 процентов выброса, доставшихся Белоруссии. Тот самый Алексей Степанович, который на пятый день после катастрофы, стоя рядом с бронзовым Владимиром Ильичем на центральной площади города, «принимал» праздничную первомайскую демонстрацию тысяч и тысяч горожан (в том числе детей), с непокрытыми головами, безмятежно шествовавших под осыпавшимся радиоактивным пеплом. Тот самый член ЦК, о котором (в числе других) в четвертом абзаце Резолюции говорится: «...своевременно не оценили масштабы катастрофы, ее возможные последствия и не предприняли решительных действий...» (и т. д.— по тексту). Тот самый Камай, который для утешения окружающих показательно испил водицы из колодца «в деревне, придавленной страхом соседства с зоной отчуждения», о чем с умилением писала «Правда» 25 января 1989 года.

Тот самый А. С. Камай, которому народ отказал в доверии, провалив на выборах в народные депутаты СССР, после чего его забрали в республиканский партаппарат и доверили пост секретаря ЦК КПБ. (И уже оттуда он баллотировался в народные депутаты БССР по одному из сельских округов. И был, разумеется, избран.)

И вот этот самый человек руководит съездовской комиссией по Чернобылю и зачитывает Резолюцию с трибуны съезда. Большей насмешки над сутью обсуждаемого вопроса трудно придумать.

Вместо того чтобы спросить с коммуниста Камая по всей строгости за его конкретную вину, ему поручают бичевать неких абстрактных виновников.

Нет, я не жажду «крови», даже не требую исключить т. Камая и других. Я за то, чтобы дать им возможность исправиться. За то, чтобы они строго выполняли решения XXVIII съезда КПСС, сформулированные в Резолюции «О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС...»,— своим личным трудом в горячих точках республики.

Для этого надо — в порядке партийной дисциплины — направить их первыми секретарями Ветковского, Хойникского, Брагинского (и т. п.) райкомов КПБ (можно с совмещением должностей председателей соответствующих Советов народных депутатов), чтобы там, на месте, лично обеспечивали «незамедлительное осуществление исчерпывающих мер по охране здоровья населения, проживающего в регионах, подвергшихся радиоактивному загрязнению», как говорится в Резолюции.

Пусть с опозданием на четыре года.

А. ГОНЧАРОВ, инженер Гомельской дистанции сигнализации и связи Белорусской железной дороги

■

Недавно к многочисленным талонам жителей нашего текстильного края прибавился еще один — на спиртное. Ивановская торговля изобрела новый метод борьбы с пьянством. На водочный талон в промтоварном магазине можно приобрести или три пары носков, или двое трусов, или кое-какую мануфактуру. Но талон-то выдают только тем, кому исполнился 21 год. А если нет? Тогда не повезло — ходи без трусов, да еще на босу ногу. Кстати, с введением талонов на водку в ряде промтоварных магазинов появился широкий ассортимент мужских носков и даже постельного белья. Откуда? Невольно напрашивается мысль, что все это было заранее спланировано определенными кругами.

С введением талонов в городе участились случаи краж и грабежей. У винных отделов тусуется местная пьянь, и пожилому человеку просто небезопасно отоваривать эти талоны. Неудивительно, что моментально установилась стоимость одного талона — 5 рублей, а у спекулянтов цена бутылки поднялась до 25—30 рублей.

Народ высказывается за расширение торговли, особенно сухими и благородными винами. Однако на наших прилавках в основном можно увидеть только водку.

Неужели даже сейчас наши руководящие головы не в состоянии понять, что подобные меры только усложнят и без того напряженную обстановку в городе, породят новый виток спекуляции и самогоноварения?!

А. ШАДРУНОВ, майор внутренней службы
Иваново

■

Хотелось бы поднять вопрос о статусе народного депутата в Вооруженных Силах, о его отношениях с командованием и политорганами частей. Известно, что кандидатами в народные депутаты в большинстве случаев становятся старшие офицеры, генералы. И, видимо, это закономерно, ибо сама предвыборная кампания организуется командирами частей, политорганами. Неужели депутатский значок предназначен только для укрепления единоначалия в армии?

Хочу привести пример из собственной жизни. Когда я был выдвинут альтернативной кандидатурой от ГК ВЛКСМ, командование и политорганы практически не разрешили мне встречаться с личным составом. Следовательно, встречи проходили неофициально, через прапорщиков и младших офицеров... И даже когда прошли выборы в мою пользу, я до сих пор не могу встретиться с командованием части, обсудить все проблемы, наболевшие у солдат. После депутатского запроса начальнику училища получил следующий ответ: «...депутату не определено в рамках его полномочий вмешиваться в служебную деятельность командования воинских частей, вносить им коррективы в отношении их жизни и деятельности». А как же быть, когда ты являешься свидетелем грубых нарушений воинской дисциплины, словесных унижений личного состава, ни в какие рамки не вписывающихся бытовых и санитарно-гигиенических условий у солдат? А ведь над генеральским ответом «колдовал» целый политотдел! Как же быть, когда тобой правят не личные амбиции, а честь и совесть офицера, коммуниста?

И может быть, не нужно отталкивать выступления офицеров на страницах печати? Ведь на это способны только мужественные или отчаявшиеся люди.

Ст. лейтенант И. МАСЛОВ, народный депутат
Саратовская область

■

Бывший член бывшего Политбюро ЦК КПСС, чья несостоятельность явно проявилась на XXVIII съезде партии, В. А. Медведев, казалось, канувший в политическую Лету, неожиданно, пожалуй, для большинства объявился в Президентском совете. Как это могло произойти? Разве этот орган резиновый? Крепка номенклатурная обойма! Как и прежде: погорел руководитель, так его не только передвинут по горизонтали, но, как в нашем примере, поднимут выше.

Что ж, еще один член бывшего Политбюро в президентском кабинете. Тут и удивляться нечему. Происходит явное переливание власти партийной во власть, в данном случае, верховную.

Чем может быть полезен В. А. Медведев на новом месте? Снова будет толочь воду в ступе до ухода на пенсию? За такое занятие он и получил ученое звание, начертав труд об экономике социализма. Какая экономика, какого социализма?

Вот бы ее, эту работу, напечатать сейчас. Сатирик М. Жванецкий заболел бы от зависти.

Диалектика: все течет, все меняется. Перестройка: все течет, но не все меняется.

И. ПРОХОРЕНКО, ветеран труда, член КПСС
Кривой Рог

■

Корпуса цехов, в которых будет производиться сверхкомфортабельный автомобиль ГАЗ 3105 (проектная себестоимость больше 83 тысяч рублей), построены прямо на левом берегу Оки. Место необычно красивое, недаром наши предки воз-

ЦИРК — ХРАМ ДОБРА ИЛИ ГУЛАГ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ? ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●
ЧЕРНОБЫЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА? ●

двигли здесь, в Карповке, церковь.

Какому аппаратчику Минавтопрома пришла в голову эта мысль — соединить Оку и производство автомобилей?

Соединили.

Красивый жест министра Пугина, нашего земляка,— и начальство будет обеспечено необыкновенным авто. Не надо быть большим экспертом, чтобы понять это.

Народу не хватает дешевых, массовых автомобилей — это раз. Бедная Ока, превратившаяся в сточную канаву, от производства автомобилей чище не станет — это два. В городе не хватает оборудованных овощехранилищ — это три. И т. д. и т. д.

Но даже этих трех факторов достаточно для того, чтобы опомниться и перепрофилировать корпуса ГАЗ 3105.

Понятно, что автомобильное производство начали в доперестроечное время. Непонятно другое. Наступила ли перестройка на берегах Оки? И если наступила, то почему она совершается в первую очередь для тех, кто уже сегодня в состоянии иметь престижную «тачку» за счет народа?

В. СИДОРИН,
редактор многотиражной газеты «Гидростроитель»
Нижний Новгород

■

Внимательно слушал по радио передачу о встрече министра обороны т. Язова с писателями, пишущими на военные темы. Ничего хорошего я от этой встречи не ожидал, примитивное понятие патриотизма меня нисколько не удивляет. Я хотел бы остановиться только на одном конкретном вопросе — на предложении В. Карпова водрузить на Поклонной горе скульптуру воина-освободителя работы Вучетича.

Предложение это не блещет новизной. И, с моей точки зрения, осуществление его было бы столь же нелепо и оскорбительно для России, как сооружение общественной купальни на месте взорванного храма Христа Спасителя.

Поклонная гора сама по себе представляла исторический памятник. Казалось бы, вполне правомерна была идея соединения памяти о нашествии Наполеона и спасении России с памятью о нашествии Гитлера и спасении мира от фашизма. Но разрушение Поклонной горы ради строительства памятника Победы явилось преступлением, подобным взрыву храма Христа Спасителя. И если для одного преступления нашлось какое-то оправдание в сталинщине, то для другого, кроме одурения от долголетнего застоя, оправдания нет. Просто диву даешься, как упрямо и последовательно мы уничтожали память об Отечественной войне 1812 года (храм Христа Спасителя, могила Багратиона, Поклонная гора...).

Я не знаю, каким должен быть памятник на месте бывшей Поклонной горы. Уверен, только не скульптура Вучетича, место которой найдется в каком-нибудь Парке Победы, где прогуливаются самодовольные генералы и некоторые самодовольные писатели, пишущие на военную тему. Скульптура же Вучетича (не берусь судить о ее художественных достоинствах), на мой взгляд, насквозь пронизана ложным пафосом в сталинско-брежневском духе. В ней нет ни капли того главного, что нужно в этом памятнике,— духовности, боли и скорби, чувства общечеловеческого горя, вины и потребности покаяния. В ней только эйфория победы, которая так нравится генералам и чиновникам партократии с извращенными понятиями патриотизма и нравственности.

А. ШЕБАРОВ,
ветеран труда, праправнук участника войны 1812 г.
Тула

■

В № 17 вашего журнала опубликовано письмо жителя д. Горки В. В. Шульгина, дом которого попал под снос при создании исторического заповедника «Горки Ленинские». Под угрозой принудительного выселения В. В. Шульгину без денежной компенсации был предоставлен другой дом, но уже не на правах личной собственности, а в пожизненное пользование (распоряжение исполкома Мособлсовета от 31.10.78 г.).

По материалам данного письма нами, депутатами Мособлсовета от г. Коломны, был направлен депутатский запрос в адрес руководства Мособлсовета. Высылаем копию ответа заместителя председателя исполкома Мособлсовета народных депутатов В. П. Колмогорова, в котором сообщается: «Учитывая, что изъятый дом принадлежал В. В. Шульгину на праве личной собственности, исполком Мособлсовета решением от 15 мая 1990 г. № 446/15 решил внести изменения в ранее принятое распоряжение и передать выстроенный для Шульгина дом в его личную собственность. Одновременно исполком обязал Домодедовское бюро технической инвентаризации, обслуживающее Ленинский район, произвести регистрацию права собственности на дом № 17 в дер. Горки Ленинского района за В. В. Шульгиным».

Приносим В. В. Шульгину наши извинения за решения Мособлсовета 70-х годов, хотя мы к ним и не причастны.

По поручению депутатов, подписавших запрос,
А. ПРЯНЧИКОВ,
народный депутат Мособлсовета
Коломна

■

Недавно я решил зарегистрировать рождение своего сына во Дворце «Малютка». Кроме свидетельства о рождении ребенка, получил также и символическое «письмо в будущее». Привожу его содержание слово в слово.

Дорогой.........! (сюда вписывается любое имя)

Это письмо было вручено твоим родителям в день торжественной регистрации твоего рождения. Прочти его и прими наши пожелания.

Всегда помни, что ты гражданин великой страны — Союза Советских Социалистических Республик, страны свободы и счастья, где человек человеку друг, товарищ и брат.

Помни, что жизнь человека измеряется не прожитыми годами, а тем, что сделает доброго он для людей, какой след оставит на земле. Живи так, чтобы можно было вспомнить большую, полную труда и борьбы жизнь.

Держи в чистоте достоинство гражданина Советской страны, оправдывай его всей своей жизнью, учись работать, бороться и побеждать по-ленински.

Будь стойким борцом за грядущее нашей Родины, воспитывай в себе идейную убежденность, принципиальность, скромность и простоту. Будь во всех делах честным и правдивым.

Овладевай знаниями, культурой, наукой. Береги и приумножай общественную социалистическую собственность — основу могущества и процветания Советской Родины.

Помни, что счастье — это радостный труд на благо своего народа; счастье — это когда ты строишь самое светлое и справедливое общество на земле — коммунизм; когда ты современник и соучастник великих свершений, когда уверен, что впереди тебя ждут новые победы, новые открытия.

Исполком Ростовского городского Совета народных депутатов

Остается снять шляпу перед замечательным слогом авторов этого опуса. А нельзя ли пожелать человеку, входящему в этот мир, чего-нибудь просто доброго по-человечески, а не в форме подобной канцелярщины?

В довершение всего нам вручили памятную медаль, на которой почему-то был выгравирован 1988 год. Как выяснилось, медалей с 90-м годом нет.

Конечно, я воспринял это нормально. Нам ведь не привыкать. Хотя вопрос все-таки возник: «А стоит ли превращать начало жизни маленького человечка в такой фарс?»

С. ПОНОМАРЕВ
Ростов-на-Дону

■

Понадобилось 45 лет, чтобы признать участие политических репрессированных в достижении Победы в Великой Отечественной войне. В выступлении по случаю 45-летия Победы Президент страны М. С. Горбачев сказал: «В эту, сорок пятую, весну Победы вспомним о тех, о ком молчали долгие десятилетия, кто беззаконно был лишен честного имени и гражданских прав, заключен в лагеря. Оклеветанные, невинно осужденные, подконвойные люди тоже вносили вклад в Победу — добывали уголь Воркуты, лес Сибири, руду и золото Магадана».

Но, однако, мы, реабилитированные, полностью лишены правительственных льгот, предоставленных всем, кто внес вклад в Победу.

Нас, искалеченных ГУЛАГом, осталось мало. В Хабаровском крае 82 человека — старых, больных. Льготы на уровне инвалидов Великой Отечественной войны в какой-то мере будут моральной компенсацией за искалеченные жизни. Неужели понадобится еще 45 лет, чтобы справедливость восторжествовала?

В. КУЛИКОВ,
председатель правления Хабаровского городского историко-просветительского общества «Мемориал»

Умер Анатолий Владимирович Софронов.

Свои первые стихи Анатолий Софронов начал писать в конце 20-х годов, работая на заводе «Ростсельмаш». Во время Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом.

А. В. Софронов — поэт, драматург, публицист. Он автор пьес «В одном городе», «Московский характер», «Стряпуха», «Миллион за улыбку» и других. На его слова написаны широко известные песни «Ростов-город», «Шумел сурово брянский лес», «Расцвела сирень», «Ах, эта красная рябина...»

Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденами и медалями. Его творчество отмечено Государственными премиями СССР и РСФСР.

Анатолий Владимирович Софронов больше тридцати лет был главным редактором «Огонька».

Редакция выражает соболезнование родным и близким покойного.

■

■

Казалось бы, отменена статья 6 Конституции СССР, да и КПСС заявила (для доверчивых, думается), что не претендует на монополию в управлении всеми сферами нашей жизни. Мало того, в стране декларирована многопартийность. Казалось бы... Но — маленький штрих. Сегодня так называемые производственные характеристики на всех трудящихся по-прежнему подписываются «треугольником»: руководитель организации — секретарь парткома (КПСС, естественно, а не какой другой партии) — председатель профкома.

Считаю, что подобные характеристики, если уж без таковых мы не можем обойтись, должны подписывать два лица: руководитель организации и председатель совета трудового коллектива. Пора, наконец, хоть в малом начинать претворять в жизнь лозунг «ВСЯ ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!».

В. ПЕТРОВ,
инженер, 55 лет
Севастополь

■

Слово «коммунист» я узнал в шестилетнем возрасте. Оно у меня ассоциировалось с высоким дядей, который глубокой осенью 1944 года пришел выселять на улицу семью фронтовика с двумя малыми детьми. Этот дядя, попав в окружение разъяренных женщин, взявших мою сестру и меня под защиту, говорил, что он коммунист и обязан выполнить поручение.

В 14 лет слово «коммунист» сроднилось с лицом толстой тети, вознамерившейся лишить меня, мальчишку, двух третей зарплаты. Я проработал на равных со взрослыми месяц, отведенный на каникулы, вывозя готовый кирпич из раскаленной печи. И когда рабочие, защищая меня, уличили «тетю» в мошенничестве, она возмущенно говорила: я коммунистка и не позволю себя оскорблять.

Как видите, жизнь была трудной. Мой отец вернулся из фашистского плена, куда он попал из-за тяжелейшего ранения в голову, полученного в боях за Киев. Он был начальником штаба полка. Вернулся фактически инвалидом, у него на темени было выбито четыре сантиметра кости. Думаю, что не стоит говорить о том, сколько пришлось перенести вернувшимся из плена и их семьям. А в «оттепель» его нашли награды: орден Боевого Красного Знамени и Красная Звезда за киевские бои. Храню их как реликвию.

Когда я вышел на самостоятельную рабочую дорогу, каких только чудо-коммунистов я не встречал: парторг в свой карман взимал по пятерке с каждого за транспорт по вывозке угля, другой партдеятель толкал на явное воровство материалов для собственной квартиры и т. д. и т. п. Короче, уважать мне коммунистов было не за что, ибо их слова всегда расходились с делами.

Сейчас всем известно, к чему привела нас «направляющая и руководящая сила». И тем не менее КПСС никак не хочет расставаться с властью, обещая, что вернет свой былой авторитет. О каком авторитете может идти речь, когда рядом со старым зданием крайкома отгрохан новый дворец (сомневаюсь, что на партийные средства), а рядом великолепная гостиничка, в то время как в детдоме на окраине Краснодара нет теплого туалета и зимой дети выбегают на улицу.

Очень много грехов на «руководящей и направляющей», так что не о возврате доверия должна идти речь, а о завоевании этого доверия. А для этого партия должна отказаться от многого, вернув все, чем она завладела, народу. Уверен, что членство в партии мало чего дало рядовым коммунистам, к тому же на свои партвзносы они добровольно содержат верхушку партократии, которая пользуется и всегда будет пользоваться привилегиями. Так не честнее ли перевести эти партвзносы в пользу детей Чернобыля, в пользу сирот и больных стариков, афганцев, на любое благородное дело?

Ю. ПОЛОВНОЙ
Краснодар

■

Решение I съезда угольщиков страны предусматривало национализацию имущества КПСС. Оно было единогласно поддержано и конференцией трудовых коллективов Донецка, проходившей 8 июля на стадионе «Шахтер». Окончательное решение по этому вопросу закреплено и в требовании политической забастовки, состоявшейся 11 июля. Но вот открываю газету «Правда Украины» и узнаю, что не все трудящиеся согласны с резолюцией, принятой на общегородском митинге. Интересно, кто же ревнивые хранители «единой и неделимой КПСС», а более того, ее имущества?

Собкор республиканской партийной газеты Г. Гнездилов комментирует это так: «С ними (читай, участниками митинга) решительно не согласны, к примеру, сотрудники областного комитета партии, перед зданием которого и развернулись главные события политической акции в Донецке». Не помню, в какой газете или журнале была рубрика «Просто анекдот», и, будь там конкурс, уверен, что публикация с такими выводами заняла бы первое место.

Ю. МУРОМСКИЙ,
рабочий завода химреактивов
Донецк

■

Хочу поделиться мыслями, возникающими при чтении некрологов, посвященных ушедшим от нас партийным, советским и хозяйственным руководителям.

Пишутся они напыщенным, высокопарным слогом, доходящим до пародийности. А обилие бутафорских штампов («...понесла тяжелую утрату», «его отличали партийная скромность, человеколюбие...», «на всех доверенных партией постах он проявлял незаурядные организаторские способности...», «обладая выдающимся талантом руководителя...») дает ощущение, что мы десятки лет хороним одно и то же лицо.

Если собрать за 70 с лишним лет все официальные некрологи, то получится изрядный том, читая который, невольно придешь к выводу: да с такими руководителями наша страна давно должна утопать в благоденствии!.. В самом деле: если всех отличала «партийная скромность», «незаурядные организаторские способности», то кто же тогда развалил страну? Уж не санитарки ли с прачками и горновыми?..

Б. СЕНКЕВИЧ
Копейск Челябинской области

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Вячеслав ШОСТАКОВСКИЙ

В ЧЕМ НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ?

РАЗМЫШЛЯЕТ ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

Страна на перепутье. Разноплановые, противоречивые процессы. Конфликты и митинговый накал страстей. Все в движении. Но нет привычной стройности шеренг, четко шагающих к ясно поставленной цели. Нет и былого, предельно самонадеянного взгляда на будущее: мы о нем знаем все, другие — почти ничего. Рой вопросов. Их обилие так же непривычно, как и отсутствие во многих случаях четких ответов. Действительно, ведь есть же неистощимый арсенал в виде «марксистско-ленинской теории». Достаточно было отыскать соответствующую полочку: «класс», «собственность», «капитализм»... и ответ готов. Причем в чеканной форме и исчерпывающий по существу. Никаких сомнений.

К примеру, так: «Авангардное место в советском обществе принадлежит рабочему классу». «Социалистическая собственность — это основа нашего общественного строя». «Минувший период дал много подтверждений углубления общего кризиса капитализма».

Подобными сентенциями (в разной редакции) были забиты политические доклады и партийные документы, на их основе интерпретировалась действительность, строились наши планы. Из широкого набора таких «истин» мостились интеллектуальные основы партийной политики.

И вдруг сбой за сбоем. Число вопросов растет в геометрической прогрессии, а с продуктивными ответами на них все хуже. Попытки в традиционном режиме извлечь из «арсенала» очередную «истину» не срабатывают. От нее отмахиваются, как от назойливой мухи.

Особые трудности возникли в связи с поиском ответа на важнейший вопрос перестройки: **куда идем?** Говорится о верности социалистическому выбору, о необходимости обновления социализма. Наконец, стратегической целью объявляется движение к гуманному, демократическому социализму.

Но если любопытствующий человек попробует разобраться, а что же это значит, и обратится, например, к «Краткому политическому словарю» (Политиздат, 1987 г.), то он прочтет: «Демократический социализм» — реформистская теория и политическая концепция преобразования **капитализма в социализм** путем реформ. Идеология «**Д. С.**» враждебна **марксизму-ленинизму,** направлена против практической деятельности коммунистических и рабочих партий» (с.111).

Так мы считали многие десятилетия. Фактически с образования более 100 лет назад Социалистического интернационала, который объединил партии и организации, придерживающиеся различных традиций, но исповедовавшие общую цель: **демократический социализм.** У нас это клеймилось как социал-реформизм.

Итак, где же истина? Откуда и куда мы все-таки идем?

В Программном заявлении XXVIII

съезда КПСС в разделе «К какому обществу мы стремимся» показываются его основные параметры. Если соотнести это вйдение будущего общества с программными принципами Социалистического интернационала (см., например, Декларацию о принципах Социалистического интернационала, принятую XVIII Конгрессом Социнтерна в Стокгольме в 1989 году), то нетрудно увидеть близость и даже общность многих позиций.

И прекрасно, и во благо. Но тогда стоило бы без всякого лукавства, без кивков в адрес социал-демократических течений разнообразных оттенков, прямо и честно ответить на ряд кардинальных вопросов.

И прежде всего: почему еще недавно мы отвергали концепцию «демократического социализма» как враждебную идеологии рабочего класса?

Да потому, что во главу угла всех общественных преобразований эта концепция ставила **Демократию,** в том числе «экономическую демократию». Мы же изобрели очередной миф об особом «социалистическом типе демократии» (из той же практики лукавства, что и «социалистическая культура», «социалистический реализм», и новообразование «социалистический рынок» и т. д. и т. п.), реальная суть которого в безответственности и произволе всех властных структур, в том числе и в первую очередь партийных комитетов всех рангов, действовавших от имени народа, за народ и якобы исключительно в его интересах. Итог всем нам известен.

Но всякое откровение, даже вполне очевидное, с неизбежностью повлечет за собой новое. К примеру, мы не только не покончили с властью привилегированного меньшинства, а сделали ее всемогущей. Незаконность этой власти, особенно партийных комитетов, и вызывала к жизни систему ложных обоснований ее правомочности: и особый тип демократии, и руководящая, направляющая роль, и совокупность мифов, призванных вновь и вновь подтверждать «неоспоримые социально-экономические, политические, идейные и моральные преимущества нового общества».

Незаконность этой власти неизбежно порождала произвол и волюнтаризм, телефонное право и коррупцию, пренебрежение к достоинству человека и тотальную правовую незащищенность личности.

А о масштабах мифотворчества лучше всего говорит лаконичный перечень черт «реального социализма» в новой редакции Программы КПСС (см. Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986 г., с. 127—128).

Но почему XXVIII съезд уклонился от трезвой, реалистической оценки мифов «реального социализма»? Точнее сказать, попытки такие оценки сделать были предприняты, но как-то стыдливо, в традиционном режиме полуправды.

Обратимся вновь к Программному заявлению. Здесь говорится о том, что «разрушаются мифы, затемнявшие сознание и мешавшие разглядеть путь вперед». Что верно, то верно: разрушаются. Но какие именно? Кто их создавал и **зачем?** Эти вопросы, как и многие другие, остаются без ответа.

Утверждается, например, что «господствовал догматизм, порождая нетерпимость к инакомыслию». Отметим, что съезд убедительно продемонстрировал утвердившийся порог этой терпимости. Вопрос в другом: откуда взялся догматизм и почему господствовал? Какие обстоятельства в партии и обществе способствовали этому?

К слову об обществе. В заявлении съезда подчеркивается, что «создаются предпосылки для выхода общества из кризиса, в котором оно оказалось». Вот так. Такое нехорошее общество, взяло вдруг и оказалось в кризисе. Но почему? Этот вопрос проясняется — из-за деформаций идей социализма. Спрашивается тогда: в чем же их причины? И кто виноват в этих деформациях: общество, партия, культ личности?

Некоторые адреса в заявлении называются. Это партийно-государственная верхушка, осуществлявшая диктатуру от лица пролетариата, и оторванная от народа структура партийно-государственной власти. Безусловно, и «верхушка», и «оторванная» структура свою роль сыграли. Но как стало возможным появление «верхушки» в рабоче-крестьянском государстве и почему структура оторвалась, если «установлена... власть, осуществляемая для народа и самим народом» (так говорится в Программе КПСС). Ответ напрашивается сам собой — из-за деформаций идей социализма.

Съезд партии не взялся разомкнуть этот порочный круг и поискать честные ответы на многочисленные и правомерные вопросы, часть из которых поставлена выше.

Полагаю, что источник, основной во всяком случае, трагедий и бед нашего общества, деформаций и преступлений в нашей послеоктябрьской истории — **насилие.** Насилие — основной метод революционного переворота (**насильственное** свержение власти). И в этом случае при всей его иррациональности оно объяснимо, может быть понято и даже прощено.

Но у нас **насилие** стало основным, почти единственным инструментом строительства нового общества. Оно не сводится к репрессиям сталинщины, трагический масштаб которых становится нам сегодня все яснее. Насилие стало тотальным, всепроникающим и направленным прежде всего на ущемление прав и свобод личности, на оскопление духа человека. Человек стал средством...

Молох насилия, «перемалывая» миллионы человеческих жизней, превращал каждую «человеческую единицу» и в жертву насилия, и в соучастника преступлений.

Свобода трактовалась как осознанная необходимость. А «осознать» помогала вся мощь партийно-государственной власти и идеологической обработки. Насилие стало чертой образа жизни, оставив для гуманизма место преимущественно на страницах газет и в многочисленных лозунгах.

Систематическая ложь стала особой формой насилия. Пропагандистские наркотики «вводились», по существу, с пеленок. В их производстве и воспроизводстве мы достигли небывалых высот и масштабов. Тут наше преимущество неоспоримо. Десятилетиями миллионы людей вслед за официозной пропагандой вынужденно (по незнанию, доверию, страху) говорили на черное — белое, осуждали или бурно одобряли.

Но, может быть, насилие как основной закон функционирования системы есть тоже результат деформаций идей социализма? Но тогда что же это за такая невинная жертва — социализм, который десятки вождей и партий в десятках стран «деформировали» в течение XX века? И, надо сказать, деформировали достаточно однообразно — культ, огосударствление, репрессии, низкая эффективность экономики и напластования лжи. Так, может быть, следовало говорить не о деформациях, а о том, что в десятках стран потерпела крах модель социализма Маркса и Ленина? Какие бы благие намерения у марксистов-революционеров ни были, их отказ от цивилизованных норм общественной жизни неминуемо вел к возрождению варварских и чудовищных форм, без которых эти общества не могли существовать. Конечно, сказывались исторические условия, проявлялись национальные особенности. Социализм в Северной Корее отличался от социализма в ГДР. Однако и тот, и другой, как это очевидно ныне всем, неэффективны. Таким образом, была порочна сама идея построения одного общества на развалинах другого.

Уместно здесь, видимо, разграничить «идеалы» и «идеи», в совокупности выступающие как руководство к действию, как революционная теория. Из нашего сегодня кажется достаточно очевидным, что следовало не разрушать до основания, а пытаться на имеющейся основе настойчиво искать путь и средства для гуманизации жизни, повышения эффективности и благосостояния. Искать на основе демократизации и самоуправления, а не через разнообразные формы насилия.

Всеохватывающий разгул насилия стал возможным потому, что оно имеет доктринальное происхождение. Оно вырастало из теории классовой борьбы, опиралось на идеи диктатуры одного класса и **формирования** нового человека, на непроработанность представлений о мотивации к труду в новом обществе. И, конечно, оно подогревалось революционным нетерпением и сопротивлением «материала».

А как же тогда быть с энтузиазмом масс, с вдохновенным, напряженным трудом? Да, это было. Но вовсе не оправдывает реализацию идей социализма революционным путем, ценой огромных лишений, ценой свободы прежде всего. Все, что у нас создано, создано героическим трудом народа и вопреки системе, системе социального Чернобыля.

XXVIII съезд не пошел по пути поиска истинных причин кризиса общества, не поднялся до полной правды и покаяния. А что это означает? Что сохранится приверженность к «фронтовой» идеологии, к противопоставлению классовых интересов, к поиску врагов везде и всюду.

Многочисленные проявления «баррикадной» психологии мы видели и на XXVIII съезде, и в особенности на Учредительном съезде КП РСФСР. Чего тут только не было! Досталось и прессе, и кооперативам, и антикоммунистическим происками, и империализму, и нарождающейся буржуазии, и теневой экономике, а больше всего руководству партии.

И с этой стойки «кулачного бойца» кто-то в партии намерен «действовать, действовать и действовать». Что это значит, мы ясно увидели из проекта «Программы действий КП РСФСР». Документ не принят. Но «руководящие» идеи остались и их реализация (не приведи Господи!) вновь толкала бы нас к безответственным экспериментам, уводила бы многострадальные народы России в исторический тупик. Увольте!

Иными словами, уход съезда от полной правды сохраняет идеологию насилия как основу партийной политики и широкие возможности для структур партии пользоваться испытанным арсеналом конфронтационности и обмана. Этот итог съезда прежде всего и неприемлем для значительной части сторонников Демократической платформы.

Стоит еще раз вернуться и к проблеме исторической ответственности КПСС. Мы исходили из острой необходимости покаяния партии и настаивали на этом. Но съезд амбициозно отверг эту возможность нравственного очищения. Аргументы? Хватит чернить историю и рвать на себе рубашку. Виноваты единицы, а миллионы честных людей ни при чем.

В результате дело свелось к скупой и мало о чем говорящей фразе в Программном заявлении: «КПСС как правящая партия несет политическую и моральную ответственность за сложившееся в стране положение». Когда сложившееся и почему? А кто несет ответственность за коллективизацию, от которой страна не может оправиться уже полвека, за ГУЛАГ, за ужасные жертвы и последствия второй мировой войны? Почему не руководящая и направляющая сила, а только группа инициаторов культа личности и дисциплинированных исполнителей их воли?

Конечно, миллионы коммунистов сами страдали и не участвовали в преступлениях, были и во многом остаются и сегодня бесправными в своей политической организации. Но это же не снимает ответственности с «ядра» и «авангарда», залившего страну кровью и заведшего ее в тупик. По воле этого «авангарда», на основе его идеологии, с помощью весьма своеобразных способов действий правящей партии и творилось то, что творилось.

Кстати, и в нацистской Германии не все участвовали в истреблении людей и творили преступления. Большинство просто выполняло свой долг и тоже было жертвой. А в Чили при Пиночете вообще достигнуты замечательные экономические результаты. Что же нам теперь, оправдывать и фашизм, раз большинство людей непричастно к его преступлениям?

Опыт денацификации учит, что покаяние необходимо. Нация должна полностью очиститься от грехов, пусть даже и предшествующих поколений. Иначе ее нравственное здоровье всегда будет под угрозой повторной идеологической инфекции, будет страдать хроническими приступами тоталитаризма.

Без глубокого покаяния на самом деле невозможно возвращение к цивилизованным формам экономики и общественной жизни. Иначе процесс преобразования общественного сознания, утверждение восприимчивости к демократическим институтам и рыночным механизмам растянется на поколения. Сегодня идеологические предрассудки, стереотипы поведения являются пока труднопреодолимым препятствием для решительных преобразований. Сохраняется возможность вновь и вновь загнать экономическую деятельность, общественные процессы в идеологический коридор, который, как следует из нашей истории, оказывается лабиринтом без выхода.

К слову об истории. Мы против злонамеренного очернительства и фальсификаций, откуда бы они ни исходили. Но мы также против табу на правду, на новую научную интерпретацию тех или иных исторических явлений, на критику кого бы то ни было и чего бы то ни было. Хватит нам «неприкасаемых» и «священных коров». В противном случае мы не будем знать и понимать свою историю, учиться у нее, а значит, и уважать.

Покаяние было нужно как нравственная дезинфекция, которая должна сделать невозможным возврат к сталинизму и брежневщине как необходимому этапу выздоровления и партии, и общества.

Покаяние партии, как системы, связывающей воедино идеологию насилия, жесткий централизм и власть меньшинства во внутрипартийных отношениях и специфические методы руководящей деятельности без ответственности за ее результаты, означало бы категорический отказ от всего этого **навсегда.**

И то, что аппаратная часть партии, а съезд выражал преимущественно ее интересы, отвергает необходимость покаяния, не случайно: тут и желание непременно командовать, командовать и командовать, тут и непонимание стратегического значения этого шага. Покаяние неизбежно, и оно состоится. Но, как всегда у нас, прозрение придет с опозданием.

Дух полуправды, вольного или невольного лукавства с элементами прямой лжи господствовал на съезде. Оставим это для специального анализа. Однако один сюжет обойти все же нельзя.

Имею в виду многократно звучавшие и до съезда, и на нем обвинения, что Демократическая платформа выступает за капитализм и против социализма.

Мы против такой постановки вопроса в принципе. Стоит вспомнить происхождение этих «измов». Как ни странно это будет звучать для многих, само слово «капитализм» гораздо более поздне-

Окончание см. на стр. 9.

«Художников в лагере трое, пишут для начальства картины бесплатные, а еще в черед ходят на развод номера писать».

А. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича».

ИСКУССТВО ГУЛАГа

История ГУЛАГа хранится не только в засекреченных архивах КГБ. Его дни и дела, оккупированная им таежная глухомань и степная ширь, порабощенные люди, их лица и бытие, многое из того, что сопутствовало годам заточения, сохранилось в художественных образах, созданных очевидцами. Портреты, пейзажи, жанровые сцены. А также работы вышивальщиц, вязальщиц, умельцев, мастеров «на все руки» — и в них тоже, как в зеркале, отражена жизнь в лагере.

И еще один источник. Освобождая зека, с него брали подписку о «неразглашении». Люди молчали, но бдительные стражи не учли, что человек уходил в лагерной телогрейке, обуви и шапке, увозя в деревянном сундучке кружку и ложку, подаренные на память самоделки. А иногда и свой лагерный номер, надеясь, что найдет эта замызганная тряпица свое место в будущем музее.

Каждый такой предмет — как символ жизни и смерти в ИТЛ. И сегодня, извлеченные с антресолей и чердаков, из полузабытых укрытий, эти вещи существенно дополняют картину лагерной жизни, обозначенную в произведениях писателей и художников. Потому и вошли они в экспозицию выставки «Творчество в лагерях и ссылках» вместе с фотодокументами, картой лагуправлений, протоколами обысков, справками КГБ.

* * *

Как и все иные слои населения, художники истреблялись планомерно, поодиночке и массированно: в конце 1934 года арестовали группу первокурсников художественного отделения Московского полиграфического института как якобы членов террористической организации «Голубая лилия»; в 1936—1938 годах на Украине уничтожили членов мастерской монументальной живописи, организованной Михаилом Бойчуком; в те же годы расстреляли обосновавшихся в Москве художников — бывших красных латышских стрелков; в 1946 году репрессировали многих студентов Московского института, в 1948-м — выпускников из Тарту и т. д., и т. д. Многих расстреляли. Остальных отправили в ИТЛ.

К счастью, ГУЛАГ предусмотрел КВЧ — «Культурно-воспитательную часть». Пройдя какой-то срок на общих работах, художник обычно определялся по своей профессии. Обязанностей было множество. Тысячам зеков писали номера — на левой штанине или на юбке, на шапке, на спине; рисовали и писали портреты вождя всех времен и народов — средние, большие и огромные; оснащали зону транспарантами, лозунгами типа «Слава труду»; оформляли клубы, стенгазеты, бараки; изготовляли декорации и костюмы для самодеятельности, в некоторых лагерях — для профессиональных театров. И обслуживали лагерное начальство: обшивали их жен (называлось «импошив»), делали их портреты, а также копии картин, известных по «Огоньку», ремонтировали квартиры.

Работа в КВЧ давала возможность пользоваться бумагой, кистями, красками для себя. Конечно, не открыто. Если сделанные работы находили, их отбирали и варварски уничтожали. Могли посадить в холодный карцер. Можно было, подобно Юло Соостеру, поплатиться передними зубами, получив удар сапогом в лицо.

Пейзаж и портрет, выполненные простым или цветными карандашами, встречаются чаще других жанров; портреты пользовались, пожалуй, самой большой популярностью. Размером с альбомный лист или почтовый конверт, они отсылались домой вместо фотокарточек (по возможности с оказией, минуя цензуру). Художник — им мог быть и профессионал, и самоучка-любитель — при желании получал за работу пайку (она ценилась дороже золота) или немного денег для ларька.

У гулаговской портретной галереи есть общая черта: в лицах не прочтешь злобы, ненависти, испепеляющего горя. Открытых эмоций нет, разве что затаенная тоска в глазах, которую не удавалось спрятать ни модели, ни художнику. А прятали по двум причинам: от чужого проницательного взгляда — могли приписать клевету на советскую действительность и дать новый срок , и не хотелось родных огорчать. Более того, художник мог и приукрасить коечто (как Лев Кропивницкий, изобразивший себя в придуманном пиджаке вместо телогрейки), чтобы дома не очень пугались.

Работ маслом сохранилось крайне мало: в ссылках не было этих красок, в лагерях писать свое уж вовсе не разрешалось, да и прятать затруднительно — масло ведь пахнет, долго сохнет. На нашей выставке работы маслом можно перечесть по пальцам: картины Михаила Соколова, пять — Ростислава Горелова, созданные в 1935 году в художественной мастерской Потьмы, портрет Юлия Даниэля, написанный через тридцать с лишним лет в тех же мордовских лагерях Романом Дужинским... Позднее Даниэль признавался, что так и не узнал, «как, какими путями холст, свернутый в трубку, прошел все обыски, все осмотры, как он, миновав руки и ножи надзирателей, выбрался за колючую проволоку».

Тема лагерного творчества бесконечна. Нам дорого все созданное под колесами репрессивной машины, но отдельные произведения поднимаются над общим уровнем, возвещая незаурядность таланта. Такие работы дают особо остро почувствовать, сколько отнято у художника, как бесконечно много потеряло общество. Графика Бориса Свешникова рассказывает о лагере, мало что называя своими именами. Строения, подобные средневековым замкам, люди в богатых одеждах, нищие в лохмотьях; жалкие хижины рядом с высоченными горами и крепостными башнями, высокие стены интерьеров, непомерно высокое небо — агрессивная стихия холодного, враждебного человеку пространства, где он подобен муравью, одинок и обречен. Чем более противоречащими реальности кажутся фантасмагорические сопоставления Свешникова, тем явственнее в них отражение лагерных кошмаров. Как бы ни пытался бежать художник от действительности в мир фантазии, вымысла, жизнь жестко возвращает его к очевидному: к доходяге, поедающему помои, к монстрам в санчасти, к висельнику среди бесчисленных тикающих настенных часов.

* * *

Барачные нары — это зыбкое пристанище изнуренного тела, где расправлялась загнанная в угол, униженная душа человеческая, чтобы на какие-то мгновения оторваться от ирреальной повседневности, воспарить и коснуться вечности, истины, красоты. На нарах сочиняли, писали, вышивали, рисовали, читали молитву — все скрыто от недреманного ока надзирателей. На нарах больничного барака задыхающийся, отекший от сердечной болезни Михаил Соколов создал свои крохотные работы. Посылая миниатюрные — со спичечный коробок! — пейзажи друзьям, он называл их «пустяками». Бесконечно далекими от нравственных и физических мук, не оставлявших Соколова все годы неволи, кажутся эти исполненные поэзии виды природы, написанные чудо-техникой, где на основе глины замешены зубной порошок, акрихин, красный стрептоцид и бог знает что еще...

В тех условиях материалы для творчества доставались с трудом. Если не было КВЧ или посылок с кистями и красками из дому, рисовали простым карандашом, школьным пером, фиолетовыми чернилами, тушью, печной сажей. Из грубой оберточной бумаги делали рукописные иллюстрированные книжки. Ирина Борхман сделала в ссылке несколько пейзажей свиной кровью. Под живопись шли мешковина, обшивка от посылок, портянки. Шахматы, четки лепили из хлеба. Когда не было швейных иголок, сверлили дырки в зубьях расчески и рыбьих костях, цветные нитки для вышивания добывали из бывшего трикотажного белья, нитки для вязания выдергивали из кромки — ее отрезали от байкового полотнища при шитье солдатского белья. На таком платке в нашей экспозиции черной краской выведен номер Г-383, он связан Юлией Витковской в Потьме.

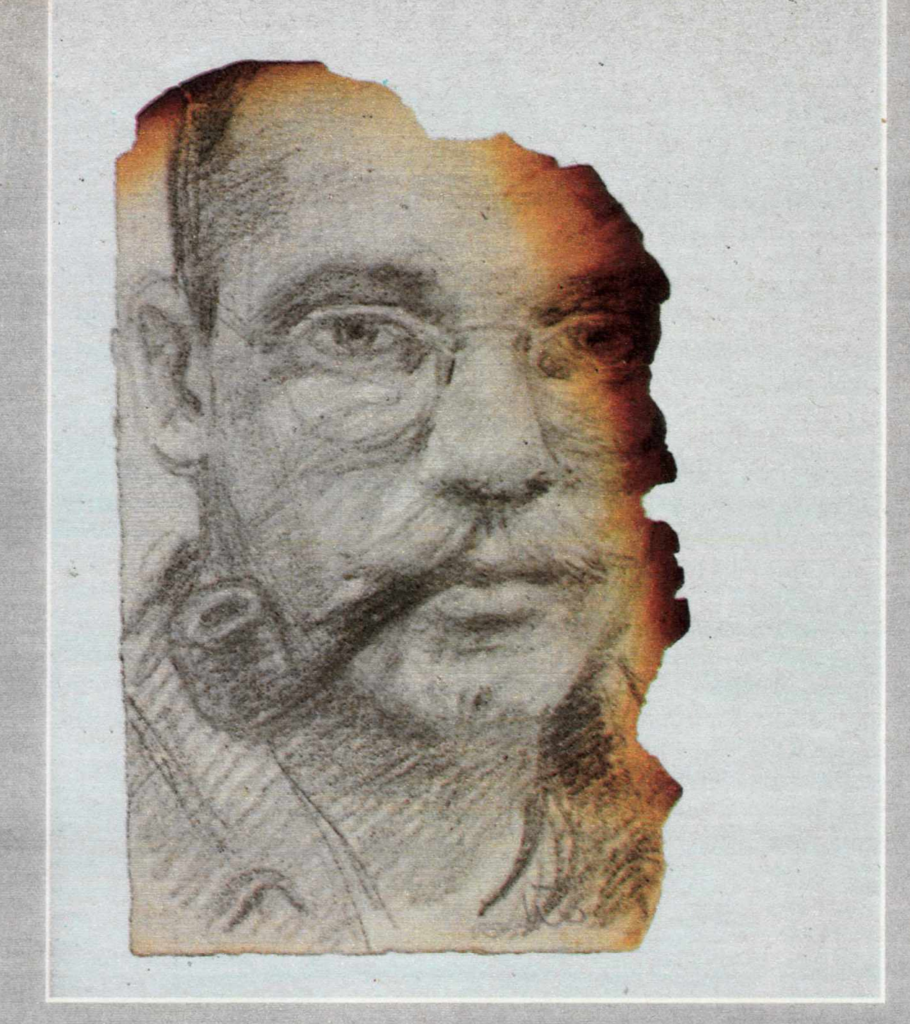
Среди вышивок были и простенькие, и виртуозные, за каждой — сломанная женская судьба, искалеченная жизнь. Мастера своего дела вышивали тончайшие узоры на блузках, рубашках, которые, по всей видимости, шли на экспорт. При лампочке в 25 свечей ночами или когда мороз сорок градусов и на работу не гоняли, вышивали подушки и подушечки, кисеты, кошельки, обложки записных книжек и молитвенников, Богоматерь с младенцем, Христа. В. Ефимова вышивала картины. Пять ее копий с русских классиков (Левитана, Куинджи, Поленова и др.) были с выставки в Магадане подарены вицепрезиденту США Уоллесу.

Система ГУЛАГа дала первому в мире социалистическому государству миллионные армии дармовой рабочей силы не только для строительства Беломорканала, «мертвой дороги» Салехард—Игарка, лесного промысла, добычи золота, угля. Практически за пайку и баланду зеки работали во всевозможных мастерских, делали мебель, керамическую посуду, шили; в здание магаданского театра приводили под конвоем В. Шухаева и Л. Вегенера — писать декорации и делать костюмы для драматических и музыкальных спектаклей; И. Махлис, художник-постановщик фильма «Чапаев», руководил самодеятельностью (хорошая лагерная самодеятельность была престижна для начальства). Исаак Шерман, как видно по его автошаржам, человек с неизбывным чувством юмора, иллюстрировал Эренбурга, Крылова, Михалкова в Магаданском книжном издательстве, хотя фамилии его вы нигде не найдете. Художник был бесправен, как раб. В любой момент его могли наказать — запретить переписку, вернуть на общие работы, добавить срок, отправить в этап, как это сделали с Шухаевым: заказанный ему эскиз картины «Сталин на позициях», где вождь изображен в зимнем полушубке, а потому без воинских регалий, квалифицировали как «вредительство» и дали трое суток карцера — гибельные, поскольку с минусовой температурой. Дело обошлось одними, в течение которых пятидесятивосьмилетний художник все время «приплясывал», чтобы не окоченеть...

Говорят, время лечит все. Не убеждена. Непереносима мысль о расстрелянных художниках. Среди них — мастера яркие, неповторимые, цвет и гордость нации. Работ этих художников не было в экспозиции: они не дошли до ИТЛ. Их этап измерялся длиной тюремного коридора.

Валентина ТИХАНОВА

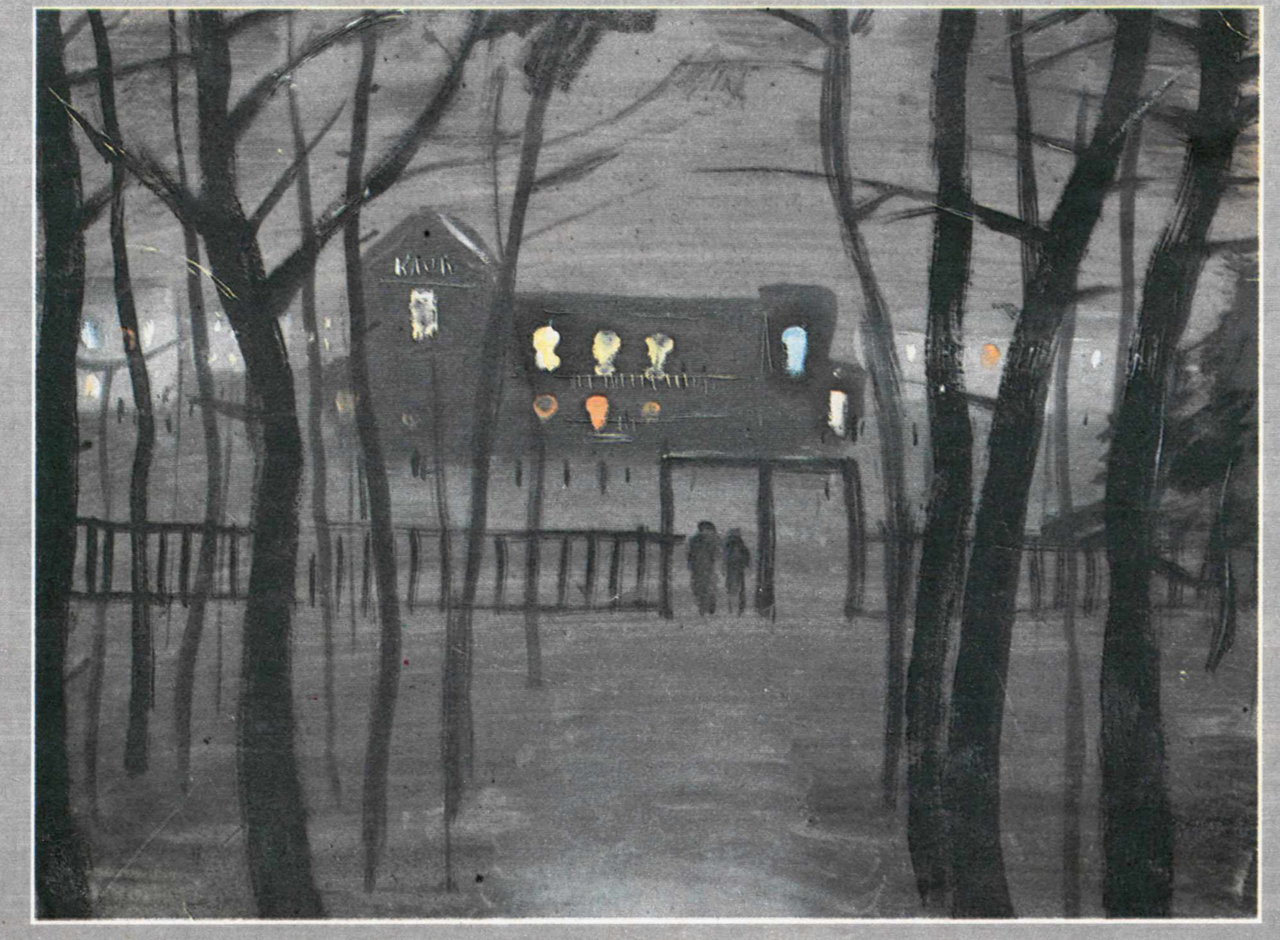
ГУЛАГ прекратил свое существование. Нам остались пробившиеся сквозь годы свидетельства, в том числе и эти работы. Что же происходит в сегодняшнем «уголовном архипелаге»? Об этом — материал второй цветной вкладки «...Тридцать лет спустя».

Юло СООСТЕР. АВТОПОРТРЕТ. 1950-е. ИТЛ Долинка.

Стефания ПРОЦЫК. ПЕРЕДАЧА В ТЮРЬМУ. Вышивка.

Михаил СОКОЛОВ.
МЕРТВАЯ ПТИЦА.
1946—1947. Рыбинск (ссылка).

Константин СОБОЛЕВСКИЙ.
ЛАГЕРНЫЙ КЛУБ.
Около 1936. Дмитлаг.

тлени, и он кинулся в объятия бегущих! Они плакали и смеялись, и обнимали друг друга, и снова плакали, и снова смеялись!

А когда прошел первый порыв радости, правители города взяли Эдипа под руки и при ликующих криках толпы повели в город.

И там, на верхней ступени своего дворца стояла царица Фив, прекрасная Иокаста. К ней подвели правители Эдипа и когда он взошел по мраморным ступеням, покрытым алым ковром, царица взяла в свои белые, как лилия, руки его голову и поцеловала в раскрытые губы.

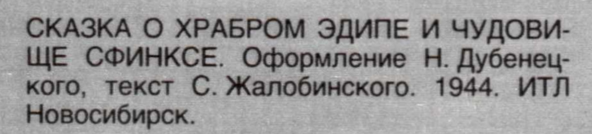
— Приветствую тебя, мой муж и повелитель! — сказала царица и Эдип стал рядом с ней на самой верхней ступени. И оба они были так хороши, что народ в безмолвии смотрел на них.

Тогда поднялся по ступеням юноша и, стоя против Эдипа, спросил его:

— Скажи мне, избавитель, что вдохновило тебя на подвиг — жажда ли

СКАЗКА О ХРАБРОМ ЭДИПЕ И ЧУДОВИЩЕ СФИНКСЕ. Оформление Н. Дубенецкого, текст С. Жалобинского. 1944. ИТЛ Новосибирск.

Мария ТРОИЦКАЯ. ВЫШИВКИ. 1937—1945. Темниковские ИТЛ.

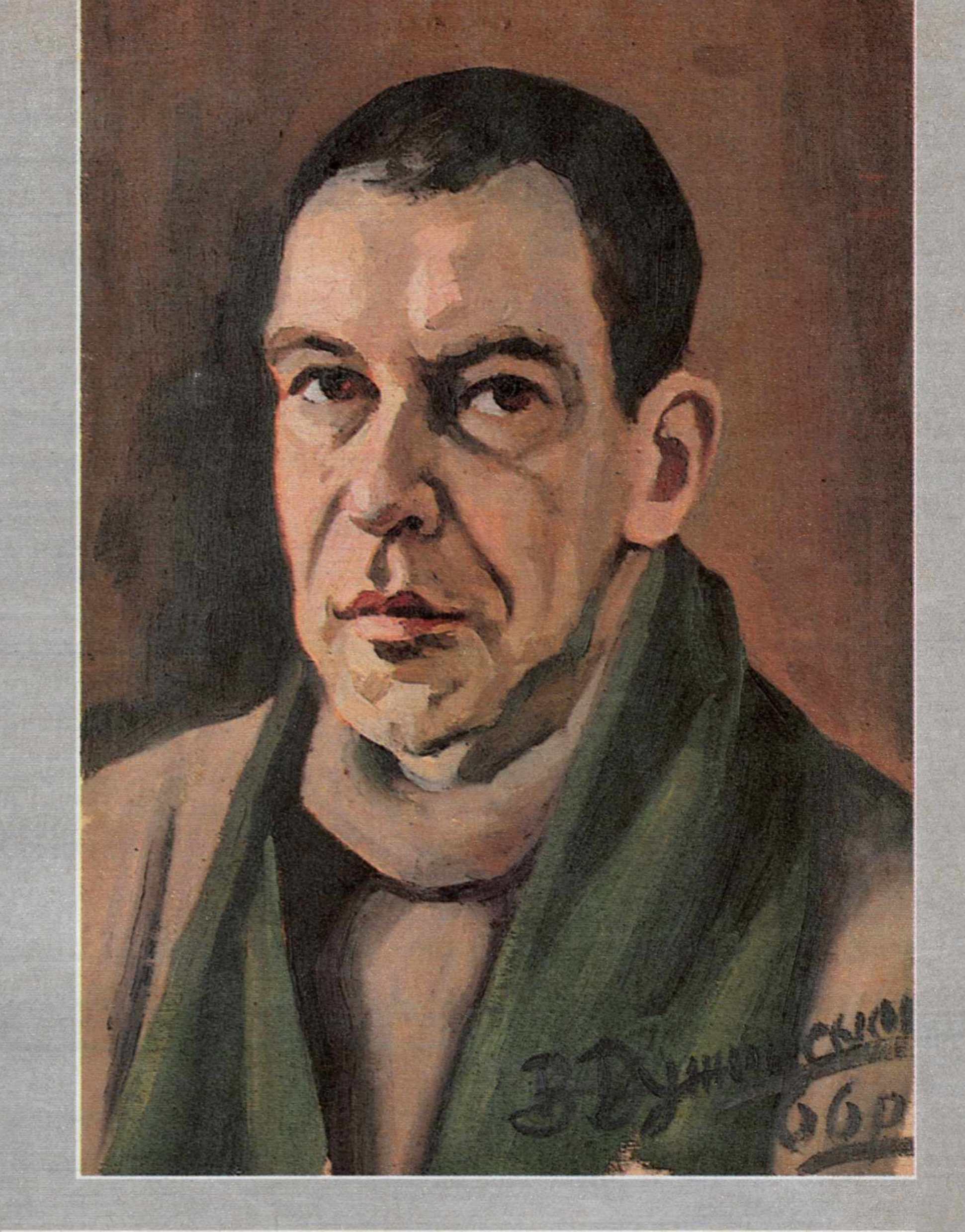
ЛАГЕРНЫЕ ВЫШИВКИ. Мордовские ИТЛ. 1950-е?

Стефания ПРОЦЫК. ИИСУС И МАРИЯ. Вышивка.

Епископ Леонтий ЖИТОМИРСКИЙ. СВЯТАЯ АННА. 1920-е. Соловки.

Роман ДУЖИНСКИЙ. ПОРТРЕТ ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ. 1966. Потьма.

Ольга АНДРУЩИШИН. «БОГОМАТЕРЬ». Вышивка. 1952. Карлаг.

Окончание.
Начало см. на стр. 6.

В ЧЕМ НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ?

го происхождения, чем «социализм». Специалисты знают, что сам К. Маркс слово «капитализм» практически не использовал. В широкий научный оборот это понятие вошло в начале 20-го века. Потом появились и другие термины — индустриальное общество, постиндустриальное общество и т. д.,— отражающие современные представления о ходе и содержании новейших социально-экономических процессов.

Мы категорически против упрощения явлений и проблем, против утверждений, что при одном «изме» все прекрасно, а при другом все скверно. К слову, стоит напомнить и то, что большевистская версия социализма вовсе не единственная, их десятки, и то, что она исходила как раз из практики упрощения. Сложнейшие проблемы общественного устройства сводились к нескольким простым (но не бесспорным) формулам, верным будто бы всегда и везде.

Мы за объективность и реализм. Сегодня для нас важны не «измы», а понимание конкретного направления движения. Если под социализмом понимать общество, интегрирующее демократические свободы, эффективную экономику, систему социальных гарантий для человека, то тогда мы за социалистический выбор.

Если же под строительством социализма понимать новую попытку внедрения в жизнь представлений Маркса и Ленина о современном обществе без государства, частной собственности, парламентской демократии — именно так нам советуют марксисты типа А. Сергеева,— то в этом случае мы против социалистического выбора. Говорить же о коммунистической перспективе, по нашему мнению, сегодня после Сталина, Мао и Пол Пота просто неприлично. Конечно, каждый имеет право верить во что угодно; пусть те, кто ждет пришествия коммунизма, верят в него. Однако, если мы всерьез занимаемся политикой, хотим провести глубокие преобразования, мы не можем вновь звать к коммунизму. На современном политическом рынке этот товар спросом не пользуется. Оставим саму идею коммунизма пока в стороне. Сегодня не столь важно, хороша она или плоха. Важно то, что ориентация на эту перспективу вновь может вернуть нас к практике жесткого конструирования общественных процессов, к практике упрощения и идеологического зашоривания, то есть к практике **насилия.**

В силу этих и ряда других причин демократические силы в КПСС выступили против итогов XXVIII съезда. Как модно стало писать в современной официальной прессе, это решение принято «неоднозначно». К традиционным упрекам в амбициозности, стремлении к власти добавился еще один: Демплатформа разрушает достигнутый на съезде «консенсус», играет на руку неконструктивным силам, не учитывает успехи в процессе демократизации партии, с таким трудом достигнутые на съезде. Кроме того, некоторые люди, в том числе и те, в искренности которых не приходится сомневаться, говорят о нечеткости целей, противоречивости и непоследовательности поведения демократов. Особенно на фоне бесспорной для них победы реформаторских идей и сил на съезде.

Для нас это небесспорно. Попробуем разобраться, а кто же все-таки победил на съезде. В политике и экономике нередко бывает так (в отличие от спорта), что могут либо все выиграть, либо все проиграть. Например, в результате прекращения войн и гонки вооружений выигрывают все народы. И наоборот, в межнациональных конфликтах проигрывают также все.

Безусловно, правые потерпели на съезде очередное, хотя и далеко не смертельное, поражение. Что и подтвердил второй этап Учредительного съезда. Голос левых сил был слаб и большого влияния не оказал, так что и демократы скорее проиграли, чем выиграли. Сработал аппаратный подбор делегатов.

Но выиграл ли инициатор перестройки и его соратники, те, кого называют реформаторским центром? Вряд ли. Хотя суд Линча и не состоялся, но не приходится сомневаться, что подавляющее большинство республиканских партийных руководителей достойно заменят ушедших в отставку лидеров-консерваторов. То, что нынешнее Политбюро уверенно примет консервативную эстафету, очевидно, если учитывать политические позиции, а они проявились и на съезде, большинства его состава. Примет, конечно, с коррекцией на изменившиеся условия.

Главное, однако, заключается в другом. Хотя партия, безусловно, и раньше не была во главе перестройки, теперь ее место стало еще более определенным — в обозе перестроечных процессов. Лидерство, бесспорно, за демократическими Советами народных депутатов всех уровней.

Даже реформаторские силы партии все заметнее отстают от требований времени. Фактически они из авангарда перестройки стали ее арьергардом. Следует признать, что и в арьергарде быть не просто. Зачастую арьергарду, когда идет отступление, достается не меньше, чем авангарду.

Так и случилось на XXVIII съезде, когда М. С. Горбачев и его окружение подверглись активным нападкам со стороны перешедших в атаку правых сил. По сути дела, политика нынешнего руководства — это скорее отступление от тяжелого наследия прошлого, а не движение вперед. Да и как двигаться вперед, когда цели не ясны, средства не отражают ни наши, ни мировые реалии.

Именно здесь и заключается главное отличие позиции Демократической платформы. Мы не хотим заниматься только борьбой с отжившим, а стремимся решительно идти вперед с учетом мирового и особенно восточноевропейского опыта. Усилить авангард перестройки, сплотить демократические силы, вовлечь в активный перестроечный процесс широкие массы коммунистов и беспартийных — вот основная задача Демократической платформы.

Но, может быть, мы проявляем критиканство, недооцениваем конструктивные итоги съезда, его, так сказать, «сухой остаток»?

В этой связи следует вновь вернуться к Программному заявлению, к разделу «Программа действий КПСС» прежде всего.

Здесь на первый план выдвинут новый союзный договор. Постановка верная, но, как всегда, запоздалая. После продолжительной конфронтации с Прибалтийскими республиками фактически приняты их предложения. Возникает вопрос: а зачем надо было бороться с ними, с российским парламентом и другими республиканскими движениями в течение последнего времени? А теперь уже и на съезде отвергнуть федеративный принцип построения КПСС, который оставлял шанс для ее выживания?

Важное место занимают в документе социально-экономические проблемы. Главный порок этой части заключается все в той же вере в возможности централизованных мероприятий для проведения экономической реформы. Вместо того, чтобы строить социальную политику на поддержке ростков нового, поощрении индивидуальной и коллективной инициативы, создании условий для возникновения и закрепления эффективных хозяйственных форм, КПСС опять пытается, используя административные способы распределения и перераспределения ресурсов, вдохнуть жизнь в разлагающуюся посттоталитарную систему.

Под запретом остаются частная собственность и «эксплуатация», а следовательно, перекрываются пути к созданию нормальной рыночной экономики. Ведь, по сути дела, Запад, сдержанно относясь к оказанию нам финансовой помощи, абсолютно прав. Сегодня и завтра, если будут реализовываться решения XXVIII съезда, страна еще не готова к восприятию помощи, государственно-бюрократические структуры пустят на ветер любые суммы. Без свободы предпринимательства, коллективной и частной инициативы никакая помощь нам не поможет, да и никто нашей бюрократии, за исключением немцев (по известным причинам), деньги всерьез давать не будет.

Разделы «За свободу и благосостояние человека» и «За эффективную экономику» написаны так, как будто не было пяти лет перестройки. Фактически партия указывает государству, как оно должно помочь гражданам жить свободно и в изобилии. Здесь нет понимания того, что прежде всего надо создавать людям условия, чтобы они сами добивались своих целей, сами индивидуально, в коллективах, на территориях организовывались и решали свои насущные проблемы. А сделать они это смогут только тогда, когда будет кардинально решен вопрос о собственности, поскольку собственность — это и есть свобода и ответственность человека и коллектива людей.

Рассматривая вопросы народовластия, роли партии в обществе, мы должны исходить из необходимости добиться действительной независимости человека, реальных возможностей защиты его прав. Ни для кого не секрет, что именно партийный контроль над прокуратурой, судебными органами, армией и КГБ создает ту монополию власти, которая хотя бы уже вследствие этого монополизма вырождается в недемократические клановые структуры, защищающие интересы власть имущих, страхующие их бесконтрольность. Сопротивление партийного аппарата деполитизации правоохранительных органов и армии неприлично своей демагогичностью, поскольку любому человеку ясно, что это неотъемлемое условие демократии.

Разговоры о том, что армии вне политики не бывает,— это лукавство, это подтасовка понятий. Армия везде и всегда — инструмент политики, но политики государственной. И только у нас — политики одной партии. И пока армия, как и другие государственные структуры, будет выполнять решения Политбюро, очередного Пленума ЦК КПСС, никакого правового государства не будет. Так и будем в неведении: кто отдавал тот или иной приказ и вводил армию в действие?

А не пришла ли пора в принципе выбросить графу о партийности из всех кадровых документов?

Следующий принципиальный вопрос — вопрос о партии. Строго говоря, КПСС никогда не была партией, то есть свободным объединением людей для достижения общих целей. Это была составная и ведущая часть государственной структуры, своего рода идеологическое и кадровое ведомство, доминирующее среди других ведомств тоталитарной системы. При этом ее Устав представлял своего рода закон, стоявший выше Конституции, на основе которого решались судьбы коммунистов, осуществлялся контроль за способом мышления и действиями людей.

XXVIII съезд в целом подтвердил приверженность КПСС антипартийным методам построения политической организации: партию опять пытаются заставить существовать как некий орден, пусть не меченосцев, но как другой тоталитарный социальный институт. Иными словами, опять речь идет не о партии как добровольном союзе людей, приверженных общим целям, а о пронизывающей все общество структуре, построенной на пресловутом принципе демократического централизма.

Весь пакет документов, принятых съездом, наглядно свидетельствует, что КПСС не способна к действительному обновлению. Это подтверждает и стойкая приверженность старым организационным основам партии. Новый Устав КПСС не посягнул всерьез ни на одну из них. Запретительное наклонение изменилось на разрешительное. Власть партийных масс оказалась весьма и весьма усеченной.

Бесспорным с логической точки зрения является и вопрос об имуществе партии. Почему это наследие тоталитарного режима должно оставаться у аппарата? Почему глубоко антидемократический контроль над средствами массовой информации, десятилетиями служивший оболваниванию масс, должен сохраниться? Почему средства, образовавшиеся от партийного налога, десятки лет изымавшегося у миллионов людей, должны оставаться в партийной собственности? И, наконец, почему партия, которая признала хотя бы частично свою ответственность за всеобщий кризис государства и общества, хочет отделаться только словами, ни к чему никого не обязывающими? С точки зрения здравого смысла ответом на это может быть только передача имущества КПСС Советам народных депутатов. А после этого КПСС пусть существует на взносы своих членов и иные поступления, как и любая другая партия. И не полезно ли решить эту проблему через общепартийный референдум?

Оценивая итоги партийных форумов в общем плане, можно констатировать, что перестройка как попытка осуществить "революцию сверху" закончилась. На смену перестройке тоталитаризма идет процесс Возрождения общечеловеческих ценностей и цивилизованных форм общественной жизни. Идет мучительно и трудно. Во многом из-за попыток сохранить командно-административную систему через сращивание ее с "регулируемым" ею рынком.

Такого рода действия чреваты сползанием к общенациональному хаосу, к социальному взрыву. Не видеть такую опасность преступно.

В этой критической ситуации Оргкомитет Демократической платформы РСФСР на заседании 8—9 сентября принял Программное заявление о создании новой российской политической партии.

Идеалом новой партии является гражданское общество свободных тружеников, обеспечивающих за счет своих знаний, трудолюбия и предпринимательской инициативы достойный уровень жизни. Выступая за социальную защищенность для всех, не имеющих возможности своим трудом обеспечить себя и своих близких, мы решительно против насаждения равенства в нищете, против культа иждивенчества и зависти к достатку, приобретенному трудом и талантом.

В нашем Программном заявлении, в частности, говорится: «Мы — партия гражданского согласия, и главная наша задача — предотвращение социального взрыва в стране.

Мы выступаем за реальное наполнение и защиту суверенитета России, воссоздание ее государственности в форме демократической республики, обеспечивающей права и свободы всех граждан в соответствии с Декларацией прав человека.

Мы убеждены, что дружба народов, населяющих Россию, может возродиться только при условии создания свободного Союза суверенных наций и народностей, на основе всероссийского рынка товаров, капитала и рабочей силы. Это создаст базу для широкого союза политических сил, основывающихся на приоритете прав человека, ненасилии и отказе от монополии на истину. Вокруг этих ценностей могут объединиться православный и католик, мусульманин и иудей. Мы не приемлем союза только с теми силами, которые выступают с позиций национальной или классовой исключительности, тоталитаризма и насилия».

Это наше кредо, и так мы намерены действовать.

Георгий РОЖНОВ

Николай Христенко — человек не просто больной — болезненный, хвори к нему так и липнут. Как посмотрит его врач, так новый диагноз вдобавку к старым. В одну строчку, как положено, их в медкарту и не впишешь: хронический гастрит, хронический геморрой, пупочная грыжа, нейроциркулярная дистония, остеохондроз грудного отдела позвоночника, туберкулема правого легкого. Для кого просто мудреные названия, для Николая же — мука смертная. Как прихватит — ни сесть, ни встать, голова чугунная, руки ходуном ходят. Сорока лет не исполнилось, а уже доходяга.

Помимо болезней, висят на Христенко и шесть статей Уголовного кодекса, за которые ему определили пятнадцать лет отсидки на особом режиме. А уж зону выбрали — хуже не придумаешь. Самый север Свердловской области, лесоповал. Истинно лагерный край — поселок Сосьва с окрестностями, где вышки да проволока едва не на каждом километре.

И вот представьте: эта глухомань и этот полосатый доходяга в одночасье вдруг стали известны не только во всей Сосьве, не только в Свердловске, но и во многих высоких инстанциях Москвы. В Прокуратуре СССР и в Прокуратуре РСФСР, в МВД СССР и в МВД РСФСР, в Минздраве СССР и в Минздраве РСФСР, в Фармакологическом комитете и Комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Чуть не забыл — еще в Институте тропической медицины.

И где бы я ни произнес фамилию Христенко, сразу передо мной клали папку с бумагами и смотрели укоризненно — опять?

Месяц назад похожую папку завел себе и я. И чем больше скапливалось в ней копий документов или расшифровок моих диктофонных записей, тем больше становились мои познания если не во всей медицине, то уж, во всяком случае, в паразитологии. Тут я теперь почти дока. Я, например, знаю, что это за мерзкая болезнь — описторхоз, какими препаратами и в какой дозировке ее можно лечить, а какими — ни в коем случае.

Ах, если бы таким самообразованием занялись врачи, пользовавшие Христенко в центральной больнице учреждения АБ-239! Если бы явившееся им прозрение еще тогда, два года назад, остановило бы пусть не медсестер и фельдшеров, а хотя бы начальника больницы подполковника внутренней службы Е. А. Лиходиевскую и начальника санэпидстанции того же учреждения А. И. Гредякина! Не было бы тогда ни свалившихся на них потом бед, ни всесоюзной известности строптивого их больного Христенко.

Но что уж теперь плакаться — что было, то было. И Христенко — высоченный, худущий, с бешено горящими глазами — спрашивает меня сегодня:

— Что же это за лечение, после которого я вообще инвалидом стал? Зачем на мне и моих товарищах испытывали черт знает какое лекарство?

Запомним это слово — испытывали, мы повторим его чуть позже, но уже спокойнее и осторожнее, без взрывной горячности Христенко.

Да и он сам, как говорят в его среде, не «возникал», а покорно глотал порошки в ручной упаковке, которые ему три раза в день выдавали с кучей других лекарств. Но те, другие, он по многолетнему больничному опыту знал уже. А этот порошок — какой? Как называется? От чего? Эти вопросы Христенко впервые задал врачам лагерной больницы в апреле 88-го года, когда неведомым снадобьем вдруг стали потчевать повально всех пациентов.

Ответили ему встречным вопросом, в таких случаях для здешних медиков обычным: «В зону захотелось? На этап?» Особо опасного рецидивиста этим смутишь? Испугаешь? А если и не рецидивиста, а просто вконец больного человека, паникующего от каждого непонятного шага врачей? Короче, выведал Христенко, как именуются эти таинственные порошки — гексихол. И что лечат ими описторхоз — глистное заболевание печени. Вот эта болезнь и ему, и всем северянам знакома. Идет она от речных рыб — скушал их сырыми и подхватил заразу. Известно всем и то, что от этой напасти есть одно верное средство — хлоксил. Почему ж тогда гексихол? И почему втихую? Почему всем сразу? Все эти вопросы Христенко с помощью своих родственников разослал в те высокие инстанции Москвы, о которых я уже упоминал выше. Письма Христенко пространны, объемны, в них густо замешены отчаяние, боль, раздражение, злость, отчетливо видно желание непременно поразить адресата, выбить у него слезу. Если мы учтем, что свои обращения Христенко рассылал известной ему лагерной почтой, то получение первого ответа уже в июне 89-го года можно считать чудом. Пришел он из Фармакологического комитета Минздрава СССР за подписью главного ученого секретаря доктора медицинских наук М. И. Мироновой: **«Сообщаем, что сведений о препарате под названием «гексихол» Фармакологический комитет не имеет. В связи с этим у нас нет возможности помочь Вам разобраться в побочных реакциях на введение этого препарата».**

Могу предположить, что подумал Христенко, получив такой ответ. Прежде всего то, что он прав,— лекари в погонах черт-те знает какой отравой их пичкали. Самый главный фармацевт страны об этом гексихоле без понятия: это ли не странно, это ли не страшно? Пуще прежнего уверился теперь Христенко в том, что все муки, терзающие его тело и душу,— от него, от этого гексихола проклятого! Так и писал он теперь в своих жалобах — нарочно морило зеков лагерное начальство! Расследования, отмщения!

Докричался Христенко, услышали. В колонию особого режима приходит теперь письмо от самого начальника отдела по надзору за соблюдением законов в ИТУ Прокуратуры РСФСР старшего советника юстиции К. И. Авдеева: **«Прошу объявить осужденному Христенко Н. Г., что его жалоба, поступившая из Комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, Прокуратурой РСФСР проверена. При нахождении Христенко Н. Г. в больнице в его лечении применялся препарат гексихол, не разрешенный к применению в медицинской практике. По данному факту назначено служебное расследование, ход которого контролируется».**

Думаю, всем нам будет интересно посмотреть, кто и как проводил это расследование, к каким выводам они пришли и каково было К. И. Авдееву проводить свой контроль. Но прежде замечу: редко мне приходилось видеть такое внимание и такую личную обеспокоенность, которые проявили в прокуратуре республики к письму осужденного. Причина, думается, понятна, никого не поразишь жалобой на беззаконие, произвол, самоуправство, но чтобы на больных узниках испытывали неизвестно какое лекарство — о такой дикости К. И. Авдеев за свою прокурорскую службу еще не слышал. Ужели этот Христенко прав, ужели не вешает гражданам начальникам лапшу на уши? Вдруг — правда?

Авдеев без промедления шлет строгие циркуляры сразу в три адреса: начальнику Главного управления по лечебно-профилактической помощи Минздрава РСФСР В. И. Стародубцеву, начальнику Медицинского управления МВД СССР В. В. Кравченко и прокурору Свердловской области государственному советнику юстиции 3-го класса В. И. Туйкову — тщательно проверить, в месячный срок доложить!

Первым, как это и положено по субординации, откликнулся В. И. Туйков: **«Находясь на обследовании и лечении в центральной больнице учреждения АБ-239, осужденный Христенко Н. Г. получил курс гексихолтерапии. Гексихол разрешен к применению у больных описторхозом. В ходе проверки неправомерных действий со стороны администрации не установлено. В больнице Христенко вел себя вызывающе, дерзил медперсоналу, заявляя, что его отравили гексихолом. Общее состояние Христенко удовлетворительное».**

Надеюсь, понятно, с каким злопыхателем, по мнению свердловского прокурора, мы здесь столкнулись — для Христенко применяют разрешенное средство, изобретают на его основе целый курс одноименной терапии, а больной рецидивист вызывающе дерзит... Чудо что за гладенькая отписка получилась бы у госсоветника юстиции, если бы его московский начальник не знал к тому времени досконально: в Государственном реестре лекарств гексихола нет и в помине! Авдеев теперь разговаривает с Туйковым строже: **«В ходе проверки жалобы Христенко Н. Г. установлено, что гексихол не относится к препаратам, разрешенным Министерством здравоохранения к применению в медицинской практике. Прошу Вас с привлечением специалистов организовать расследование по данному факту, решить вопрос в порядке ст. 109 УПК РСФСР, а также об ответственности лиц, по указанию которых применялся препарат, и о результатах сообщить в прокуратуру».**

А что же Минздрав России, почему молчит? Прождав два месяца, Авдеев теряет терпение и адресует начальнику главка Стародубцеву еще одно предписание: **«Расследование данного факта Минздравом РСФСР еще не проведено и передано в Медуправление МВД СССР. Прошу разобраться в причинах неисполнения поручения Прокуратуры РСФСР и принять меры по недопущению в дальнейшем применения препарата гексихол».**

Какую информацию удалось выудить Авдееву из этой переписки? Главное: неизвестное пока, недозволенное лекарство опробовалось на больных узниках. Почему, какая нужда заставила? И почему все молчат, что это за препарат такой? И отчего намеренно замыкают разговор только на одном Христенко — что, других больных чаша сия миновала? И случайно ли уходит в сторону Минздрав, предоставляя МВД ненужную сейчас самостоятельность в расследовании и оценке случившегося в его ведомстве безобразия?

Почти три месяца потребовалось для того, чтобы в учреждении АБ-239 создали комиссию и поручили ей разобраться в странных новациях медиков. Разбирались старший инспектор по личному составу капитан внутренней службы С. П. Белеванцев и старший инспектор медотдела капитан внутренней службы Л. С. Пушников. Установили: **«В 1988 году центральная больница учреждения испытывала дефицит препарата хлоксил для лечения больных описторхозом. Поэтому после получения схемы лечения указанных больных препаратом гексихол, подписанной заведующим паразитологическим отделом областной санэпидстанции г. Свердловска кандидатом медицинских наук Пономаревым Д. Н., начальник СЭС учр. АБ-239 А. И. Гредякин получил гексихол в количестве 1850 граммов и передал его в центральную больницу учреждения. До ноября 1988 года препарат был израсходован полностью, пролечено 167 человек. Ни у кого из медицинских работников не возникло сомнений в применении гексихола. У больных, принимавших гексихол, осложнений не выявлено. Полагали бы: за применение для лечения больных препарата гексихол, не разрешенного для лечения людей, начальник центральной больницы подполковник внутренней службы Лиходиевская Е. А. и начальник СЭС Гредякин А. И. заслуживают строгого наказания. Но, учитывая, что применение гексихола не является умышленным и у больных не возникло осложнения, считаем возможным рассмотрение данного факта на оперативном совещании».**

Что ни ответ, то новые вопросы. Опять неизвестно, чем именно потчева-

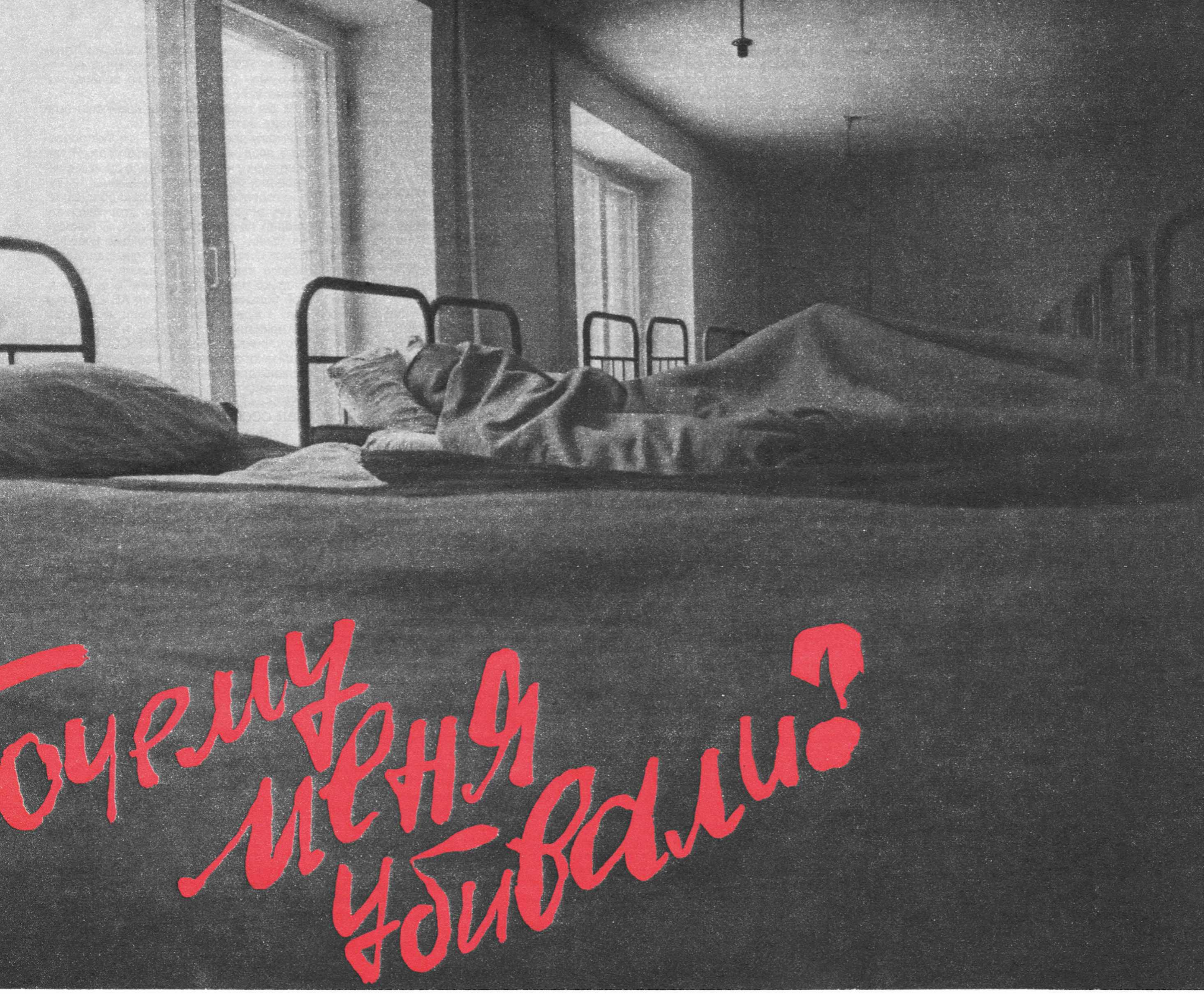

Фото Анатолия ДОЛМАТОВА

ли больных. Опять странность: признается, что пользовались неразрешенным средством, а у медработников ничто «не вызывало сомнений». Опять все то же стремление свести подлинное ЧП к частному случаю, а вместо решительных мер ограничиться разговором на оперативном совещании.

В помощь Авдееву подключается Прокуратура СССР — и тут я должен сказать доброе слово о работниках отдела по надзору за соблюдением законов в ИТУ. Если бы они, получая письма Христенко и его родных, успокоили себя тем, что их копии проверяют коллеги из республиканской прокуратуры и взяли бы на себя только функции надзора,— кто бы их упрекнул? Но и здесь были встревожены не на шутку, и старший помощник Генерального прокурора Союза член Коллегии Ю. А. Хитрин обращается уже к министру здравоохранения России А. И. Потапову: **«Прошу Вас организовать с участием специалистов Министерства и Медицинского управления МВД СССР, которому будут даны соответствующие указания, тщательную проверку обстоятельств применения гексихола, по результатам принять соответствующие меры к виновным лицам. Не исключено, что гексихол применялся и применяется в других исправительно-трудовых учреждениях».**

Отрадно видеть широту поставленной прокуратурой задачи и совсем неприятно думать о том, что ни Минздрав, ни Медуправление МВД, ни тем более лагерные чины пресловутой Сосьвы за истекшие четыре месяца сами не встревожились, не засовестились, не подстраховались даже без этого указания! Напоминаю: о лекарском самоуправстве все указанные ведомства были извещены еще 25 мая, а совместную комиссию создали лишь 14 октября. Вот ее члены: Климова Т. В., начальник терапевтического отделения Центрального госпиталя МВД СССР, Шах Е. Г., старший инспектор Медицинского управления МВД СССР, Степанов Т. Ф., кандидат медицинских наук, главный паразитолог Тюменского облздрава, Завойкин В. Д., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Института медицинской паразитологии и тропической медицины имени Е. И. Марциновского, Цветкова В. Е., врач медотдела УИД УВД Свердловского облисполкома. Председатель — и. о. завотделом паразитарных заболеваний республиканской санэпидстанции Е. Н. Кривцова. Подозреваю, что только здесь, в таежной глухомани, врачи наконец узнали, что это за диковинное для них лекарство — гексихол. Думаю, в этом моем предположении они не усмотрят ничего оскорбительного для своей профессиональной образованности — медикам, пользующим людей, вовсе не обязательно знать средства, выводящие паразитов у животных. Да, именно так — гексихол, как лекарство сугубо ветеринарное, отлично выгонял глистов у здешних собак, как охотничьих, так и конвойных, их владельцы поведали это гостям охотно и со знанием дела. Но тогда возникал вопрос: каким же образом это собачье снадобье оказалось в Свердловской СЭС, которая четвероногих не обслуживает? И верно ли тогда, что им поделились с начальником лагерной СЭС Гредякиным, а тот — с начальником больницы Лиходиевской? Начальница рассердилась и написала еще одно объяснение: **«Больница постоянно испытывает недостаток медикаментов, в т. ч. и антипаразитарных препаратов. Областная СЭС постоянно снабжала нас препаратом хлоксил, но когда его не стало, мы получили от Свердловской СЭС гексихол, в связи с чем у нас не было никакого сомнения в правильности и правомерности применения данного препарата для лечения больных. Тем более что выбора у нас не было».**

Ее коллега Гредякин объяснился еще короче: «Мною по накладной № 132 получен в областной СЭС гексихол и передан в центральную больницу для лечения спецконтингента. Жалоб лечащих врачей на какие-то осложнения при лечении препаратом не было».

Не правда ли, легкость в мыслях у обоих медиков необыкновенная? И простодушие редкостное. Знают ведь, что гексихол для собак, а лечат людей — «у нас не было никакого сомнения». Слышат заявления Христенко о том, что после гексихола ему стало хуже,— «жалоб врачей на осложнения не было».

Я потом поинтересуюсь, как комиссия отреагировала на объяснения своих коллег из Сосьвы, окажется — никак.

А вот в Свердловской областной СЭС комиссию ждал сюрприз почти детективный. Гости легко отыскали накладную № 132, по которой Гредякин получал гексихол. И широко открыли глаза: если верить написанному, ходоку из Сосьвы был выдан хлоксил. Более того, главный санитарный врач Свердловской области Б. И. Никонов документально доказал, что гексихол через склад бакпрепаратов санэпидстанции вообще не проходил, а потому Гредякин никак не мог его оттуда получить. А схема лечения больных гексихолом — ее-то кандидат меднаук Д. Н. Пономарев составлял? Передавал потом Лиходиевской? «Составлял,— покаянно признался Пономарев,— но никому не передавал».

Я столь долго задержался на этом

немаловажном эпизоде прежде всего потому, что он по очень странной забывчивости прошел мимо внимания компетентной комиссии: в составленном ею заключении обо всем этом ни слова. Понимаю, обмолвись — и придется тогда либо обвинять Лиходиевскую и Гредякина в неправде, либо самим отвечать на вопрос вопросов: так как же все-таки собачьи порошки попали за решетки больницы и были скормлены спецконтингенту? И так ли уж простодушны окажутся тогда объяснения двух лагерных медиков?

Комиссия осмотрела главного жалобщика — Николая Христенко. Произошло это первого ноября 89-го года, как раз исполнилась годовщина «гексихолтерапии». Заезжие врачи измерили его рост — 178 сантиметров, взвесили — 58 килограммов, перечислили шесть его тяжелейших болезней, переписали его жалобы на колющие боли в животе, онемение конечностей, потерю сознания и пришли к выводу: «Трудоспособен с трудоустройством без поднятия тяжестей. Имеющиеся заболевания, снижение массы тела не являются следствием применения гексихола».

Один-единственный вопрос мне не терпится задать уважаемым врачам: а если бы к ним со всеми этими болезнями, со всеми этими жалобами, с этой почти дистрофичной истощенностью на прием в обычную поликлинику пришел человек вольный, с паспортом и профсоюзным билетом — его бы тоже послали трудоустраиваться без поднятия тяжестей?

Увидев, как этот вопрос повисает в воздухе, я тут же задам другой: если комиссия не дозналась, как гексихол попал в больничную зону и понятия не имеет о его лечебных свойствах,— откуда такая уверенность в безвредности собачьего порошка для человека? Впервые, как утверждают, дали людям глотнуть — и никаких последствий? Или не впервые?

Когда умолчание, полуправда, ложь — что еще остается делать, как не выстраивать собственные предположения? Вот и меня прошу понять, когда я пойду в своих подозрениях дальше, дальше, дальше... Вот еще одно: если гексихол, как убеждена комиссия, едва ли не полезен, за что ж тогда Лиходиевской объявлен строгий выговор, а Гредякину — просто выговор? Может быть, потому, что как раз тогда, в октябре 89-го, против них же было возбуждено уголовное дело? Но и тут концы с концами не сходятся — через два месяца прокуратура свою работу свернула, еще раз подтвердив, что «после применения гексихола вредных последствий не наступило». Какое там наказывать — благодарить надо находчивых медиков. Послушайте, что пишет в секретариат Верховного Совета СССР заместитель прокурора России А. В. Бутурлин: **«Для лечения у Христенко хронического описторхоза был применен препарат гексихол— после лечения состояние его здоровья улучшилось и он выписан в удовлетворительном состоянии. Применение гексихола не является причиной возникновения у Христенко имеющихся заболеваний»**. Видите, как все мило — ни слова о том, что гексихолом людей лечить нельзя, что, кроме Христенко, им потчевали еще 167 больных, что даже более чем терпимая комиссия не взяла на себя смелость расписаться в полезности и целительности ветеринарного лекарства.

Помните, в начале этого рассказа обмолвился Христенко насчет испытаний лекарств на подневольных больных, а я тогда счел это вздором, истерикой — слишком уж невероятно, бестолково, бессмысленно. Что ж, давайте подстелим соломки медикам лагерной Сосьвы: а что, если к ветеринарии они обратились лишь по причине аптечной бедности и от желания немедленно помочь несчастным? Не одному Христенко, а всем сразу? Давайте-ка тогда попробуем ответить конкретно всего лишь на один вопрос, странно, что его не задал ни один из членов комиссии: сколько всех пациентов было в то время в больнице? Помню, заместитель начальника Медицинского управления МВД СССР подполковник внутренней службы Ю. Е. Никольский даже встревожился этим моим интересом: «А зачем это вам?» Сейчас поймем. Вот, наконец-то — 175 больных. А гексихолом накормили 167. Следите за ходом моих рассуждений? Раз так, то спросим: что, все разом страдали описторхозом? Речь шла об их жизни и смерти, а потому промедление было опасным и пришлось спасать людей гексихолом? Чушь, отвечает мне первый попавшийся врач, хворь эта серьезна, но не настолько, чтобы уморить сразу всех заточенных больных. Эпидемия там повальная была? Кого из членов комиссии ни спрашивал — молчание.

Снова листаю переписку ответственных лиц с Христенко и его родственниками, пропускаю повторы, копии, дубликаты и вдруг нахожу нечто новое: письмо заместителя министра здравоохранения РСФСР Э. А. Ноговицыной старшему помощнику Генерального прокурора СССР Ю. А. Хитрину. Помните, это он предостерегал Минздрав — вдруг гексихол еще где-то применяется? Вот ответ: **«Гексихол проходил *испытания* (выделено мною.— Г. Р.) в клинике инфекционных болезней Свердловского мединститута на базе клинической больницы № 40 в качестве препарата для лечения описторхоза. У 30 процентов больных наблюдались разнообразные побочные явления, которые исчезли после отмены препарата.**

Из-за отсутствия гексихола в списках препаратов, разрешенных Фармакологическим комитетом Минздрава СССР, Министерством здравоохранения РСФСР дано указание о немедленном прекращении его испытания». Дата — 24.11.89 года.

Не случайно заместитель министра ведет речь только о городской клинике, оставляя в стороне больницу ИТУ — она не в ее ведении. В ее ответе важно признание: гексихол действительно испытывался на людях, причем у трети больных наблюдались побочные явления, которые в ответе мягко названы «разнообразными». Кто же мне тогда ответит, какие последствия и у кого именно наступили после испытания гексихола на осужденных? Уже, повторяю, никто. Комиссия, как мы помним, убеждена, что ничего страшного от неведомого средства с больными не случилось, так, может, и нам не следует паниковать? Вот ведь как буднично, спокойно упомянула Э. А. Ноговицына об этих испытаниях, вот ведь как вдруг обнаружила отсутствие гексихола в списках разрешенных препаратов. Что ж тогда нам винить лагерных врачей?

Много вопросов, мало ответов. Иду в Фармакологический комитет Минздрава СССР, к главному ученому секретарю доктору медицинских наук М. И. Мироновой, прошу ее меня просветить и вразумить. Но прежде Маргарита Ивановна спрашивает:

— Что, гексихол действительно давали людям?

Рассказываю все, что уже знаю.

— Ужасно,— говорит она,— уму непостижимо.

Когда она меня вразумит, я сам еще не такие слова скажу. Я узнаю, что медицинская практика ни у нас в стране, ни тем более за рубежом вообще не знает примеров использования ветеринарных медикаментов для лечения людей. И дело вовсе не в брезгливости — наука таких оценок не признает. Дело в том, что все лекарства для животных резко отличаются от человеческих и способом производства, и степенью очистки, и даже своей канцерогенностью. Гексихол, например, имеет гораздо более мелкие частицы, чем положенный людям хлоксил, а это уже опасно — он быстрее всасывается. Назначать его больным преступно — в этом главный ученый секретарь убеждена однозначно. Равно как и в том, что совершенно бессмысленно сейчас гадать, какие уже имеющиеся у больных хвори он мог спровоцировать сразу, а какие аукнутся потом. Когда я сказал, что Христенко, как утверждают и медики, и законники, после собачьего порошка посвежел, Маргарита Ивановна горько улыбнулась.

Еще горше стала ее улыбка, когда я вспомнил о запрете испытаний гексихола, объявленном Минздравом России — никто, кроме Фармакологического комитета, эти испытания не вправе ни разрешать, ни запрещать. Прежде чем новое лекарство будет занесено в Государственный регистр и получит свой сертификат, оно будет опробовано в лучших клиниках по строгой методике. Дело это не только ответственное, но и дорогостоящее: чтобы довести новый препарат до клиники, нужно выложить полмиллиона рублей. И это еще крохи — американцы дают на испытания 6—8 миллионов долларов. Все это для Маргариты Ивановны азбучные истины, излагать их ей скучно, и потому она кладет передо мной документ, который хочешь не хочешь, а процитировать надо — я искренне сомневаюсь, что с ним знакомы встречавшиеся со мной врачи, и делаю эту услугу в первую очередь для них. К чтению приглашаю и замминистра здравоохранения России — пригодится. Так вот, это приказ министра здравоохранения СССР № 725 от 20 июня 1984 года. Прошу заинтересованных лиц не только его прочитать, но и крепко запомнить на будущее, если их вдруг снова потянет к новациям. Итак: **«За последнее время участились случаи клинических испытаний медицинских препаратов без специального разрешения Фармакологического комитета Минздрава СССР. В связи с этим приказываю: министрам здравоохранения союзных (т. Ноговицына, это для вас.— Г. Р.) и автономных республик, заведующим краевыми и областными отделами здравоохранения.**

1. Не допускать проведения испытаний фармакологических средств и медицинских препаратов без разрешения Фармакологического комитета.

2. При выявлении нарушений установленного порядка виновных привлекать к строгой дисциплинарной ответственности».

Если бы об этом приказе хоть краем уха слышали члены уважаемой комиссии, работавшей в Сосьве, разве составленный ими акт судебно-медицинской экспертизы звучал бы так миролюбиво и безразлично, разве их выводы были бы столь благостны? А разве те же вопросы не следует мне адресовать и прокурору Сосьвы, прекратившему уголовное дело, и его начальнику из Москвы, благословившему применение незаконного лекарства,— как иначе прикажете понимать его утверждение об исцелении того же Христенко именно после ветеринарной терапии?

В Москве я отыскал председателя той комиссии Е. Н. Кривцову и ее наиболее компетентного члена — Т. В. Климову. Когда обе они, беседуя со мной порознь, стали снова говорить о дефиците положенного лекарства и безвредности неположенного, когда начальник терапевтического отделения Центрального госпиталя МВД СССР подполковник внутренней службы Тамара Владимировна Климова упомянула даже, что собачье снадобье было даже кем-то из областного начальства разрешено, а Елена Николаевна Кривцова стала вспоминать, что в каком-то журнале читала похвальное слово гексихолу, я понял — не слышали они ни о каком приказе Минздрава. Но и без него неужели профессиональная осторожность врача не заставила их насторожиться при виде всего этого знахарства? Неужто не вспоминают они первую заповедь целителя: «Не навреди!»?

— А я не врач,— сказала мне председатель медицинской комиссии Кривцова.— Я энтомолог. Специалист по насекомым. Случайно я туда попала, понимаете?

Я бы понял, если бы комиссию возглавил ветеринар.

Итожу свои вопросы — многие повисли в воздухе, и, боюсь, навсегда. Я так и не знаю, что происходило за колючей проволокой лагерной больницы — тупое головотяпство или гораздо худшее. Я не знаю, как именно этот гексихол ударил по здоровью людей. Я никогда не узнаю, этот ли окаянный порошок помог отправить на тот свет двадцать одного тамошнего больного — именно столько пациентов умерло в центральной больнице учреждения АБ-239 в тот год, когда здесь прибегли к услугам ветеринарии. И, наконец, я не уверен, что приказы Минздрава СССР и его Фармакологического комитета обязательны для больниц и медчастей исправительно-трудовых учреждений — они подчинены Медицинскому управлению МВД СССР.

Знаю, что некоторые лагерные больницы и медчасти не хуже, а то и лучше тех, что на воле. Известны мне и врачи, и фельдшера, и медсестры, дело свое знающие превосходно, душой не очерствевшие, многих горд числить своими друзьями. Видел бы кто, с какой надеждой смотрят заключенные пациенты на любого медика,— если бы только таблеток да уколов ждали от них! Врач для зека — это возможность получить работу по силам, освободиться от нее в случае хвори, направление в стационар, досрочный выход из карцера, ШИЗО или ПКТ, всех благодатей и не перечислишь. Но лишь несмышленыш в лагерной жизни полагает, что врач всегда поступит так, как ему велит клятва Гиппократа. Потому что под белым халатом носит он военную форму офицера внутренней службы и состоит в штатах ИТК или СИЗО, ЛТП или ВТК, тюрьмы или спецкомендатуры. Перед старшими офицерами берет под козырек, а у начальника или его замов и вовсе по струнке ходит. Потому что начальник для врача ИТУ — это очередь на квартиру, отпуск в хорошее время, очередное спецзвание, продукты из подсобного хозяйства... Попробуй-ка врач освободить от работы больше людей, чем велено, посмей не скрепить подписью постановление о водворении в карцер, дерзни вызволить из него заболевшего — себе дороже!

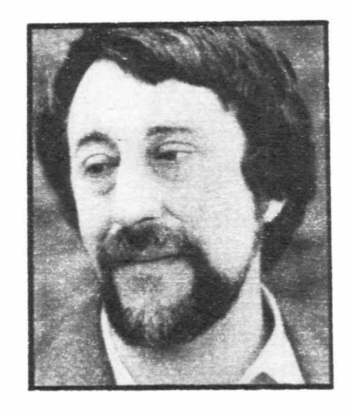
Небезынтересно знать, что прямую зависимость врачей от лагерного начальства ввели в 35-м году, когда расползался по стране и матерел ГУЛАГ, до этого они подчинялись Наркомздраву. Эта зависимость сохраняется и по сей день. Тот произвол, те злоупотребления, те беззакония администрации ИТУ, о которых уже все наслышаны, во многих случаях происходят при вольном или невольном соучастии офицеров в белых халатах. Они скудеют не только нравственно — профессионально тоже. Разве дикий случай в Сосьве не подтверждение этому?

Я уже не вспомню сейчас, когда медики ИТУ начали восставать против своей кабальной зависимости от лагерного начальства, от настроения оперуполномоченных или режимников. Министры менялись — кабала оставалась. Что сегодня?

— Сейчас закончена разработка новой концепции перестройки системы ИТУ,— говорит мне заместитель начальника Медуправления МВД СССР Ю. Е. Никольский.— Думаем, что наше предложение — медики должны подчиняться медикам — примут. Подождем?

На столе у Юрия Евгеньевича лежит папка с делом Христенко. Теперь тот пишет в Министерство внутренних дел России, и Никольский в который уже раз сообщает: да, гексихол применялся, да, вредных последствий не наступило, здоровье осужденного удовлетворительное. Христенко за эти ответы благодарит и пишет снова: «Почему меня убивали?»

За долгожданным актом возвращения гражданства нашим писателям, несправедливо его лишенным, логичен шаг следующий: надо незамедлительно вернуть гражданство тем литераторам, кто под давлением обстоятельств и преследований вынужден был покинуть Родину. Среди них — лауреат «Огонька» прошлого года поэт Юрий Кублановский, чьи стихи широко публикуют ныне наши журналы (первая книга лирики Кублановского в Отечестве, «Возвращение», вышла в «Библиотеке «Огонек» этим летом). Обстоятельства отъезда Кублановского тоже теперь широко известны: он выехал после обыска под угрозой ареста и семилетнего лагерного срока за резкие антибрежневские стихи. Восстановление в гражданстве Кублановского, Бродского, Коржавина и других поэтов и литераторов, безусловно, послужит во благо нашей культуре.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

В РАССЕЯННЫХ ПОИСКАХ РАЯ...

* * *

...тщетно был я молод
ПУШКИН.

...Ни воску теплого, ни камушка, ни смол
законопатить уши нету,
когда звучит в саду старинный рок-н-ролл,
и дева, не чинясь, попросит сигарету.
Когда-то ведь и мы, принарядясь,
на эти гульбища спешили.
Тогда такие па преследовала власть,
а патлы пацанов, не слишком золотясь,
раз в десять покороче были!

Слегка шероховат покатый лен плеча,
и червячок с ветвей похож на сукровицу.
Цветные лампочки манили сгоряча
за их тревожную границу.
Но рот возлюбленной был твердым, как орех.
И этим сразу же исчерпывался грех.

А сладко вспоминать, однако,
тот допотопный страх... тот первый неуспех...
почти единственный — похвастайся, гуляка!

1975

* * *

Памяти Л. С. Соколовой

Этого домика нет.
Только сад поредевший напротив,
да розоватый булыжник в проплешинах
виден асфальта,
да воронье, как и прежде,
обсело высокие кроны.

В бархатных вмятинах перекосились ступени.
Запах уборной и черного хода потемки.
Слева скрипучая лестница — «к Нюре»,
а прямо
дверь «к Рыкачевым», стареющим девам
недобрым.

И разноцветный витраж уцелевшего чудом
окошка,
и с червоточиной пробы за завтраком
чайная ложка!

На огороде смородина, запах садовой малины
с белым кинжальчиком в сердце и кислые сливы.

Топится печь обливная, напротив —
портрет Магдалины,
а перед нею свеча и подшивка разбухшая
«Нивы».

...Или лото в перехваченном туго кисете,
ставим бочонки на цифры, закрытые в клети.

А за окном в темноте уподобились Раю
заиндевелые ветви и звезд ледяная рассада.

Этого домика нету. Но верую и понимаю:
он достоянье не волжского — Божьего града.

...Божьего града — затем и улыбки на лицах,
что во вселенной гуляют сомы и плотвицы.

Словно у лунки на льду огнедышащей Леты
спит рыболов — и подошвы его разогреты.

1976

ПЛАТОК

Возьми платок — вспомянешь!
Б.

1

Неизбежное закланье
неизбывных дней —
словно противостоянье
елочных огней
иль отек аквамарина
на большом листе,
чья ржавеет сердцевина,
что клепа в кресте.

Слышу, слышу зов губерний
над ершистым льдом,
вижу зарослями терний
ослепленный дом
и над ними масок львиных
подлинный оскал.
С крапом лапок воробьиных
снежный перевал.

Кто с того вернется света,
пусть доверит мне:
чем сроднимо т о — и это
белое в огне
притяженье зимних улиц,
где чужой каток
и не греет детских скулец
маменькин платок.

2

Эй, под елями лохмастыми
теневой аквамарин,
изнутри с рубцами красными
лучевыми апельсин —
мне окликнуть вас с альпийского
удается гребешка
в смеси ветра италийского
и арийского душка.

Пригодился б тут вспомянутый,
увлажненный ртом чуток,
в пояснице перетянутый,
щеку колющий платок,
чье рядно в запас уволено
после выслуги годин,
верный друг Аники-воина
из суворовских дружин.

Пересохли, перетаяли
санный след, желанный плод,
где беспечно шавки лаяли
на идущий с громом лед.
...Преломив, из крови вынула
жизнь отрезанный ломоть,
прежде чем к плечам прикинула
крест — готовная щепоть.

1984

* * *

А. Солженицыну

Клейменный сорок седьмым
и посейчас глотаю
тот же взвихренный дым,
стелющийся по краю
родины и тылам,
точно еще под током,
и паутина там
в красном углу убогом.

Помню, как мандарин
пах в января начале.
Чайки с прибрежных льдин
наперебой кричали:
— Не оступись! — мальцу
в валенках до коленок.
А через улицу
прямо от нас — застенок.

Но ничего не знал
я, оседлав салазки.
Ветер в ушах свистал
вместо отцовской ласки.
А по путям вдали
в зоны,
лязгая, тихо шли
темные эшелоны.

Словно в мороз миры,
видел я блеск пугливый
елочной мишуры
и засыпал счастливый.
То-то теперь в моей
памяти, сердце, жилах
вымершие целей,
чем костяки в могилах.

1989

В РАССЕЯННЫХ ПОИСКАХ РАЯ...

За взмывшею с дерева стаей
мы вышли с чужого следа —
к нарышкинской церкви, не зная,
что там отпевали тогда.
Таинственное свеченье
вместительных темных лампад

сродни огонькам, по теченью
сносимым в соседний посад,
по тяблам алтарным кочуя,
тускнело вдали,
как будто мы в реку ночную
по самое горло вошли.

Сородичи тоже покорно
неплотно стояли кольцом
над новопреставленным в черном
с покорным бесполым лицом.
Катилась капель, обжигая,
на пальцы со свеч.

В рассеянных поисках рая,
гнезда родового сиречь,
когда мы на кладбище старом
гуськом миновали кресты,
имен не читая, недаром
невольно поежилась ты.

1990

В последнее время в нашей стране идет спор об истоках сталинизма: является ли он продолжением или вырождением той политической системы, которая была создана большевиками под руководством Ленина в 1917 году? В связи с этим, безусловно, заслуживает внимания политический процесс против партии социалистов-революционеров (ПСР) в 1922 году.

Мы предлагаем вашему вниманию взгляд на этот исторический эпизод зарубежного специалиста, голландца Марка Янсена, издавшего в 1982 году в Гааге солидное исследование об эсерах, и мнение отечественных публицистов Рэма и Татьяны Петровых.

МНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ИСТОРИКА

Обвинения социалистам-революционерам (эсерам) были предъявлены другой социалистической и революционной партией, вместе с которой до 1917 года они боролись с царским режимом,— большевиками. Октябрь 17-го развел их по разные стороны баррикад (впрочем, группа левых эсеров «продержалась» с большевиками чуть дольше — до весны 1918 года). Последовательно свергнув поддерживаемое эсерами Временное правительство и разогнав демократически избранный парламент — Учредительное собрание, в котором сторонники народовластия эсеры занимали больше половины мест, большевики, декларируя, как известно, власть Советов, по сути, установили диктатуру своей партии.

В 1918 году эсеры начали вооруженную борьбу против Советского правительства, закончившуюся скоро и безуспешно. Удары на эсеров сыпались буквально со всех сторон, так, например, немалую «услугу» Советскому правительству оказал адмирал Колчак, свергнув в ноябре 1918 года в Омске правительство Директории, в котором эсеры играли важную роль. Гражданская война превращалась в войну «красных» и «белых», и эсеры почти за лучшее отказаться от противостояния посредством вооруженной борьбы, и обратились к иной тактике, провозгласив мирную политическую оппозицию. Их целью было «организовать трудящиеся массы», дабы заменить большевистскую диктатуру правительством, основанным на принципах народовластия. Однако большевики уже вошли во вкус, раскрутили маховик репрессий и не собирались терпеть никакой, даже «мирной» оппозиции.

В начале 1920-х годов большевики победили в гражданской войне. Но покоренный народ продолжал сопротивление, вылившееся, в частности,

Выступление обвинителя А. В. Луначарского.

АМИ

в восстания кронштадтских матросов и тамбовских крестьян. Большевики, справедливо опасаясь расплаты, вынуждены были объявить нэп. На повестку дня ими был поставлен вопрос, как предотвратить любую смычку недовольного народа с оппозиционными партиями. Началась кампания по ликвидации деятельности любой оппозиции. Процесс против эсеров 1922 года был ее первой ласточкой.

Решение провести процесс против лидеров ПСР было принято ЦК РКП(б) в декабре 1921 года, по предложению председателя ЧК Феликса Дзержинского. Официальное объявление о предстоящем процессе было опубликовано в печати в феврале 1922 года. Незадолго до этого в Берлине появилась брошюра бывшего эсера Григория Семенова. В своей брошюре он «разоблачал» товарищей по партии: ПСР якобы составила заговор против Советской власти вместе с русскими контрреволюционными организациями и с представителями Антанты, получала от них деньги, подготавливала мятежи и, самое важное, не исключала из своей деятельности террор. В частности, по словам Семенова, ПСР организовала покушение Фанни Каплан на Ленина 30 августа 1918 года.

«Разоблачения» Семенова, опубликованные и в советской печати, спустя несколько дней были подтверждены и дополнены его близкой сотрудницей Лидией Коноплевой. Есть основание предполагать, что Семенов и Коноплева написали свои статьи по поручению ЧК (с февраля 1922 года — ГПУ). Вслед ГПУ объявило, что руководители ПСР, которые уже несколько лет сидели в тюрьме, будут преданы суду.

Большевистское руководство не собиралось вести непредвзятого судебного расследования. Это очевидно из инструкций, данных Лениным за неделю до объявления о процессе народному комиссару юстиции Курскому: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно». Ленин настаивал на организации ряда «образцовых процессов» с целью усиления репрессий против меньшевиков и эсеров, образцовых «по *разъяснению* народным массам, через суд и через печать, значения их», «образцовых, громких, *воспитательных* процессов», сопровождаемых значительным «шумом» в печати. Ведь «воспитательное значение судов громадно». Судьи должны были руководствоваться *«революционным правосознанием»*, «считаться не только с буквой, но и *с духом»* коммунистического законодательства и не отступить перед приговором к расстрелу. Партия должна была воздействовать на судей и «шельмовать и выгонять» тех, которые поступали иначе. Таким образом, целью процесса эсеров не было выявление правды — он должен был служить средством пропаганды против политических противников.

Следствие вел чекист Яков Агранов. Методы следствия в сравнении с 30-ми годами еще очень «гуманные», но уже используются и давление, и угрозы. И еще любопытный штрих к картине советской «законности» — эсеров судят по законам, которые не существовали при совершении их деяний, так

Защитник Н. К. Муравьев консультирует обвиняемых из «первой группы».

«Встреча» адвокатов от Социалистического интернационала у Виндавского (Рижского) вокзала в Москве.

Допрос обвиняемого.

как новый Уголовный кодекс вступил в силу лишь за неделю до начала процесса.

Объявление о процессе эсеров вызвало реакцию в международном социалистическом движении. Эсеры и меньшевики в эмиграции требовали от Второго и Венского Интернационалов поддержать подсудимых. Обе организации во время международной социалистической конференции в апреле 1922 года в Берлине добились от Коммунистического Интернационала определенных гарантий. В частности, им было обещано, что подсудимые не будут приговорены к смертной казни. Второй и Венский Интернационалы в качестве защитников послали в Москву известных социалистов Эмиля Вандервельде и Артура Вотерса из Бельгии, Курта Розенфельда и Теодора Либкнехта (брата Карла Либкнехта) из Германии. Большевики оскорбились таким «давлением». И выставили в противовес «своих», проверенных членов Коминтерна (например, Клару Цеткин). Таким образом, процесс эсеров превратился в своего рода выяснение отношений между коммунистами и социалистами на международной арене.

Процесс эсеров проходил в Колонном зале Дома союзов в центре Москвы с 8 июня по 7 августа. Заседания шли шесть дней в неделю, с полудня до 17 и вечером с 19 до полуночи. В нем принимали участие некоторые высокопоставленные большевики. Председателем трибунала был Георгий Пятаков, государственным обвинителем — Николай Крыленко, по левую и правую руку от первого красного прокурора восседали первые красные интеллигенты Анатолий Луначарский и Михаил Покровский.

Перед судом предстали двенадцать членов центрального комитета ПСР и десять рядовых членов партии. Из них самые известные — Абрам Гоц и Евгений Тимофеев. Все они по меньшей мере уже два года отсидели в тюрьме. В число обвиняемых следственными органами были включены еще двенадцать находившихся на свободе бывших эсеров (Григорий Семенов, Лидия Коноплева и др.). Их ролью, по сочиненному сценарию, было признать свою вину и обвинить своих бывших товарищей по партии. Этих обвиняемых «второй группы» защищали Николай Бухарин, Михаил Томский и другие, то есть защитники «второй группы» на самом деле выступали обвинителями «первой группы».

Защитниками обвиняемых «первой группы» выступали вышеупомянутые западные социалисты и несколько видных русских адвокатов: Николай Муравьев, Александр Тагер, Владимир Жданов и другие.

С первого дня процесса возникали конфликты между ними и трибуналом. Вандервельде и его коллеги ссылались не только на советские законы, но и на берлинское соглашение между Социнтернационалами и Коминтерном, согласно которому обвиняемые не могут быть приговорены к смертной казни. Защите сразу стало понятно, что трибунал не слишком озабочен соблюдением правовых норм. Большая часть просьб обвиняемых и защитников была отклонена. Трибунал вызвал значительно меньше свидетелей защиты, чем свидетелей обвинения. Четыре защитника, которые были приглашены по просьбе обвиняемых, судом не были допущены. Публика в зале оказалась соответствующе подготовлена и постоянно издевалась над обвиняемыми и защитниками. Кроме того, суд не считал себя связанным берлинским соглашением. Западные социалисты после первой недели пришли к выводу, что их присутствие на суде бессмысленно, и уехали, предоставив подзащитным «выкручиваться» самим (что, по всей вероятности, вполне отвечало духу социалистической морали).

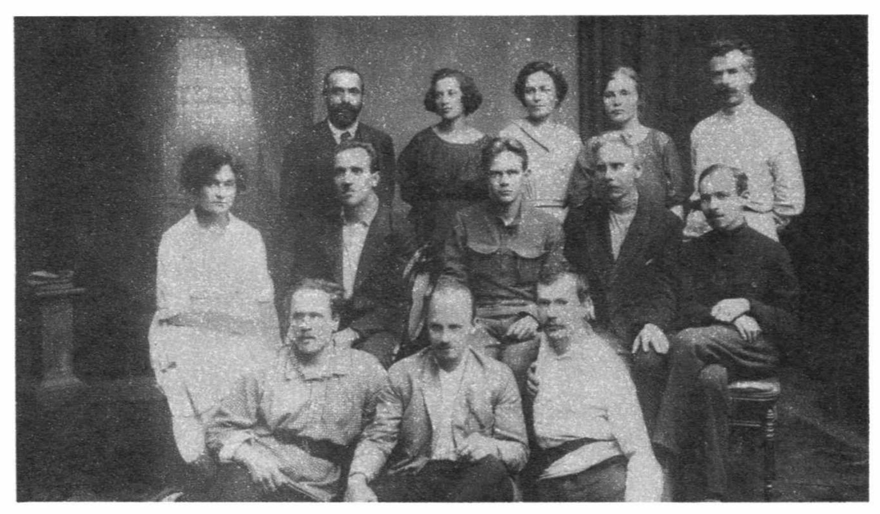
20 июня перед зданием суда проходила огромная демонстрация, организованная Коммунистической партией. По данным советской печати, в ней участвовали 300 000 человек. Демонстранты требовали смерти обвиняемых; к ним обращались председатель трибунала Пятаков и государственный обвинитель Крыленко. На вечернем заседании, несмотря на протест защитников, суд пустил в зал демонстрантов, которые при поддержке публики продолжили свой митинг. В течение двух с половиной часов, до глубокой ночи, они обвиняли подсудимых в чем попало и требовали смертной казни.

На следующем заседании защитники опротестовали происходящее. Они указали, что суд грубо нарушал правопорядок, и потребовали прекращения процесса с возобновлением его при другом составе трибунала. Суд отверг протест и ответил оскорблениями и угрозами в адрес защитников, после чего защитники отказались участвовать в судебном процессе. Их за это на несколько месяцев посадили в тюрьму, а потом административным путем выслали из Москвы.

После этого обвиняемые «первой группы» сами взяли на себя защиту. Но их цели отличались от целей адвокатов. Предотвратить смертный приговор не было их первой заботой. Они также не стремились к исключительно юридической защите — процесс, на их взгляд, был методом политической борьбы. Если большевики смотрели на процесс как на политическую демонстрацию против эсеров, эсеры, наоборот, хотели превратить процесс в политическую демонстрацию против диктатуры большевиков, обвинить обвинителей.

В центре внимания на процессе стояло покушение Фанни Каплан на Ленина. Обвинительное заключение, базируясь на показаниях Семенова и других, гласило, что покушение было совершено по поручению членов ЦК ПСР. Подсудимые отрицали обвинение. Хотя доказательства были на стороне обвиняемых, суд все же принял версию Семенова.

Другим важным пунктом было крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920—1921 годах. По обвинительному заключению эсеры подготовили и развязали восстание. Обвиняемые отрицали это, но суд принял обви-

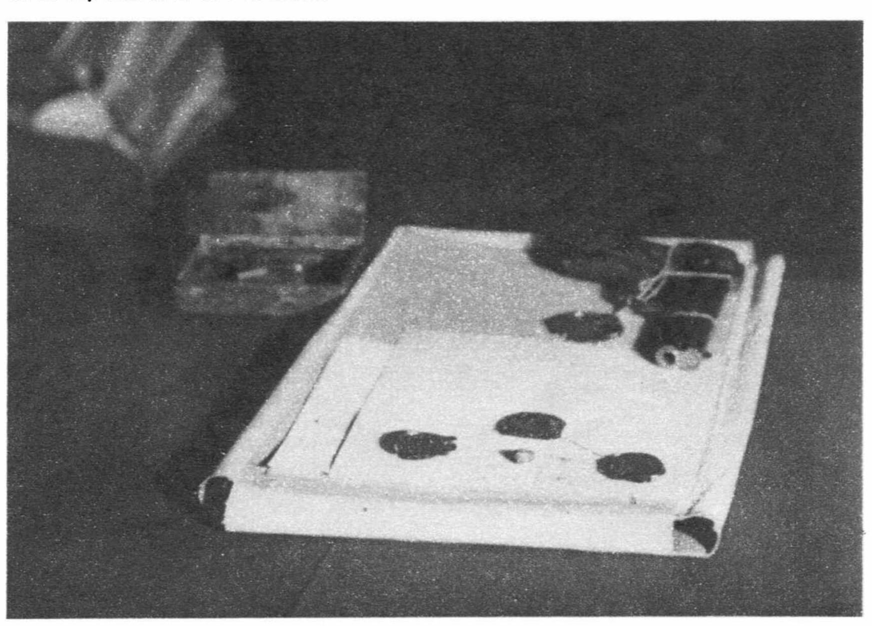

Н. И. Бухарин в группе «послушных» обвиняемых.

Президиум трибунала под председательством Г. Пятакова.

Стол с «вещдоками». Из этого пистолета стреляли в В. И. Ленина.

Оглашение обвинительного заключения.

Фотографии из фондов ЦГАКФД подготовила Е. И. ЮРОЧКИНА.

нение. Из существующих материалов можно сделать вывод, что руководство ПСР действительно в какой-то мере подготовило почву для восстания, но отнюдь не организовало его.

Особое внимание суд обращал на деятельность эсеров за рубежом. Эсеры за границей, как следовало из обвинительного заключения, все еще стремились к насильственному свержению Советской власти. Доказательства, представленные в суде, были сомнительны, но обвиняемые не имели возможности их проверить. Поэтому они не согласились отказаться от своих товарищей по партии за границей (Виктор Чернов и др.), что и требовалось обвинителям.

Большевики также хотели поставить в вину эсерам ответственность за деятельность организаций, с которыми они каким-то образом были связаны. Это касалось, например, Союза возрождения России, организации левых либералов и правых социалистов, которая была создана весной 1918 года. Действительно, некоторые эсеры из правого крыла партии в прошлом были членами этого союза, но в октябре 1918-го ЦК ПСР запретил членам партии принимать участие в Союзе возрождения.

В обвинительном заключении много внимания было уделено контактам эсеров с представителями Антанты в 1918 году. Эти обвинения имели определенную основу, но никоим образом не было доказано, что эсеры получили деньги от Антанты.

На процессе развернулись политические дебаты, которых большевики вовсе не хотели. Однако на обвинения в свой адрес эсеры ответили обвинениями в адрес большевиков, и те, по старинке еще стесняясь мирового общественного мнения, дали высказаться своим противникам. Обе партии считали, что верно служили социализму, и обвиняли друг друга в предательстве идеалов. Эсеры утверждали, что социализм большевиков, без демократии и политических свобод, опираясь на принуждение и насилие, не был настоящим социализмом. Они при этом ссылались на критические высказывания Розы Люксембург о большевиках. Большевики, со своей стороны, вроде бы и не отвергали политическую демократию (то есть всеобщее избирательное право и гражданские свободы), но для них она была средством, а не целью. Они считали оправданными принуждение и насилие с целью осуществления социализма. Обе партии упрекали друг друга в том, что они играли на руку буржуазии.

В своей обвинительной речи Крыленко требовал высшей меры наказания для всех подсудимых «первой группы». Попытки принудить их к покаянию не увенчались успехом. 7 августа трибунал приговорил двенадцать подсудимых «первой группы» к смертной казни, а остальных десятерых — к срокам от 2 до 10 лет. Десять подсудимых «второй группы» тоже получили разные сроки, трое из них, в том числе Семенов и Коноплева, были даже приговорены к смертной казни. Однако суд обратился к Президиуму ВЦИК с просьбой об их помиловании. День спустя Президиум огласил свое решение: приговоры подсудимым «первой группы» были подтверждены, но исполнение смертного приговора приостановлено — оно было поставлено в зависимость от поведения находившихся на свободе эсеров. Обвиняемые «второй группы» были помилованы, процесс для них завершился банкетом в Кремле.

Приговор не являлся результатом независимого решения суда, а решением руководства РКП(б). Есть указания, что некоторые партийные лидеры высказывались за исполнение приговора. С этим не согласились иностранные коммунисты из Коминтерна, такие, как Клара Цеткин, Эрнст Мейер, Виктор Серж, Жак Садуль, Борис Суварин и Шарль Раппопорт.

Трудно определить, чей голос оказался решающим. Неисполнение смертного приговора наверняка было также результатом давления со стороны западных социалистов и других левых кругов (Максим Горький, Анатоль Франс, Ромен Роллан и др.). Большевики достигли компромисса в «условном» смертном приговоре. Предложение сделать из подсудимых заложников принадлежит, если верить его мемуарам, Троцкому. Он считался главарем сторонников жесткой линии. Во время процесса он в советской печати резко нападал на эсеров и их защитников. Его предложение было полностью поддержано Лениным. Хотя Ленин из-за своей болезни не мог присутствовать на процессе, он активно принимал участие в его подготовке, а к концу суда уже был в состоянии влиять на окончательное решение. Предположение Роя Медведева, что Сталин организовал процесс, не подтверждается.

Через полтора года, в начале 1924-го, Президиум ЦИК заменил смертную казнь тюремным заключением. Эсеры доживали свой век в тюрьмах и ссылках. Почти все, кто не умер раньше, погибли во время сталинского террора.

Процесс эсеров, как и процессы 30-х годов, послужил толчком к широкой пропагандистской кампании. Во время процесса среди советского населения прошла волна письменной и устной агитации. Газеты и журналы неделями были посвящены большей частью кампании против эсеров. В связи с процессом большим тиражом вышло огромное количество специальных пропагандистских изданий. Известный режиссер Дзига Вертов сделал документальный фильм под названием «Процесс эсеров».

Кроме большой демонстрации 20 июня перед зданием суда с требованием смерти эсерам, такие же демонстрации в этот день проходили в Петрограде (200 000 человек), в Харькове (120 000 человек), в Туле, Саратове и других городах.

Пропаганда стремилась вызвать ненависть к эсерам и меньшевикам. Их показывали как преступников, убийц, агентов буржуазии и империализма, врагов народа.

Хотя суд над эсерами был судебным спектаклем в меньшей степени, чем сталинские политические процессы, все-таки он доказывает, что большевики уже при Ленине использовали политический процесс как инструмент социального воспитания и возбуждения политической истерии. Очевидно, репрессивные меры против социалистической оппозиции были им необходимы — политическое противостояние опасно для дальнейшего существования большевистской диктатуры. Однако оправдано ли проведение такого процесса, какой был организован против эсеров? Социалистическая оппозиция как политическая сила в 22-м году фактически уже была уничтожена.

Процесс против эсеров отличается от классических показательных процессов 30-х годов. Эсеровские подсудимые не боялись защищаться и нападать на противоположную сторону и имели для этого, хотя и ограниченные, возможности. «Легендарными уже героями революционной России» назвал Варлам Шаламов обвиняемых эсеров, сравнивая их с обвиняемыми 30-х. «Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...» Но и здесь ленинские методы уже предвещают сталинские. Ведь подсудимые «второй группы» поддерживали обвинение и предавались самообличению точно так же, как обвиняемые последующих процессов.

Не закрывая глаза на различия, можно сказать, что процесс эсеров в 1922 году был первым большим показательным процессом в Советской России, предшествуя тем процессам, которые Сталин в 30-е годы организовал против своих соперников в руководстве Коммунистической партии. Можно назвать иронией судьбы, что на процессах 30-х судили Пятакова и Бухарина, то есть тех, кто на процессе 1922 года осудил эсеров. Кстати, Бухарина позже обвинили в организации покушения Фанни Каплан на Ленина...

Марк ЯНСЕН
Амстердам

МНЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПУБЛИЦИСТОВ

Зачем понадобился этот процесс? Более всего он смахивал на месть бывшим конкурентам — об этом говорили очень многие. Г. Зиновьев вынужден был выступить в «Правде» с объяснениями: «На собраниях нам говорят, что суд над партией эсеров сейчас дело запоздалое, что это суд над вчерашним днем, говорят, что это месть. Но это глубоко не так. Если бы дело шло только о мести, то ведь мы никогда не отрекались от методов расправ и более прямых»; цель же процесса — «раскрыть глаза тем слоям трудящихся, которые до сих пор не поняли опасностей мелкобуржуазной контрреволюции». Такая точка зрения была заявлена и в «Тезисах для агитаторов к процессу правых эсеров», изданных Агитпропотделом ЦК РКП(б) незадолго до начала процесса. Помимо обвинений и проклятий в адрес эсеров, «Тезисы» предлагали несведущему читателю и исторический экскурс. Объяснялось, что партия эсеров всегда была «более вредной, чем полезной, социальной силой», что идейные предшественники эсеров, народовольцы, все же «сыграли героическую роль» (покуда не появились большевики), а вот сами социалисты-революционеры состояли сплошь из «декадентов-авантюристов», «незрелой нервической молодежи», и вообще партия эсеров являлась «вместилищем самых ужасных пороков».

В чем же, кстати, состояла «мелкобуржуазность» эсеровских воззрений применительно к началу нэпа, к 1922 году? Накануне московского процесса эмигрантский журнал эсеров «Воля России» опубликовал статью, выдержка из которой наверняка представит интерес для современного читателя:

«Когда большевистская власть восстанавливает свободу торговли и открывает широкий простор выросшим за красным фасадом ее режима силам новой буржуазии, когда она восстанавливает капиталистические отношения в торговле и промышленности, еле прикрываясь прозрачными фиговыми листочками, и стремительно отступает от коммунистического хозяйства к государственному контролю, что это означает? Это означает, что большевики, объявившие своим идеалом рабочее государство, сами работают над превращением России в государство буржуазное и дают голодному пролетариату деморализующее зрелище власти, выкинувшей знамя революции, а затем, покорно подчиняясь напирающей на нее стихии, возвращающей страну к ухудшенному строю примитивного капитализма.

Когда приглашаются в Россию иностранные капиталисты и им предлагаются под видом концессий все ее огромные природные богатства, тогда не только на шею русского народа накладывается таким образом петля экономического закрепощения. Ибо утверждение мирового капитала в России на тех условиях, которые предлагает ему кремлевская власть, захват в сферу его неограниченной эксплуатации огромной страны, равной целому континенту, вольет свежую кровь в его жилы, усилит его жизнеспособность и социальное могущество и тем отдалит ту самую социальную революцию, в идее которой большевизм нынешней формации находит будто бы свое оправдание».

Вряд ли в этом, по нынешним меркам ультраретроградном, заявлении можно усмотреть то, что хоть отдаленно напоминало бы «мелкобуржуазность». В начале 20-х годов в эсеровских кругах — как эмигрантских, так и «домашних» — истово коммунистическая критика нэпа была весьма расхожа. Так что ярлык «мелкобуржуазности» использовался, как видим, и во времена военного коммунизма (когда эсеры приходили в ужас от карательных экспедиций продотрядов), и после пересмотра «всей точки зрения» на социализм — когда те же эсеры в не меньший ужас пришли от «уступок мировому капитализму».

Бесспорно, партия большевиков поставила себя в двусмысленное положение — она своими руками вынуждена была демонтировать то, к чему стремилась четверть века — «государство-фабрику», и приспускать марксистские хоругви, мало совместимые со свободным рынком и частным предпринимательством. Партия, называющая себя коммунистической, но свертывающая практические действия по установлению коммунизма, мало того — поворачивающая «назад», не может не ощущать некий внутренний дискомфорт, и дело не только в тоскливых («За что бор-ролись-то?!») всхлипах борцов за идею, поработавших шашкой на полях гражданской войны, но и в идейном разброде среди «твердокаменных» — равно как и во всем обществе. Борьба идей — нормальное в принципе явление; но только не для партии диктаторского типа (X съезд РКП(б) легко свернул голову довольно куцему разномыслию) и не для общества, которым такая партия решила управлять.

С демократической точки зрения, на исходе военного коммунизма у РКП(б) было две достойные альтернативы — либо после признания провала полностью отказаться от утопической идеологии, либо, сохранив верность марксизму, уйти в оппозицию, ожидая, когда исторические жернова смелют, по Плеханову, муку для социалистического пирога. Однако в известной триаде «ум, честь и совесть» двух последних компонентов не хватило, а властному уму стало необходимо провести тот самый парадоксальный процесс — суд над теми, кто на определенном историческом этапе оказался вдруг святее папы римского,— социалистичнее самих коммунистов. Главным обвиняемым на процессе стало инакомыслие, а вместо покаяния утвердился лозунг, что партия всегда права. Произошла трансформация партии из политической в государственную, для которой важна не теоретическая цель, а практические результаты. В этом, конечно, нет ничего дурного — прагматизм в политике может приносить обществу лучшие, чем абстрактное теоретизирование, результаты; но лишь при условии, что есть мужество нести ответственность за результаты своей деятельности. А иначе можно скатиться до цинизма: ведь гордость за то, что нэповский рубль быстро стал конвертируемым, очень напоминает похвальбу по поводу успешной реанимации человека, которому незадолго до того реаниматоры намеренно пробили голову кирпичом.

* * *

После процесса партия эсеров была обречена. Организованный Советской властью 18—20 марта 1923 года «съезд бывших эсеров» собрал лишь полсотни делегатов. Съезд, однако, выполнил социальный заказ — признал распад партии, лишил полномочий ЦК партии эсеров и призвал бывших эсеров вступать в РКП(б). Так закончила свое существование в России партия социалистов-революционеров, партия, по-своему грезившая социалистическими утопиями, но так и не заполучившая возможности строить светлое будущее по своему проекту.

Рэм ПЕТРОВ,
Татьяна ПЕТРОВА

Мы благодарим американское издательство «Эрмитаж» за предоставленную нашему журналу возможность опубликовать главы из книги Юрия ЕЛАГИНА «Укрощение искусств». Главы печатаются с согласия Кэролайн Виллингхем, падчерицы ныне покойного Ю. Елагина. Публикацию подготовил Яков Гордин.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я прочитал «Укрощение искусств», когда был еще советским артистом и приезжал в США на гастроли. Книга так понравилась мне, что я решил пойти на риск и взять ее с собой, в Советский Союз. Мне повезло: в тот раз меня не обыскали на советской таможне. И я знаю, что многие мои друзья с огромным удовольствием читали эту книгу, хотя тогда любая литература, содержавшая критику советского прошлого и настоящего, считалась криминалом и читать ее было опасно.

В страшном 1937 году мне исполнилось 10 лет. Конечно, я не ощущал события 1930-х годов, описываемые в книге Елагина, так остро, как взрослые. Но хорошо помню это общее чувство тревоги и страха. Друзья моих родителей постепенно исчезали в ГУЛАГе. Бывало, мы приходили к ним в гости и вдруг видели на дверях красную сургучную печать. Мы сразу понимали, в чем дело, и уходили. Моих родителей, слава Богу, террор миновал, однако многие их друзья были репрессированы. Кроме того, я уже в то время занимался музыкой и хорошо знал, как травили Шостаковича. У нас в семье это очень сильно переживали.

Несмотря на то, что многие мрачные стороны жизни тех лет воссозданы в книге Елагина, и воссозданы достоверно, общий тон повествования остается очень мягким и человечным. Многие сцены пронизаны неподдельным юмором. Я очень люблю такую манеру. Особенно интересно мне было читать про людей, которых я знал лично: известных композиторов, профессоров Московской консерватории, музыкантов.

Многие страницы посвящены описанию привилегированной жизни советской верхушки. Высшее партийное руководство имело не только все мыслимые материальные блага — лучшие музыканты, певцы, актеры должны были являться по их зову и выступать перед ними, они смотрели фильмы, которые другим не были доступны.

Но и сами признанные деятели искусства тоже пользовались большими привилегиями. Юрий Елагин очень хорошо и умело — порой двумя-тремя штрихами — воссоздает эту атмосферу Москвы 1930-х годов.

Система привилегий осталась и в послевоенные годы, так что я ее хорошо знаю. Помню, с какой завистью я относился к профессорам Московской консерватории, имевшим так называемую «лимитную книжку» для обедов в ресторане «Арагви». Они ходили туда и потом возвращались в консерваторию немножко навеселе. С одной стороны, я преклонялся перед ними, но с другой — мне было горько, потому что очень хотелось есть. А когда я получил первую премию на Всесоюзном конкурсе в конце 1945 года, мне тоже дали «лимитную книжку» пополам с пианистом Михновским. В этой книжке были талоны, и вот по этим талонам мы получали в специальном «распределителе» соответствующие продукты, которые сильно отличались от того, что было доступно другим людям. Также Елагин описывает специальные дома отдыха, специальные больницы, особую систему распределения квартир — все это осталось и в последующие годы.

Большое место в «Укрощении искусств» уделено Сталину. Его личные вкусы определяли всю музыкальную и театральную политику в Советском Союзе. Если ему не нравился какой-то композитор, исполнитель, актер или драматург, творческая судьба человека обрывалась. Хрущев — тот хоть иногда сознавался, что в музыке он ничего не понимает. Но не Сталин. И не Жданов. Музыкальные познания Жданова ограничивались тем, что он умел двумя пальцами сыграть на рояле «чижика-пыжика». Но при этом считал себя большим эрудитом в музыке и выступал от имени всего народа, так же как и Сталин. У них была одна логика: «если я чего-то недопонимаю, значит, это просто плохо». А признав что-то плохим, они начинали рубить все, что им не нравилось, под корень.

Сам Юрий Елагин был не только скрипачом, но и тончайшим знатоком музыки. Я очень прислушивался к его замечаниям. Когда он после концерта говорил мне, что вот такое-то место было сыграно недостаточно хорошо, я всегда настораживался и начинал расспрашивать его, почему ему так показалось. Даже когда мне бывало обидно и я возражал ему, в глубине души я знал, что он прав.

Такую же нелицеприятность оценок и понимание природы прекрасного читатель найдет и в его книге «Укрощение искусств». Он написал ее сорок лет назад, уже живя в эмиграции, потому что считал своим долгом заполнить «белые пятна» русской истории — той истории, живым свидетелем которой он был. Сейчас в России многие говорят о необходимости заполнения «белых пятен», газеты и журналы печатают воспоминания, которые еще три года тому назад, казалось, были бы немыслимы на страницах советской прессы. Переиздание книги Елагина в такой момент — событие важное и радостное.

Когда я бывал у Солженицына в Вермонте и рассматривал огромные столы, специально сделанные, на которых грудами разложены были старые газеты, архивные документы, выписки из книг, я воочию мог видеть, как трудна эта работа: правдивое воссоздание прошлого своей страны. Нашу историю фальсифицировали так долго, упорно и безжалостно, что понадобятся усилия тысяч людей, чтобы восстановить правду. В том числе и правду о судьбах нашего искусства. Нужно, чтобы новые поколения знали о том, как подавлялось все талантливое, самобытное, как серость возводилась на пьедестал, как травля, нападки, непонимание сокращали жизнь таких замечательных художников, как Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский. Знали и старались не повторять ошибок и преступлений прошлого.

Книга моего друга Юрия Елагина — замечательный вклад в этот важнейший всенародный труд.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ

1988

Юрий ЕЛАГИН

МУЗЫКАЛЬНЫЕ УСЛАДЫ ВОЖДЕЙ

«Но один закон наши правители должны соблюдать строго, никогда не упускать его из внимания и следить за ним с большей тщательностью, чем за всеми другими. Мы должны держать новые виды музыки в отдалении от нас, как опасность для общества. Потому что формы и ритмы музыки никогда не меняются, не производя изменений в важнейших политических формах и направлениях».

Платон «Республика»

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «УКРОЩЕНИЕ ИСКУССТВ»

I

Утром 31 декабря ко мне пришел курьер из Главного музыкального управления и передал письменное распоряжение нашего директора явиться к двум часам дня на репетицию. Это было совершенно неожиданно, так как только вчера наш оркестр получил три дня отдыха и мы все были очень рады редкой для музыкантов возможности провести новогодние праздники вместе с нашими близкими и друзьями. Особенно странным мне показалось то, что в повестке предписывалось явиться на репетицию «в полном концертном костюме», то есть во фраке. Было непонятно: зачем понадобилось надевать фрак для обычной репетиции?

К назначенному сроку я пришел на репетицию. Мои товарищи уже знали причину нашего неожиданного вызова: нас должен был прослушать председатель Комитета по делам искусств перед тем, как послать на новогодний концерт в Кремль. Мы садимся на наши места и настраиваем инструменты. Через несколько минут в зал входят все руководители советского искусства и советской музыки во главе с председателем ВКИ Назаровым.

Мы играем около двадцати номеров нашего репертуара, после чего начальство, быстро посоветовавшись, выбирает шесть вещей, в том числе «Сентиментальный вальс» Чайковского и любимую грузинскую песню Сталина «Сулико». После выбора программы председатель ВКИ обращается к нам с краткой речью. Он говорит очень серьезно и сжато, как командир, посылающий своих солдат на выполнение важного и опасного задания:

— Товарищи, вам сегодня предстоит высокая честь впервые выступить на концерте в Кремле. Вас будут слушать лучшие люди Советского Союза. Вас будут слушать члены Советского правительства. Вас будет слушать товарищ Сталин. Я уверен, что каждый из вас отнесется со всей серьезностью к сегодняшнему выступлению. Обратите особое внимание на все детали вашего костюма, вплоть до носков. Держите себя сдержанно и дисциплинированно. Не будьте фамильярными, даже если бы представилась к тому возможность. Желаю вам полного успеха!

После этого председатель обращается к начальнику Главного музыкального управления и говорит вполголоса: «Всем быть с паспортами у кремлевских ворот в 11 часов вечера». Начальник тут же передает нашему директору: «Всем быть с паспортами у кремлевских ворот к 10.30 вечера». Директор отдает приказ инспектору оркестра: «Сзывай всех к 10 часам с паспортами». Инспектор возбужденно кричит нам: «Ребята, всем быть к 9 часам вечера с паспортами у кремлевских ворот!»

Когда мы собрались к девяти часам у кремлевских ворот (это были ближайшие ворота к Москве-реке со стороны Александровского сада), то охрана нас не пропустила, так как мы пришли за 2 часа до назначенного срока. Мы стояли у ворот, и на нас падал крупный, пушистый снег. Прошло не менее 40 минут, в течение которых дежурные звонили куда-то по телефону, и наконец после тщательной проверки паспортов мы были впущены в Кремль и вошли на ярко освещенную кремлевскую площадь. Идти нам было недолго. Справа от нас стена и внизу Москва-река. Слева начинается здание Большого Кремлевского дворца. Нас ведут два солдата из охраны. По дороге мы никого не встречаем, кроме нескольких часовых. Кругом очень чисто, пустынно и тихо. Нас провожают до больших стеклянных дверей, и мы входим во дворец.

В большом светлом вестибюле нас встречает приветливый чекист.

— Государственный джаз? Здравствуйте, товарищи. Прошу вас здесь раздеться.

Чекист в парадной форме капитана госбезопасности. У него брюки навыпуск и лакированные полуботинки. Со своей блестящей лысиной и веселым громким голосом он похож на конферансье или на опереточного комика. Однако он быстр в движениях и очень энергичен. Как оказывается, он является нашим шефом на весь сегодняшний вечер.

— Прошу за мной с инструментами!

Мы поднимаемся по белой мраморной лестнице, покрытой темно-красным ковром. На площадке бельэтажа, куда мы входим, прямо перед лестницей висит огромная, во всю стену картина — «Битва на Куликовом поле». Мы проходим мимо нее, но один из моих коллег останавливается и, несколько отстав, смотрит на картину. Тотчас же от стены отделяется человек в форме НКВД и подходит к нему: «Товарищ, здесь нельзя останавливаться. Проходите вперед».

Мы идем по широкому коридору. Паркет натерт до ослепительного блеска. Чистота необыкновенная. Налево от нас большие дворцовые комнаты с каминами, зеркалами и старинной мебелью. Направо, через определенные промежутки, небольшие комнаты за широкими стеклянными дверями. Обстановка этих комнат весьма «современна». Простые столы и дубовые скамьи, покрытые лаком под цвет паркета. Много телефонов и телеграфных аппаратов. Какие-то щиты с лампочками и рубильниками. Стойки с винтовками. В комнатах сидят люди в знакомой форме с красными петлицами и малиновым кантом.

В течение всего нашего пути мы не встречаем ни одного человека в штатском, мы вообще никого не встречаем за исключением чинов НКВД. Интересно, что все эти многочисленные чекисты имеют уже довольно солидные чины, не ниже лейтенантов госбезопасности. Я совсем не вижу сержантов и младших лейтенантов, не говоря уже о солдатах.

Наш великолепный капитан приводит нас в помещение, которое предназначено специально для нас и которое является на весь вечер нашей «артистической». Это большая квадратная комна-

та с широкой застекленной дверью. Через дверь виден коридор, по которому ходит дежурный чекист. По всем стенам комнаты идут длинные деревянные скамейки из дубовых планок. Несколько простых столов. Дверь в другую, меньшую комнату, где помещаются несколько умывальников с холодной и горячей водой и телефон. Тут же дверь в отдельную уборную. Все блестит и сверкает чистотой — и паркетный пол, и скамейки, и умывальники, и стекла двери (окон в комнате нет).

По телефону можно звонить в город, и я пользуюсь случаем поздравить с наступающим Новым годом моих друзей. Уже десять часов. До Нового года остается два часа. Мы ждем. Многие музыканты достают из футляров с инструментами карты и домино и начинают игру. Торжественность и необычность момента, вероятно, на них не слишком действуют. Часы идут. Вот уже двенадцать. Мы поздравляем друг друга с Новым годом и жалеем, что в руках у нас нет бокалов. Такое впечатление, что нас забыли. В коридорах дворца царит полная тишина. Не слышно ничего, кроме звуков шагов чекистов по паркету. Только в час ночи появляется опять наш приветливый капитан:

— Ну что, товарищи, как вы себя чувствуете?

— Скажите, а нет ли здесь буфета, где можно бы купить бутылочку минеральной воды? Очень пить хочется. Прямо в горле пересохло.

В вопросе слышны явный намек и не менее явная жалоба. Капитан отвечает весьма сухо:

— У нас тут не ресторан, товарищ.

Проходит еще час. Время тянется медленно. У каждого на уме компания друзей, которая где-то там, в городе, встречает Новый год и, конечно, уже успела немало выпить и повеселиться. Наконец в два часа ночи появляется капитан и командует:

— Товарищи, за мной с инструментами! Футляры не брать!

Мы выходим и, предводительствуемые нашим шефом, опять идем по коридорам. Наконец мы поднимаемся на следующий этаж и попадаем в огромный зал.

В зале уже находится несколько сот артистов. Тут и знаменитый Красноармейский ансамбль Александрова в составе 240 певцов и танцоров, и Государственный ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева, и много солистов Большого театра, и знаменитые балерины. Чекистов в зале чрезвычайно много — несколько десятков. Они стоят у всех дверей и снуют между артистами. Вид у чекистов взволнованный. Они суетятся, бегают и производят впечатление людей, выполняющих какое-то необычайно трудное и ответственное дело. Самое удивительное — это то, что в зале нет ни одного стула, ни одной скамьи. Все артисты стоят или прохаживаются взад и вперед. Некоторые сидят прямо на полу, поджав ноги по-турецки.

Наш ударник Коля Ш. чувствует себя особенно хорошо. Он с комфортом уселся на одном из своих барабанов, а другой уступил единственной даме в нашем джазе — певице Нине Донской, стройной белокурой девушке.

Комната, в которой мы были все собраны, играла роль фойе при знаменитом Андреевском зале и была расположена рядом с ним. В самый Андреевский зал вело несколько высоких красивых дверей, около каждой из которых стояло несколько чекистов. Одна дверь, самая левая, иногда открывалась, пропуская артистов, уже кончивших свое выступление или, наоборот, выходящих на эстраду. Программой командовал какой-то чекист в форме майора госбезопасности. Он был весь красный и потный от волнения и не выкликал фамилии артистов, а прямо рявкал и рычал, как заправский фельдфебель на провинившихся солдат.

В 2.30 ночи дверь открывается, и мы слышим новую команду:

— Ансамбль Моисеева! Следующий — Государственный джаз!

Моисеевские девочки в своих ярких национальных костюмах проходят за таинственную дверь, а мы тихо настраиваем инструменты и, волнуясь, выстраиваемся в шеренгу. Наконец дверь распахивается, и цербер в чекистском мундире кричит хриплым голосом: «Госджаз, входите по одному!» Мы входим в Андреевский зал.

Огромный зал слабо освещен и совершенно пуст. Это зал заседаний Верховного Совета. В нем ряды новых кресел, как в театре или, вернее, как в аудитории университета, потому что при каждом кресле есть маленький пюпитр для записей и радионаушники. Между креслами два прохода во всю длину зала. Мы идем по правому — в сторону, противоположную эстраде. А по левому проходу, навстречу нам, идут моисеевские танцовщицы, только что закончившие свое выступление.

Когда я пишу, что зал был пуст, я выражаюсь не совсем точно, потому что в проходах через каждые четыре шага стоят чекисты. Кроме них, в зале нет ни души, и все кресла пустуют. Мы идем и слышим команду очень тихим голосом: «Идите вперед! Быстро! Не останавливаться!» Нас обшаривают глазами со всех сторон. Перед нами в конце прохода дверь. Около нее два последних чекиста. Они распахивают дверь, и мы сразу выходим в другой зал и попадаем на эстраду.

Зал поражает нас обилием света. Это Георгиевский зал — нарядный белый зал,— парадный зал для кремлевских приемов и банкетов. В зале идет пир горой. За большими столами полно народу. Прямо перед нашей эстрадой, несколько изолированно от всех остальных, стоит стол для членов Политбюро. Вожди сидят спиной к нам и лицом к залу. Они сидят без дам, строго по рангу. Сталин посередине, справа от него Молотов, слева Ворошилов. Члены Политбюро сидят чинно и спокойно и производят впечатление единственно трезвых людей в зале. За столом налево сидит компания летчиков. Они чтото весело кричат и громко чокаются бокалами. Толстый и пьяный Алексей Толстой стоит на столе и машет белой салфеткой. Справа кто-то говорит тост, стараясь всех перекричать и заставить себя слушать. По залу носятся лакеи в черных смокингах, с подносами и бутылками в руках. Их очень много — почти столько же, сколько и гостей. Это все молодые и здоровые ребята с молодецкой выправкой, и почему-то кажется, что им куда больше подошел бы не смокинг, а совсем другой костюм. Чекистов в зале нет ни одного. Вообще обстановка кругом самая мирная, и никому в голову не может прийти, что для чего-то может понадобиться охрана.

Когда мы входим на эстраду, Сталин и его соседи поворачиваются к нам и аплодируют. Сталин одет в куртку защитного цвета, без орденов и какихлибо знаков отличия. Он улыбается и ободряюще кивает нам головой. Перед ним стоит наполовину наполненный стакан. По цвету похоже на коньяк.

Мы начинаем играть. Из всего зала нас слушают только члены Политбюро. Они перестают есть и оборачиваются в нашу сторону. Вся остальная публика продолжает есть и не обращает на нас ни малейшего внимания. Стучат тарелки, звенят бокалы.

Мы играем виртуозное сочинение для джаза — «Еврейскую рапсодию» Кушевицкого. Когда солисты играют свои трудные пассажи, Сталин ухмыляется и обращает внимание своего соседа Ворошилова на мастерство музыканта. После конца номера Сталин аплодирует и улыбается. Однако когда наша певица начинает петь, то вожди слушают ее почему-то не так внимательно. Они отворачиваются от нас и начинают есть. Вероятно, европейский вид Нины Донской и настоящий джазовый стиль ее пения (она подражала в манере петь известным заграничным джазовым певицам) не произвели на Сталина хорошего впечатления. Последствия этого «высочайшего неблаговоления» не заставляют, конечно, себя ждать, и на следующий день бедной девушке придется навсегда проститься со своей карьерой.

Когда мы кончаем нашу программу, вожди хлопают долго и энергично. Уже у самого выхода из зала я оборачиваюсь и вижу усатое лицо «вождя народов», который продолжает нам аплодировать.

Через Андреевский зал мы снова попадаем в большое фойе. Через несколько минут к нам снова подходит наш шеф-капитан.

— Товарищи, занесите ваши инструменты в комнату, а потом милости просим откушать!

После того как мы уже выступили, наблюдение за нами делается значительно слабее и чекисты не проявляют к нам прежнего интереса. Мы относим инструменты и идем в большой зал на первом этаже, где накрыты длинные столы специально для участников концерта. На столах самая разнообразная закуска. Много икры, окорока, салаты, рыба, свежие овощи и зелень. Однако все холодное. Графины с водкой. Красные и белые вина. Великолепный армянский коньяк. Столы накрыты не менее чем на тысячу человек, а нас всех не более четырехсот. Так что можно рассаживаться свободно и есть и пить вволю.

Мое особенное внимание привлек салат из свежих помидоров, которые в это время года в Москве достать совершенно невозможно. Шампанское не стоит на столах, но его можно получить в неограниченном количестве тут же за специальным буфетом. Чекист с лейтенантскими петличками выполняет роль буфетчика и чрезвычайно ловко и быстро, как заправский ресторанный кельнер, открывает бутылки. Вообще в то время как наверху высоких гостей обслуживали лакеи в смокингах, нам прислуживали исключительно чекисты в форме. Очевидно, мы были не столь важные птицы, чтобы для нас стоило специально переряжаться. И, наблюдая, как здоровые молодцы в коверкотовых гимнастерках с кубиками и шпалами на петлицах воротничков меняли у нас грязные тарелки, откупоривали бутылки, наливали вина, я не мог избавиться от странного чувства удовлетворения. Это был, вероятно, единственный возможный случай, когда всесильная большевистская полиция прислуживала рядовым советским гражданам.

Вскоре к нам пришли с верхнего этажа наши начальники: председатель Комитета по делам искусств, начальник музыкального управления — и вместе с ними видные советские артисты — гости Сталина и завсегдатаи кремлевских банкетов: В. В. Барсова, И. С. Козловский, В. И. Качалов и другие. Они пришли, чтобы поздравить своих младших коллег и подчиненных с Новым годом и, конечно, произнести несколько подходящих случаю тостов.

Первым говорил Назаров. Он провозглашает тост за Сталина. Затем следуют тосты за партию и правительство. Барсова предлагает ответный тост за председателя ВКИ Назарова. Наконец, один из наших товарищей, после изрядного количества рюмок водки и коньяка, совершенно потрясенный и глубоко восхищенный окружающим великолепием, тоже поднимается и просит слова.

— Товарищи! — говорит он заплетающимся языком.— Где, в какой другой стране это возможно, чтобы я, простой музыкант, попал сюда? Этим я обязан только нашему отцу, другу и великому вождю всех музыкантов, дорогому товарищу Сталину! За здоровье товарища Сталина! Ура!

После этой речи наши хозяева решили, что нам пора разъезжаться по домам. Хотя мы сидели за столом не более 40 минут, но некоторые из нас успели отдать должное винам и коньяку больше, чем следовало. Слух о том, что пора ехать, возникает внезапно и быстро облетает всех. Мы встаем и идем по широкой лестнице вниз в вестибюль. Приятная неожиданность! У подъезда нас ждут машины. Это закрытые военные автомобили, в которых помещаются радиостанция и телефоны. Нас набивается человек 12 в кабинку, шофер трогает, и через минуту мы выезжаем за кремлевские ворота.

***

Сталин, без сомнения, не принадлежит к числу государственных деятелей, равнодушно относящихся к вопросам музыки. Также не считает он, что музыка есть частное дело музыкантов, в которое не следует вмешиваться правительству. И никогда не была бы современная музыкальная политика Советской власти такой уверенной и активной, если бы сам вождь Советского Союза не любил бы музыку и не имел бы своих, вполне определенных, взглядов и вкусов в музыкальном искусстве.

Однако нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что этот интерес Сталина к музыке был у него всегда, а не возник в начале тридцатых годов и не развился особенно сильно к предвоенному пятилетию, приняв форму настоящего увлечения некоторыми видами этого искусства.

Развитие (или упадок) тех или иных областей жизни Советского Союза, так же как и их направление, всегда определяется отношением к ним правительства и, конечно, в первую очередь Сталина. И вся советская политика в области искусств в течение тридцатых годов являлась лишь отражением формирования и эволюции личных вкусов Сталина.

В начале тридцатых годов Сталин со своими приближенными часто бывал в театрах. Точнее, в трех театрах Москвы: в Большом, Малом и Художественном. Только в этих театрах были выстроены специальные правительственные ложи с бронированными стенками, с отдельными выходами на улицу и с телефонными аппаратами прямого провода. Во всех трех театрах эти ложи помещались в одном и том же месте — в бенуаре с левой стороны, рядом со сценой (если смотреть на сцену из зрительного зала). Прежнее расположение императорских лож в театрах царской России — в центре бельэтажа, прямо против сцены — было признано органами государственной безопасности совершенно неудовлетворительным с точки зрения охраны вождей. Царь сидел в такой ложе старого типа, на виду у всей театральной публики. Сталин же, сидя у левой стенки своей боковой ложи, бывает совершенно невидим из зрительного зала.

В другие театры, кроме трех вышеупомянутых, Сталин никогда в течение всех тридцатых годов не ходил. Не мог пойти, даже если бы захотел. Как ни странно, но внутри Политбюро есть специальная «тройка», ведающая высшими вопросами безопасности вождей и имеющая право даже самому Сталину запрещать все, что не имеет гарантий от неприятных случаев, например, посещение театров, не имеющих бронированных лож, поездку в то или иное место, пользование воздушными средствами передвижения и т. д.

Только весной 1938 года наш Театр имени Вахтангова получил распоряжение выстроить у себя правительственную ложу. Причиной для этого послужил успех спектакля «Человек с ружьем» с Щукиным в роли Ленина. Этот спектакль захотели посмотреть и члены Политбюро.

В течение лета 1938 года был произведен капитальный ремонт здания театра, и ложа была выстроена. Так же, как и в других театрах, она помещалась слева от сцены и имела изолированное фойе и отдельный выход на улицу Вахтангова. Ложа эта была всегда заперта, и ключ от нее находился у директора театра. Никто из нас никогда не бывал ни в самой ложе, ни в ее фойе.

Продолжение следует.

ДАЙТЕ ЧЕЛОВЕКУ ПРОДОХНУТЬ!

Бюрократизм «бытовой» и «государственный»

Академик В. Л. ГИНЗБУРГ, народный депутат СССР

Так уж случилось, что я, физик-теоретик по профессии, став народным депутатом СССР, сделался известным как борец с бюрократизмом. Меня буквально засыпали письмами с жалобами на эту страшную «гидру». «Виной» тому мое предложение создать Комиссию Верховного Совета СССР по борьбе с бюрократизмом.

Такая комиссия, к сожалению, пока не создана, хотя я все еще надеюсь на положительный результат. Я, в общем, оптимист и до сих пор не разучился с надеждой смотреть в будущее.

Михаил Сергеевич Горбачев положительно отреагировал на мое предложение. Написал резолюцию «Обсудить». Но когда? Повестка дня заседаний Верховного Совета и так перегружена, и на следующей сессии вряд ли вопрос будет поставлен. Поручили во всем разобраться Председателю Совета Союза Ивану Дмитриевичу Лаптеву. Он дал свое заключение. Мне кажется, этот документ стоит привести, так как он подчеркивает, что не только меня занимает эта важнейшая проблема.

«По-моему, интересная постановка вопроса. Конечно, проблема значительно сложнее, чем ее представляет В. Л. Гинзбург, каждый, кто наблюдал ее изнутри или был частью бюрократической системы, знает, какая эта «гидра» и сколь многократна ее внутренняя страховка. Кругооборот бумаг — только отражение, далеко не адекватное, права партийно-государственной машины распоряжаться всем и вся. Поэтому главные пути борьбы с бюрократизмом — плюрализм форм собственности, самоуправления, прозрачность отношений в системах «человек — общество», «коллектив — общество», «человек — коллектив». (В данном случае общество может быть воспринято и как синоним государства.)

Но Виталий Лазаревич глубоко прав в другом: даже утратив почву под ногами, бюрократизм будет, может (!) существовать по причине гигантской социальной инерции еще десятилетия, приспосабливаясь и воспроизводясь. И каждая частица, «оторванная» от него,— это уже благо. Одна ликвидированная справка во всесоюзном масштабе — огромная победа, экономия, добрые отношения между людьми, хоть чуть более добрые, чем сейчас.

Надо, надо создавать такую комиссию! Нацелить ее прежде всего на те выходы бюрократизма, которые более всего травмируют граждан,— справки, анкеты, запросы, согласования, разрешения, акты, подписи и т. п. Следующий шаг — делопроизводство в экономической сфере. Затем можно взяться и за духовную, идеологическую, тем более что Главлит практически ликвидирован, а Закон о печати ограничивает его деятельность до необходимых пределов.

Последнее: надо как-то «состыковать» эту комиссию, если она будет создана, с комиссией по привилегиям, они обязательно соприкоснутся.

И. ЛАПТЕВ».

От бюрократизма страдает каждый из нас, а особенно как раз те люди, которые нуждаются в повышенном внимании: инвалиды, больные, пенсионеры, ветераны войны и труда. Взять хотя бы получение пособия по инвалидности (и вообще констатацию инвалидности). Человек проходит комиссию каждый год, даже когда речь идет явно о пожизненных недостатках (отсутствие руки или ноги, олигофрения и так далее). Анкеты наши содержат никому не нужные вопросы. Для получения жилья, прописки, пенсии людям надо предоставить по нескольку документов, между тем как подчас хватило бы одного.

Многие вопросы решаются годами, месяцами. «Государственный» бюрократизм проявляется так же часто, как и «бытовой». Приведу пример из близкой мне области — науки. Есть у нас Комитет изобретений и открытий, деятельность которого стала притчей во языцех. Но дело еще и в том, что регистрация открытий вообще никому не нужна. Этого нет ни в одной стране с развитой наукой. Давно настало время и у нас предоставить ученым возможность и право завоевывать себе репутацию и приоритет в свободной конкуренции.

Я знаю, что еще в марте этого года три видных советских ученых академика — А. А. Баев, В. А. Кабанов и А. С. Спирин — послали в «Правду» письмо, в котором настаивают на отмене регистрации открытий. Но письмо до сих пор не опубликовано (иллюстрация к свободе печати и вниманию к науке). Я, как и многие другие, уже больше 20 лет пытаюсь добиться решения этой проблемы, но воз и ныне там.

Не буду приводить другие примеры бюрократизма. Их каждый из нас видит вокруг себя непрерывно.

Как же, на мой взгляд, должна складываться работа предлагаемой мною комиссии?

Прежде всего следует выявить существующие бюрократические извращения и препоны (лишние документы, справки, запреты, ограничения). Чтобы устранить их, надо четко зафиксировать. Комиссия Верховного Совета в составе не более 20—30 человек разбивается на группы, занимающиеся пенсионным обеспечением, здравоохранением и отдыхом, жилищной проблемой, наукой, образованием и культурой, транспортом и связью, а также, возможно, другими областями.

Комиссии по борьбе с бюрократизмом в Советах более низкого ранга, безусловно, в качестве одной из функций, должны заниматься разбором жалоб (по крайней мере в переходный период), давать разъяснения авторам писем, помогая им часть дел направлять в суд.

Наш отечественный бюрократ является не только носителем должностных функций, но и хранителем сокровенной тайны Закона. Он ссылается на бесчисленное множество постановлений, инструкций, указаний, которые не известны его «противникам», не опубликованы и Бог знает как приняты, однако почему-то им все обязаны подчиняться. Такую ситуацию можно назвать проблемой подзаконных актов. Это очень существенный барьер на пути к правовому государству.

Сейчас действие Закона ограничено реальной структурой чиновничьей пирамиды. Закон сам по себе для чиновника пустой звук. Вот когда министерство издаст инструкцию, управление прикажет, до чиновника дойдет распоряжение непосредственного начальника, вот тогда Закон начнет действовать — в соответствии уже с инструкцией и т. п. Такой способ действия законов является одним из главных источников бюрократизма. Поэтому необходимо противопоставить ему конституционный принцип: любой государственный служащий должен в первую очередь подчиняться требованиям Закона и лишь во вторую — требованиям своего начальства. Условия вступления Закона в силу определяются только органом, принимающим Закон.

Государственный служащий не имеет права требовать у гражданина какие-либо справки сверх удостоверения личности и документов, прямо предусмотренных Законом для данного случая. Дополнительные сведения, если они необходимы, запрашиваются самими государственными органами за свой счет.

Уже это избавит людей от необходимости получать справку о том, что они не сумасшедшие и т. д. Однако останется возможность использовать запросы для затяжки времени при решении вопроса, в котором заинтересован человек. Комиссия должна внимательно рассматривать все принимающиеся законы и предусматривать в них ограничения на требования государственных органов о предоставлении тех или иных документов.

Вообще осведомленность граждан о функциях власти чрезвычайно важна. Сейчас люди почти ничего об этом не знают, а если узнают, то на собственном опыте, набив много шишек. Если комиссии по борьбе с бюрократизмом будут созданы, то было бы хорошо, чтобы они инициировали издание справочников и другие меры для осведомления граждан. Необходимо не только издавать законы, но смотреть, как они применяются. Комиссия по борьбе с бюрократизмом может и, как я думаю, должна взять на себя, хотя бы частично, и эти функции.

Есть тут еще один деликатный вопрос. Поскольку я «заварил кашу», то многие мои корреспонденты обращаются ко мне как к главному человеку в этом деле. Но, во-первых, комиссия еще не создана, а может, и не будет создана. А во-вторых, о том, чтобы я ее возглавил, не может быть и речи. Мне пошел 74-й год, а здесь должен быть человек молодой, энергичный и к тому же знающий «аппаратные игры». Я готов помогать по мере моих сил. Кстати, и без комиссии уже кое-что сделано, и льщу себя надеждой, что не без моей настойчивости. Взять хотя бы такой пример, как состоявшаяся наконец отмена запрета на ксерокопирование. Известно, что это важное звено научно-технического прогресса. За границей ксерокопировальные машины в научных институтах стоят чуть ли не в каждом коридоре. А у нас долгие годы действовали дикие правила, на грани идиотизма, требующие помещения ксероксов в специальные комнаты, обслуживание их только специальными людьми, получения опять же специальных разрешений для снятия копий. Это приводило к колоссальным потерям времени, бумаги, труда машинисток и так далее. Если же кто будет снимать ксерокопии для противозаконных действий, то его и надо привлечь к ответственности, а не наказывать машины и всех подряд, кто ими пользуется для работы.

Упростилась процедура посылки научных статей в зарубежные журналы, публикация их в стране.

Среди причин, порождающих бюрократизм, я назвал бы еще одну. Это, с одной стороны, боязнь ответственности, нежелание брать ее на себя, с другой — потеря чувства ответственности. То и другое достаточно распространено.

Кстати, свою депутатскую деятельность я начал с заботы о возможности отставки, что, как ни странно, связано как раз с чувством ответственности. Я боялся оказаться бесполезным, как говорят, не оправдать доверия. Не стал бы об этом говорить, если бы не был убежден, что такая боязнь является проявлением чувства ответственности. Конкретно, если депутат или любое избираемое лицо не приносит пользы, не может или не старается ее принести, то должен уходить в отставку. На I Съезде народных депутатов мне выступить не удалось, но соответствующие предложения были переданы в письменном виде, а затем я выступал на Верховном Совете 21 ноября 1989 года при обсуждении статуса народных депутатов. Не берусь судить, какова здесь моя роль, в какой-то форме пункт об отставке был бы внесен и без моего участия, но все же некоторый вклад я внес (речь идет о статье 9 Статуса народного депутата СССР, в которой оговорено право на отставку). Как я убежден, пункт об отставке избираемых лиц должен быть внесен в уставы всех организаций (например, это касается членов президиума Академии наук СССР, между тем как в уставе АН СССР такой пункт отсутствует).

И последнее. Предположим худшее, что комиссия, за которую я ратую, не будет создана. Так что же? Все написано здесь зря, и с бюрократизмом нам всем бороться не стоит? Совсем нет. Бороться надо, не дожидаясь создания комиссий. И вот какое у меня предложение: инициативу тут должны взять на себя различные неформальные организации, создающиеся партии и, конечно, организации КПСС. Да, да, именно так. Надо привести в ход общественный механизм. Сейчас КПСС, а следовательно, и первичные партийные организации освобождены от государственных функций. Они могут заняться живым, конкретным делом, проявить подлинную заботу о человеке и вернуть этим доверие масс. Представляете, как много могли бы сделать при желании в борьбе с бюрократизмом, скажем, первичные парторганизации тех же Минздрава, Минсобеса, других министерств и учреждений, насколько облегчить судьбу людей? Каждый добрый поступок, каждое малое дело, тиражированное в миллионах экземпляров, становится «большим делом».

НИЩИЕ БОГАЧИ

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ НАВЕВАЕТ ЭТО КЛАДБИЩЕ КОРАБЛЕЙ — ОГРОМНОЕ БОГАТСТВО УХОДИТ НА ДНО МОРСКОЕ.

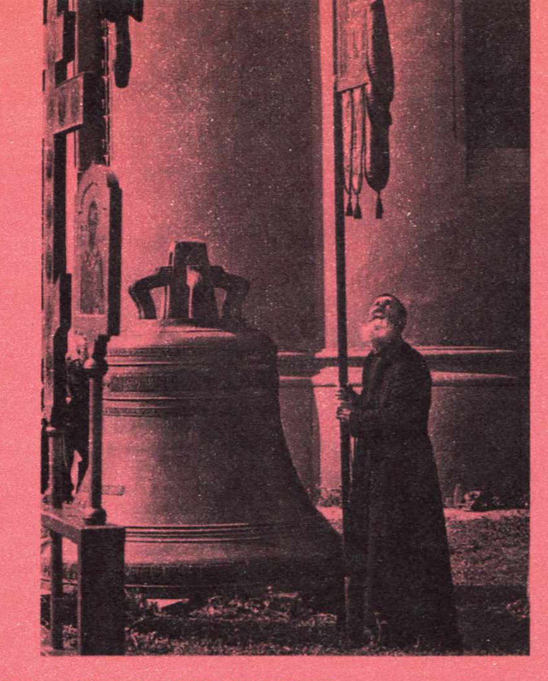
Фото
Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

Кладбище кораблей. У каждого были имя, флаг, команда. Каждый драили и начищали до блеска, а на парадах под звуки оркестра адмиралы отдавали кораблям честь. Теперь они стоят, упершись килями в грунт, или лежат на боку, извергая через дырявые борта остатки мазута. Все в прошлом...

Но если уйти от ассоциаций элегических, то надо бы задуматься о другом — о том, что эти проржавевшие громады и сейчас представляют немалую ценность. Горстка людей на базе разделки судов Тихоокеанского флота под Владивостоком не в состоянии превратить отслужившие свой век корабли в металлолом. Морская вода, лаская замершие громады, превращает металл в ржавую труху.

Как несметно богаты мы при нашей бедности! Сколько всяких товаров можно купить за этот металл! Нашлись бы только предприимчивые люди. Впрочем, известно: находились — не здесь, так в других местах. И как на них наваливались всем миром, обвиняя в распродаже народного достояния,— тоже известно. Вот оно, народное наше достояние, уходит на дно морское, распыляется в труху. Грустные картинки...

КОЛОКОЛ СПРАШИВАЕТ...

Одним из самых замечательных недавних событий нашей религиозной жизни стало возвращение некогда принадлежавшего старообрядцам колокола, с немалыми трудностями извлеченного из-под сцены старого МХАТа (куда он попал в начале тридцатых годов) на свое родное место — в Успенский храм-колокольню Рогожского кладбища в Москве. Глава Русской православной старообрядческой церкви митрополит Алимпий освятил двухсотшестидесятитрехпудовый колокол, и низкий, сильный, густой звук поплыл над могилами, над Покровским собором, над домами Рогожской слободы, процветавшей в свое время благодаря пожертвованиям старообрядцев — выдающихся деятелей отечественной торговли и промышленности.

Много печали чудилось мне в мягком голосе вернувшегося из заточения колокола (балансовая стоимость которого была в театре, представьте себе, сто один рубль). Казалось мне, что колокол выплакивал тоску своего растянувшегося на десятилетия молчания, выговаривал скорбь по сброшенному с этой колокольни и расколовшемуся огромному, тысячепудовому своему собрату, по отобранным у старообрядцев монастырям, скитам и храмам и у всех у нас спрашивал: ну, почему? почему?!

Многократный его вопрос относился не только к дням минувшим, с которых наконец мы содрали кровавую печать, но также и о дне сегодняшнем спрашивал пробужденный колокол со своей высоты. Не так давно в Даниловом монастыре один священник из Владимирской епархии сказал по поводу моих публикаций в «Огоньке»: «Вы, стало быть, из партии Коротича?» Я ему ответил, что числю себя по партии Иисуса Христа, подумав при этом, что мелкотравчатая политизация нашего общества не обошла стороной и священнослужителей.

Политика иссушает религиозное чувство. Рискуя прослыть этаким замшелым пнем и ужасным ретроградом, я все-таки признаюсь, что мне странно видеть священников и архиереев в наших многочисленных и говорливых парламентах; всем сердцем сочувствуя греко-католикам и воздавая дань твердости, с которой они перенесли советское лихолетье, я все же не могу не сказать, что скорбная память о перенесенном насилии должна была бы удержать их от насилия ответного и что родниковая вода христианства не должна быть замутнена националистическим и политическим илом; я понимаю тех священников Русской православной церкви, которые, устав от неограниченного и неумного своеволия правящих епископов, переходят в юрисдикцию Русской зарубежной церкви, но я отказываюсь понимать и признавать появляющуюся ныне моду на подобный переход, которым теперь может прямо-таки угрожать Матери-Церкви любой не согласный с нею клирик.

И тяжко было мне читать послание к нам Русской православной церкви за границей — таким духом непримиримости, таким сознанием своего нравственного превосходства, такой гордыней веяло от него.

Когда какая бы то ни была церковная организация сама объявляет себя хранительницей неповрежденного православия; когда она кладет запрет на молитвенное общение с другой православной церковью; когда она буквально предписывает ей норму покаяния; и когда она, призывая под свой омофор клириков и мирян другой православной церкви, по сути, добивается ее распада,— тогда у меня поневоле возникает мысль, что руководство Русской зарубежной церкви, во-первых, крупно обольщается на свой счет, а во-вторых, попросту не имеет ясного представления о том, что сейчас происходит в России. Действительно, у Московской Патриархии есть немало поводов для покаяния, для очищения собственной исторической совести. Кадение великому палачу, товарищу Сталину, пресмыкательство перед властью, нравственная ущербность многих священников и архиереев — нельзя делать вид, что всего этого не было, и не скажешь, что с этим уже покончено раз и навсегда.

Очищение, я верю, придет, и это будет очищение изнутри, из сердца, из чувства глубочайшей вины перед Богом и народом, из сознания невозможности умалчивать о своих грехах перед образом нашего Спасителя. О нет, я вовсе не хочу утверждать, что наше раскаяние не нуждается в помощи. Если скажут: «Брат! Мы все виноваты. Давай молиться вместе»,— то сокрушение наше станет еще глубже, еще острей, еще целительней.

Действительно, грех компромисса и даже сотрудничества с антихристианской властью лежит на Русской православной церкви. Но компромисс был, по-видимому, неизбежен в создавшихся в России исторических условиях, и одним из первых осознал это Святейший Патриарх Тихон. Вопрос, таким образом, может идти лишь о пределах его, пределах, которые смог не переступить Патриах Тихон и на которых не удержались его преемники.

Возвращенный старообрядцам колокол спрашивал, и, как бы отвечая ему, я не мог не сказать, что не все так безотрадно в нынешней нашей религиозной жизни. Есть в ней свои, мягко говоря, странности, но есть и прекрасное, здоровое начало, есть семена, что должны дать добрые всходы. Днями, например, положено было начало православному Братству Покрова Пресвятой Богородицы. Оно обратилось к Моссовету и Верховному Совету России с ходатайством о передаче Братству храма Покрова, что на рву, более известного в народе как храм Василия Блаженного. Вернуть его будет непросто, но, я уверен, в конце концов состоится и это возвращение.

Александр НЕЖНЫЙ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

...ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Казалось бы, нечеловеческие условия ГУЛАГа должны были убить всякое желание творчества. Но нет — что доказывает материал первой цветной вкладки «Искусство ГУЛАГа». Какие же «порывы к прекрасному» провоцирует «зона» наших дней?

«Художественное творчество в местах лишения свободы» — такую выставку мы организовали и провели в феврале этого года в Свердловске.

Мы — это московский поэт Елена Шерстобитова, начальник выставочного зала Дома культуры автомобилистов Евгений Касимов и автор этих строк. Материал для выставки был собран нами в нескольких колониях и тюрьмах Владимирской области и Свердловска. Неоценимую помощь в этом оказали нам осужденные и офицеры Управления исправительных дел. Многие из них с пониманием отнеслись к идее такой выставки (после первой естественной реакции недоумения) и с энтузиазмом включились в непривычную для них деятельность. Как же! Не изымать, не уничтожать по акту, не наказывать, а, напротив, поощрять и стимулировать.

***Из книги отзывов:** «В целом впечатление хорошее. Но можно подобрать более интересные работы... Даже из ИТК Свердловской области можно намного расширить выставку по объему и содержанию. Желаю успеха.*

Сотрудник ИТУ Козырев (ИТК 3)».

Конечно, можно было бы «подобрать», если бы к творчеству осужденных относились не как к криминалу. Ведь это своеобразный андеграунд в андеграунде...

***Из книги отзывов:** «Педагогический коллектив профтехучилища при одном из учреждений считает, что аналогичные выставки следует проводить чаще. О проведении их сообщать осужденным заранее. Наряду с художественным надо бы представлять и техническое творчество. В целом выставка оставляет неплохое впечатление».*

(Семь подписей работников ИТУ.)

Нам удалось выставить около двухсот работ. Это работы маслом, графика, чеканка, разного рода поделки... Мы сознательно, собирая экспонаты, не устанавливали никакой художественной цензуры, не обращали внимания на профессиональный уровень работ. Поэтому в нашей коллекции и вполне профессиональные работы, часто просто потрясающие изощренной техникой, изобретательностью, и совершенно примитивные, наивные и трогательные попытки самовыражения. Может быть, как раз эти работы, часто сделанные тайком, «для души», особенно дороги...

Собственно, среди авторов этой выставки только два профессионала. Это Федот Сучков (скульптурный портрет «Старый большевик в зоне») и еще один автор, пожелавший остаться неизвестным (серия графических портретов). Еще любители — В. Трушкин, В. Мезенцев и В. Сизиков. Все остальное... Да, примитив, да, кич... Но, устраивая выставку, мы исходили из твердого убеждения, что искусство зоны — определенный пласт нашей общей культуры со своими традициями, своей тематикой, своей неповторимой эстетикой. Официальное искусство и неофициальное, когда они разделены колючей проволокой, взаимодействуют неестественным образом. И часто принимают извращенные, уродливые формы. Отсюда на воле определенная поэтизация лагерной жизни среди молодежи, вся эта уголовно-приблатненная романтика. А в зоне... Недавно в одной колонии в драке был убит человек: поспорили у телевизора из-за того, какую программу смотреть. Человеческая жизнь обошлась в 500 рублей (стоимость еще одного телевизора, но его, увы, запрещает приобрести какая-то инструкция).

***Из книги отзывов:** «...Под наиболее талантливыми работами подпись «усиленный режим». Есть о чем задуматься... Кроме работ, на выставке должны быть «фоном» фотографии «оттуда»... Мальчики, которые просто балдеют от «марочек» и «лисичек», не станут писать: «так понравилось, что тоже хочу в тюрьму». Они наверняка задумаются».*

(Подпись неразборчива. 20.02.90.)

Думаю, можно пойти дальше: устраивать в колониях и тюрьмах нечто вроде «дня открытых дверей». Уверен, что для многих «трудных подростков» посещение Владимирского централа сыграет более «воспитательно-исправительную» роль, чем суд или отсидка, которая (доказано практикой) отнюдь не воспитывает.

***Из книги отзывов:** «Я посетил выставку и удивился, что в тюрьмах сидят такие талантливые люди. Это же надо, у нас в магазинах полным-полно красок, но картин нет, а в тюрьме, особенно усиленного режима, рисуют, делают. Я даже не понял, где они берут краски и кисти. Побольше таких выставок.*

С уважением ученик 6-го класса, 94-я школа».

В правильном направлении мыслит ученик 6-го класса. И уровень на усиленном режиме повыше («срока́» там больше и контингент постарше, посолиднее), и краски непонятно откуда берут (на «строгом», например, положено иметь только шариковую ручку черного или синего цвета). А вот как мыслит один из офицеров-режимников (такого мы действительно встретили только одного): «Дай им краски, они сразу карты себе нарисуют». Карты они и так из ничего понаделают, тоже доказано практикой. Вот у меня в руках один экспонат — ажурная салфетка из женской зоны. Связана она... спичкой! А вот другая, связана «железкой». Вязальных спиц иметь не положено. А встречаются поделки удивительные, уникальные, когда практически из ничего (нитки, рубленая проволока, кусок оргстекла, а иногда просто невозможно понять, что за материал и как определить технику) получаются удивительно тонкие, трогательные и одухотворенные вещи.

Не хотелось бы полемизировать ни с каким внутриведомственным циркуляром или мнением. Совсем не хотелось бы. Хотелось бы попытаться сделать что-то нормальное, человеческое для тех осужденных, которые стремятся как-то выразить себя через творчество, провезти эту или подобную выставку по колониям. Хотелось бы, чтобы офицеры, которые вынуждены пресекать всякую творческую незаконную деятельность, смогли тоже вздохнуть посвободнее.

***Из книги отзывов:** «...На выставке множество настоящих шедевров. Обидно, что люди с такими золотыми руками вынуждены катать бревна (это так называемый «исправительный труд»). Причем катать псу под хвост, они все равно утонут. Не пора ли подумать 1) о создании художественных салонов в ИТУ; 2) о бережном отношении к древесине?*

Бывш. в/сл. ВВ МВД СССР М. Барлатов».

Александр ЕРЕМЕНКО

«Я посетил выставку и удивился, что в тюрьмах сидят такие талантливые люди...» Ученик 6-го «А» класса 94-й школы.

«Скромное пожелание устроителям выставки: рядом с экспонатами поместите фотографии жертв, тех, кого они убили, ограбили и т. д.» г. Свердловск, инженер Н.

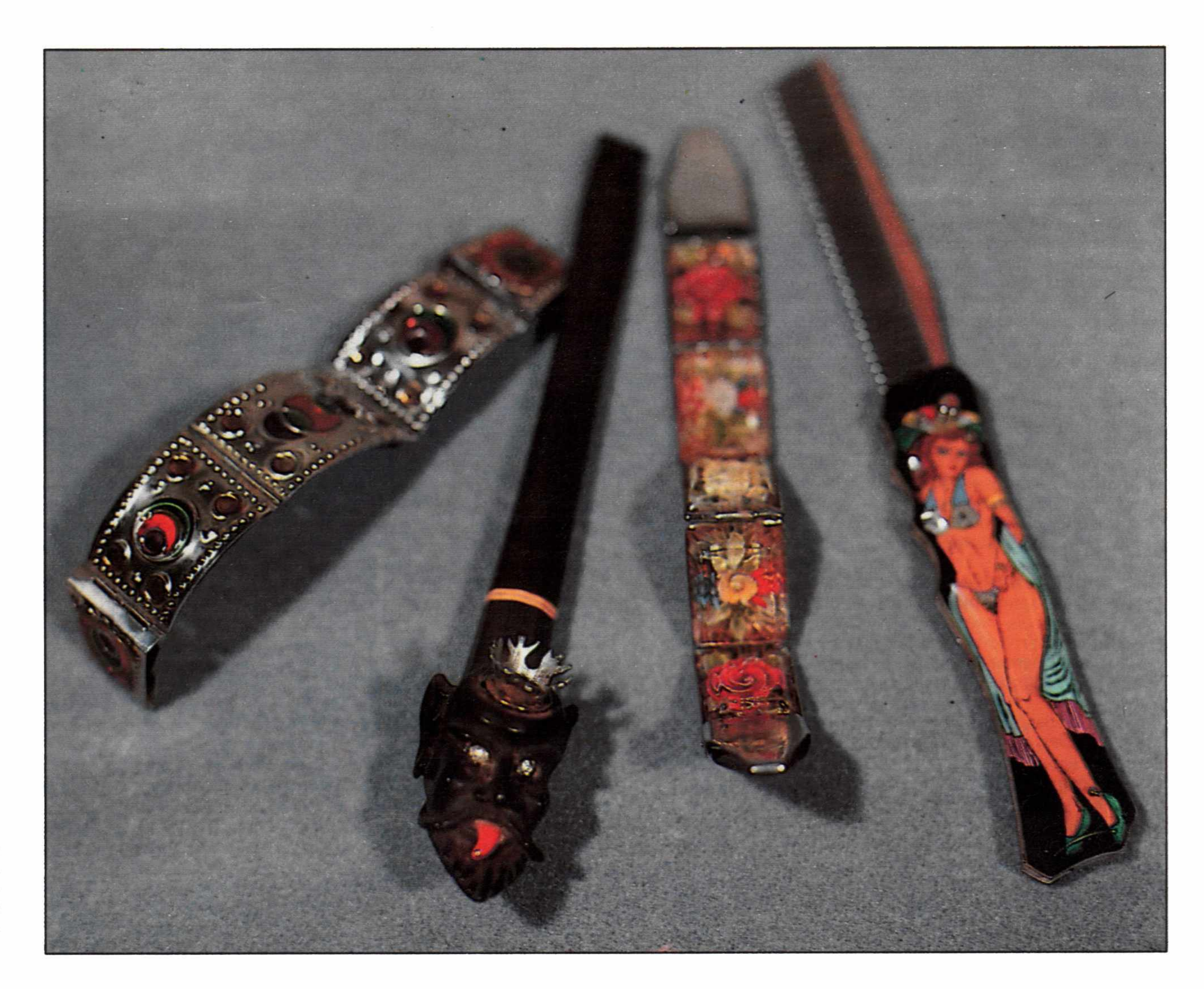

«Есть вещи довольно неплохие, есть очень слабые... Главное не в том, хорошие они или плохие. Главное в том, что перед нами целый пласт нашей культуры, который мы почти не знаем». Новиченков, учитель истории.

«В нечеловеческих условиях заключения сохранить душу, оставить в ней место прекрасному — это заставляет уважать авторов, за что бы они ни были осуждены». Подпись неразборчива.

«Делайте побольше таких выставок. Я и мои товарищи узнали много нового». Ученик шк. 110, 8-го класса, Серега.

Михаил ЛЮБИМОВ

Роман

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

Я непринужденно вошел в Гровнор-отель и устроился в мягком кресле в фойе — до роковой встречи оставалось десять минут, интересно было посмотреть, как вкатится в заведение волшебник Гудвин и каких размеров у него эскорт.

Хилсмен мало отличался от своего изображения на фотографии (я, например, на фото на себя не похож: размазанная физиономия и никаких байроновских черт, и глаза не умные и проницательные, как в жизни): тучный, низкорослый, с небольшими бесцветными глазками. Как ни странно, действительно нежный пушок стелился, словно одуванчики, по еще не вспаханному полю его крупной головы, в глубинах рта мерцали коронки, и говорил он с такой медлительностью, что хотелось по любимой семинарской привычке забросить ему в рот дохлую муху (однажды я проделал это с Чижиком и получил за это в свой неаристократический нос).

— Признаться, вы меня заинтриговали,— начал он энергично, крепко сжав мне руку.— Так в чем же дело?

В баре толпилось несколько человек разбойного вида, бросавших на нас временами деланно рассеянные взоры.

— Что вы будете пить? — Все-таки я пригласил его в бар.

— Вы не против, если мы перейдем в другое место? Тут у меня живет в номере приятель... его сейчас нет, там довольно удобно.— Серьезен он был до крайности и этим напоминал мне Маню, шутить с которым считалось бесполезным и даже опасным делом.

(О, где вы сейчас, Маня и Бритая Голова? Заботитесь о конспирации Монастыря, родившейся еще в те времена, когда Газета начала сколачивать и объединять кружки, и переходить к нелегальным формам работы? Или вычисляете вероломную Крысу, прогрызающую днище корабля и ухватывающую своими зубищами огромные ломти сверхсекретной информации?)

В номере мы сели за столик, он достал из портфеля блокнот и приготовился слушать.

Стараясь не размениваться на мелочи, я вывалил ему свою биографию, яркими мазками нарисовав самые значительные вехи, закончил просьбой о политическом убежище и уставился ему в переносицу (примитивный, но верный прием, если хочется продемонстрировать твердость воли).

Он отвел глаза и встал.

— Извините меня, Алекс. Вы можете побыть тут один час-полтора? Мне нужно посоветоваться. Если хотите, выпейте виски и почитайте газеты.

Я не возражал, и волшебник Гудвин удалился.

Я достал из бара бутылку «Старого контрабандиста» (мерзости этой я не пил со времен начала романа с «гленливетом»), чуть пригубил из стакана и почувствовал, что засыпаю — я умел проваливаться в сон быстро и легко, минут на десять, на час — счастливая привычка незабвенного сэра Уинстона Черчилля, разве не благодаря ей и коньяку он выдержал все ночные бдения во время войны? Пробуждение происходило точно: в голове щелкал педант-таймер, глаза раскрывались, и всадник летел на зов горна! За работу, шпион! И снова горн, и барабаны, барабаны, барабаны!

Но проснулся я от шелеста страниц и увидел Хилсмена, листавшего «Плейбой» под желтым торшером.

— Я не хотел вас будить, вы так сладко спали...— Сказано было с улыбкой доброго папаши, принесшего плюшевого мишку в постель к любимой дочурке.— Что ж, предварительное решение принято, и нам вместе придется поработать. Вы, как профессионал, должны понимать, что на все требуется время... Вы давно готовились к этому? — Уже не папаша, а внимательный доктор, сейчас спросит: как сон? Как настроение? Был ли стул?

— И да, и нет. Конечно, готовился... много думал, но вот решиться... Я вам все расскажу подробно... не все так просто, как может показаться. Не знаю... наверное, я изъясняюсь путано, да и здоровье в последнее время пошаливает.

На что, на что, а на свое богатырское здоровье я не жаловался: выдуть мог ведро — и ни в глазу, давление 120 на 70, как у космонавта, пульс 60 в минуту даже при свидании с Франкенштейном, 120 при дьявольской нагрузке и через две минуты снова нормальный, не брали меня ни сквозняки, ни холодные камни, на которых любил сидеть (особенно на кладбищах), ни переходы пешком через льды.

— У нас хорошие врачи, они вам помогут... У вас нет с собой каких-нибудь письменных материалов? — Уж очень он был деловит.

— Кое-что есть.

— Прекрасно. Я предлагаю вам поехать со мной за город. Там мы проведем несколько дней, спокойно поговорим...— Он внимательно наблюдал за мной сквозь улыбку, прикидывал, анализировал, мысленно сверял с инструкцией по работе с перебежчиками (ее мы читали!).

— Хорошо. Но я должен предупредить Кэти.

— Кто это?

— Моя будущая жена.— Я улыбнулся.

Он залоснился от счастья, семьянин великий, диву даешься, до чего любят американцы идею брачной идиллии.

— Только придумайте хорошую легенду...

Все они одним миром мазаны, эти господа начальники! Совет паркетного разведчика, не нюхавшего пороху. И кому? Задубевшему в боях Алексу, прошедшему огонь и воду, собаку съевшему на легендах и прочих штучках профессии.

Через час мы с Хилсменом уже покачивались в ночных пустотах графства Эссекс за широкой спиной почти немого шофера. Рэй сначала что-то мямлил по поводу грандиозных взлетов и падений доллара, а потом замолк — со стороны мы походили на изможденных скандалом супругов, пытавшихся, но так и не сумевших восстановить статус-кво. Привалясь к окну, я подремывал, иногда посматривая сквозь смеженные веки на своего соседа, в темноте его профиль принял величественные очертания, он даже надулся от счастья, что заполучил в сети такую жар-птицу, как Алекс, и наверняка прикидывал, какие почести свалятся на его покатые плечи.

Дорога внезапно изогнулась, мы сошли с автострады, завертелись между разношерстных коттеджей, юркнули в лес под вывеску «Частный» и остановились перед железными воротами, за которыми торчало готического вида здание с островерхой башенкой.

Водитель три раза посигналил (особый сигнал — кашлял нараспев, словно Луи Армстронг в стаканчик «гленливета»), ворота разъехались в стороны, обнажив глубокий двор и четыре фигуры в спортивных куртках, напоминающие своей боевой осанкой ребятишек из охраны Монастыря. Мы медленно двинулись по мощеной дорожке прямо в глубину ада и остановились перед массивной узорной дверью.

...И начались веселенькие денечки вопросов и ответов, и повсюду шныряли свиные рыла, появлялись и исчезали, случайно просовывались в окна и двери, благо что не вырывали ногти и не поджигали гениталии.

Первым делом Хилсмен попросил меня заполнить анкету — чем-чем, а этим не удивить любого мекленбуржца, а уж тем более сотрудника Монастыря, видали мы анкеты и толщиною в добрый роман,— где только мы «не были» и «не состояли», с кем только мы «не переписывались»! Мы свои родословные писали густо, как «Сагу о Форсайтах», словно жизнеописания в назидание благодарным потомкам.

Поселили меня в просторной комнате на втором этаже, с письменным столом и мягкой мебелью, с потолка свисала хрустальная люстра, огромная, как в Ковент-Гардене, керосиновая лампа на подоконнике тонко намекала на возможность отключения электросети в случае налетов нашей боевой авиации, вполне логично домыслить и небольшое подземное бомбоубежище — если на земле не останется ни одного человека, доблестные службы не дрогнут и не сдадутся, а продолжат борьбу за спасение демократии. Окна выходили в сад, где произрастали субтропические растения, вывезенные кровососомпэром, продавшим этот замок американским спецслужбам, а у кирпичной стены виднелись провода и телевизионные дула электронной охраны замкнутого контура.

Утром за завтраком (яичница с беконом, обилие молока и булочек, кофе и два вида джема с тостами) Хилсмен представил меня своему коллеге Сэму Трокмортону[1], высоченному детине с армейской стрижкой (его мрачное немногословие намекало на таинственные функции, как то: удушение бесстрашного Алекса в случае попытки к бегству), а в десять часов я уже сидел в приятной компании в большой комнате с детектором лжи, напоминающей лабораторию для оперирования подопытных мосек.

— Извините, Алекс, но прежде всего нам хотелось бы проверить ваше здоровье, таков у нас порядок, да и вам это будет нелишне.

Тут мужчина в халате взял у меня кровь, сделал рентген и попросил приготовить к следующему утру кал и мочу. Затем он внимательно выслушал мне спину и грудь, положил на софу и обстучал железным молоточком суставы, заставил попасть пальцем в нос, проверил кровяное давление и проделал еще массу всевозможных манипуляций.

Затем он важно сел за стол: «Страдаете ли вы плохим сном, головокружениями, расстройствами, мигренью, астмой, внезапными сердцебиениями?» — «Чего нет, того нет, иногда, правда, белеет язык».— «Как так? Сам по себе?» — «Нет, не сам».— «Курите?» — «Трубку или сигару».— «Это плохо!» — «Обычно после виски».— «Тоже плохо!» — «У меня все завязано в один гордиев узел: виски, сигара и прекрасные леди. Помните, у Гете? «Забористый табак и пенистое пиво, и девушка-краса... чего еще желать?» Хохот коней. «О'кей, завтра мы проверим вашу печень!»

Далее он прилежно зачеркнул корь, свинку и другие болезни, которыми я не болел в детстве, а точнее, не помнил, в памяти остался только коклюш, жуткий кашель, за что наш мальчишеский полуазиатский двор подверг меня остракизму и присвоил кличку «красножопый» — глубинной связи с болезнью я не понял до сих пор.

Затем на авансцену выдвинулась дама в темных очках (как я понял, психолог-психиатр), меня попросили пересесть в кресло детектора лжи, водрузили на голову венок из проводов, подключили к ногам и рукам электроды и начали править бал.

Вопросы сыпались на меня градом, мои ответы фиксировались для дальнейшего анализа и широких обобщений с оценкой по специальной системе баллов, на основе которых какой-нибудь црувский Хемингуэй потом составил бы красочный психологический портрет перебежчика Алекса.

С детектора лжи я снова пересел к столу.

— Волнуетесь ли вы перед свиданием, интервью,

[1] **Вот бы мне такую фамилию! Так и слышится удар топора, и отпадает головка, и молодцу конец! Тр-тр!**

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37,38.

заданием, поездкой? Принимаете ли транквилизаторы? Не кажется ли все вокруг странным и ирреальным? Не представляете ли вы себя вне своего тела? Какого рода вы видите сны? Часто ли меняется ваше настроение? Переживали ли вы хоть раз нервный криз?

Американские тесты я изучал еще в семинарии и бодро, стараясь не напрягаться, окунулся в поток сознания.

— Несколько вопросов о ваших родителях, о детстве. Если вы попытаетесь вспомнить себя лет в десять, было ли ваше детство счастливым? Вы были единственным ребенком у родителей? Был ли ваш отец эмоционально устойчивым человеком? Добился ли ваш отец в жизни успеха? Если нет, то сделало ли это его злобным, несчастливым, душевно угнетенным? Была ли разница между вашими родителями в социальном плане?

Господи, как мне надоела эта баба! И ведь знаю, куда тянет со своими фрейдистскими штучками, так и жаждет прощупать мой эдипов комплекс, записать, что я всю жизнь ненавидел отца и ревновал его к матери, тайно жаждал жениться на матери и прочая мура, которой нашпигованы все психологи, помешались на этом, лечить их всех в бедламах «Das Kapital»ом, ставить мозги на место!

А все было тяжело и просто, о чем я и поведал всей честной компании: отец приехал в столицу из деревни с единственным богатством — небольшим мешочком (мыло, запасные штаны), поступил на завод, на вечеринке встретил мать-учительницу, первая комната в полуподвале, которую пришлось перегородить надвое после приезда брата с женой и отца, спасавшихся от голода. Деда я помнил уже ослепшим после паралича, бродил он по комнате в кальсонах, с трясущимися руками, и пахло от него чем-то застарелым. Собирались на все религиозные праздники (тут бабища оживилась и засыпала уточняющими вопросами о вероисповедании, очень ей хотелось сделать из меня прозревшего грешника!), любили петь церковные песни и мещанские романсы, постепенно умирали, и, когда я закончил школу, в живых остались только мать и жена брата, которую потом я устроил в буфет монастырского клуба,— забавное заведение, куда в отличие от клубов на Пэлл-Мэлле ходили не развлекаться, а нажраться и заодно на кого-нибудь настучать.

Но бедное детство не убило тяги юного Алекса к просвещению; начал он, разумеется, с уже упомянутого и оцененного миром «Das Kapital»а и прочитал страницы две («Почему? Почему так мало?» — заинтересовалась психолог, увидев в этом истоки дефекции), а потом усердно штудировал классику и даже сделал выписки типа «никакой язык не труден человеку, если он ему не нужен», вел урывками дневник, который заполнял меткими наблюдениями: «Первый весенний день. По улицам текут ручьи. Как хорошо!», «Кончились каникулы. Сильный мороз», «Сегодня мои именины. Как хорошо!», и даже заметками, предвещающими политически зрелого Алекса: «Речь Черчилля в Фултоне. Намек на войну».

Но страшилище не унималось и погребло в другую сторону: нервируют ли вас переходы через мосты? Через открытое пространство? Через пустыню? Не угнетает ли вас пребывание в лифте? В туннеле? Не пугает ли гром? Ветер? Нахождение в большой толпе? Не вызывают ли у вас отвращение кошки? Не кажется ли вам, что в туннеле ваша машина может задеть за стены?

— Скажите,— вдруг прорезался Хилсмен,— а волнует ли вас возможность ядерной войны?

— Не верю в нее! — Послушал бы меня Маня, всегда на совещаниях потрясавший кулаком в ту сторону, где, по его разумению, прятались поджигатели войны.

— А что вас больше всего волнует? — Это влез молчаливый Сэм.— Положение вашей семьи? Собственное здоровье? Деньги? Будущее страны? Экологический кризис? — Я понял, что Сэм, видимо, не по части мокрых дел — пахнуло от него интеллектуалом.

— Пожалуй, собственное здоровье и сын...

Я почти не врал, в последнее время старался не думать ни о Римме, ни о Сергее... Кто ты, Алекс? Кто вы, доктор Зорге? Отрезанный ломоть, Агасфер, вечно бродящий по свету, блуждающий огонек! Дома о личности папы спорили, и сейчас, наверное, его Образ живет: «Как там наш папочка? Как ему, бедному, трудно! Сережа, ты должен брать пример с папы!» Боже мой!

— Часто ли вы чувствуете себя одиноким?

— Почти все время!

И опять не врал. Одинок, всегда одинок, вечно одинок!

— Если вы опоздали на концерт и пробираетесь через ряды к своему месту, что вы чувствуете? Дискомфорт? Уверенность? — Тут уж я поведал, что Римма вечно задерживалась, красила ногти, что-то надевала и снимала, в театр мы выбегали уже в состоянии войны и в конце концов вообще перестали туда ходить.

— Вы согласны, что чистоплотность идет вслед за благочестием? Ваши ощущения при виде криво висящей картины? Считаете ли вы окна, когда идете по улице? — Эту ерунду нес Сэм, значит, у него специальная психологическая подготовка.

— Не раздражают ли вас такие предметы, как дверные ручки? Грязные банкноты? Полотенца в туалетах?

Я отвечал и отвечал, постепенно раздражаясь, ах, уж эта психология, ах, знатоки человеческой души! Ведь и у нас в Монастыре одно время дули модные ветры и один патлатый замухрышка-психолог учил меня Науке Вербовки. Ему бы,显заднице, свою жену завербовать, знакомую девицу на худой конец или хотя бы козу, а не рецепты давать старому асу! «Психология нужна для увеличения кпд!» — посоветовал один такой кудесник — и слова его пали на благодатную почву. «Кпд! кпд!» — взывал на совещаниях Маня, обожавший звонкие словечки из арсенала научно-технической революции — конгениальная идея взмыла в небеса и, как обычно бывало в Монастыре, опустившись в низы, превратилась в дым.

Наконец дама-психолог и Сэм удалились, и мы приступили к основному блюду.

— И все же, Алекс, я, конечно, рискую показаться тупым и ограниченным, но, если мы попытаемся суммировать, хотя бы схематично, причины вашего перехода... понимаю, что ответить на это непросто, и все же?

— Я же вам уже говорил, тут целый комплекс. Главное, наверное, желание жить свободно и отношения с Кэти. Хотя это только часть истины.

— Понимаю, понимаю...

— Ха-ха-ха, разве это возможно понять?

— Мы изучили все документы, которые вы передали. Кое-что требует уточнения и перепроверки. Правда, это не так просто без помощи англичан, а мы не намерены ставить их в известность о вашем существовании...

— Я думал, что отношения между союзниками теплее,— съязвил я.

— Они достаточно хорошие, но вы знаете, что со времен предательств Филби, Берджесса и Маклина мы стали проявлять осторожность. Мы проверили Генри Бакстона, очень аккуратно, конечно. Представляете, английская секретная служба даже не имеет на него досье, он чист перед ними, как дитя!

— Надеюсь, вы не сожгли его своей проверкой, иначе пламя может коснуться и меня! — Я разыграл величайшую нервность.

— Что вы! Что вы! Повторяю: англичане ничего не узнают, все делается тонко. Кого он разрабатывал?

— Я об этом подробно написал. Шифровальщицу.

— Извините, но я не успел еще прочитать... все свалилось так неожиданно... Интересно, а ваша резидентура разрабатывала меня? Надеюсь, на меня имеется досье? — Наивная улыбка, словно передо мною сидел не профессионал, а студент, открывающий азбучные истины. Нет, Хилсмен не так прост, как кажется, не размякай, Алекс, держи нос по ветру!

— Вы малообщительны, Рэй, и трудновербуемы... по нашим данным.

— И на этом спасибо. Но вы знаете, Алекс, наш директор — он, кстати сказать, передает вам приветы и приветствует ваш переход — считает, что вам не следует выходить из игры, вся группа должна остаться на плаву.

Идея Хилсмена не поразила меня: кому нужна шумиха в печати об очередном беглеце, если можно вести игру? Центр не сомневался, что американцы ухватятся именно за это и будут тянуть эту линию до предела, пока о ней не пронюхают политики, которым нужны дрова в костер военных ассигнований и шумный шпионский процесс.

— А если Центр начнет меня подозревать? Надеюсь, вам известна участь предателей? — засомневался я.

— Все зависит от нашего профессионализма! — успокоил Хилсмен.— Все останется, как есть, мы никого не тронем — ни Генри, ни эту шифровальщицу, никого! Во всяком случае, на первом этапе. Так что продолжайте работать, как будто ничего не случилось. Докладывать будете лично мне.

Хилсмен встал, подошел к кашпо с цветком и потянул носом — как ни странно, всасывающая сила его ноздрей не вырвала растение из горшка вместе с корнем.

— Как вы думаете, Алекс, если мы успешно продолжим игру, вы сможете вернуться на родину? — Хитрый вопрос задал волшебник Гудвин, рассчитывая на энтузиазм дурака.

— Это опасно. По-моему, вы недооцениваете риск, на который я иду. Кто знает, Рэй, не пьет ли с вами иногда кофе какой-нибудь мекленбургский агент, о котором я и не слыхивал? — Я уже завелся, и ничто не могло меня остановить.

— О вашем существовании знает очень узкий круг, я вам уже говорил. Утечка исключена, вам ничего не грозит!

— Оставьте, Рэй! С кем вы говорите? Разведка — такая же бюрократия, как и все остальные. С трепом и пересудами! Что это за узкий круг?! Вы и шеф в Лэнгли? А шифровальщик, пославший отсюда вашу телеграмму? А шифровальщик, принявший ее в Лэнгли?! Кто-то понес ее директору, кто-то не выдержан на язык... А какая орава здесь! — Я подогревал себя.

— Даже Сэм не знает вашего имени!

— Мне даже неудобно слушать это, Рэй! — Пусть представляет себе, что такое игра на канате и без сетки, пусть не думает, что если я кажусь спокойным, то так оно и есть на самом деле! — Неужели Сэму трудно узнать, кто я такой, если он захочет?! Мне кажется, нам не стоит играть друг с другом в прятки и делать вид, что все идет хорошо. Прежде всего нужно ввести настоящую конспирацию и свести круг знающих меня лиц до минимума! Неужели нужно, чтобы меня в лицо знал медик, берущий анализ мочи?! Или эта мадам с идиотскими вопросами? Давайте работать чисто. Я передал вам все! Если угодно, поставил на карту свою жизнь. Так берегите ее! Мне, как профессионалу, понятно, что вы мне не доверяете и не можете пока доверять, мне ясно, что вы должны проверять меня и сейчас, и потом! Но давайте это делать умно, не светите меня!

Мое возмущение было вполне искренним: что же это такое? Светить меня перед шофером и перед охранниками?! Хоть бы парик надели или приклеили бороду! Идиоты! Размагнитились в союзной Англии, перестали ловить мышей!

— Прежде всего хочу заверить вас, Алекс, что мы вам доверяем.— Хилсмен говорил торжественно, медленно и вежливо, ведь вежливость, как глаголил Учитель Учителя, лишь мелкая монета, которой черт оплачивает кровь убитых им жертв.— И я учту ваши пожелания о безопасности. Что касается допросов, то приношу извинения. Думается, что если бы я находился сейчас у вас на родине, то меня проверяли бы менее рафинированными способами...

Уел он меня больно, но спорить я не стал, проглотил, как должное, сам знавал умельцев-костоломов, встречал их в свое время в монастырской поликлинике — они шагали, выпятив свои 80-летние груди, увешанные регалиями, работа была — что говорить! — трудная, но способствовала долголетию.

Далее перешли к тайнам Монастыря. Американцы, по нашим данным, знали и о структуре, и о руководящих кадрах достаточно много. Тем не менее картину пришлось изрядно дорисовать, нашпиговать деталями, не щадя сил на ядовитые характеристики настоятелей. С особой сладостью в сердце я изливал свою желчь на Бритую Голову и Маню, беспощадно рисуя каменистые тропы, по которым они карабкались к власти; красок я тут не жалел, Маня рухнул бы с кресла, если бы услышал хоть десятую часть моей исповеди.

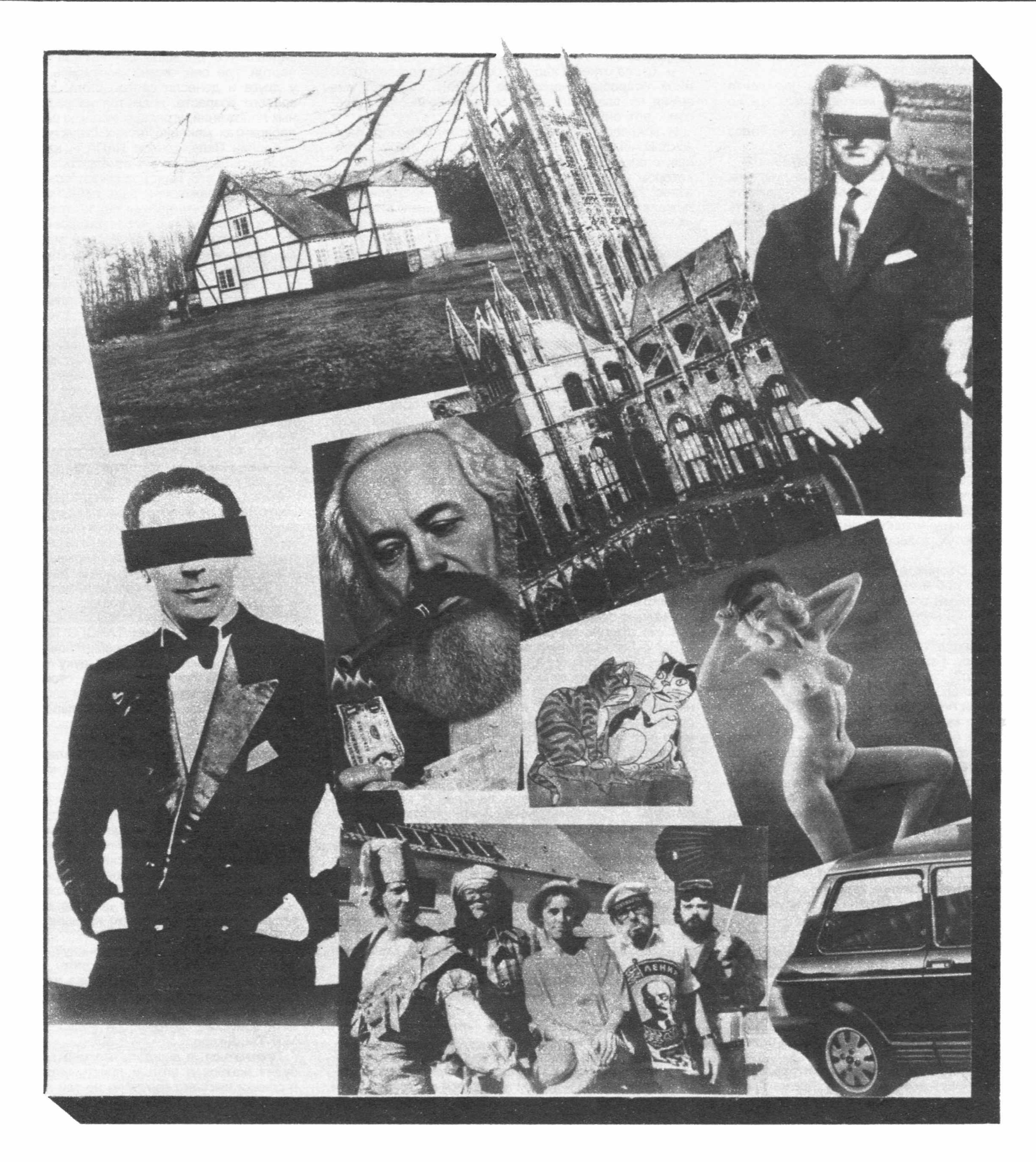
Хилсмен записывал на магнитофон мой рассказ и не подавал ни звука — если дело пойдет таким образом и он будет играть в молчанку, то так и не нащупает Алекс ниточки, тянущейся к Крысе, разобьет бедный Алекс голову с безукоризненным пробором прямо о каменную стену! Несчастная голова! Разве переживал такое сэр Уолтер Рэли, пират и лорд?! Кстати, его отрубленную голову заполучила любящая жена и хранила в спальне рядом со своей кроватью — о, Римма! О, Кэти! Милые мои! Умоляю, положите благородную голову благородного Алекса в пластиковый пакет, поставьте у своих ног, клянусь, что не буду гнить и вонять, не буду кататься по комнате и вращать глазами!

— У меня небольшая просьба. Очень важно укрепить мои позиции в глазах Центра. Мне нужна классная вербовка. Подумайте, Рэй, но это должен быть агент с секретными документами.— Я уже говорил с ним, как с коллегой.

— Я уже думал об этом. Не так просто найти секреты, которых не жалко. А «липу» ваши быстро раскусят, и тогда конец всему делу. Давайте, Алекс, начнем с малого, давайте для начала твердо стоять на земле. Развернем работу на существующем фундаменте, посмотрим на реакцию Центра и не будем пока расширять диапазон наших действий! Будем надеяться, что нас не погубят непредвиденные случайности.

Хилсмен похлопал меня мягкой рукой по спине, не скрывая своего отменного настроения,— видимо, допросом он остался доволен.

А насчет случайностей он совершенно прав: друзья наши, черт и случай, подстерегают нас на каждом шагу — до сих пор с ужасом вспоминаю, как в Париже столкнулся на улице с Васькой Кацнельсоном (мы с ним учились в пятом классе средней школы) в усах и с лотком сосисок. «Старик! — орал он.— Откуда ты, старик?» — и, оставив сосиски, бросился ко мне, а я, кажется, тогда Марти Куупонен, финляндский подданный, мчался от него в толпу, как будто украл в магазине булку, за что у них бедняков сажают в тюрьму, в то время как богачей, укравших железную дорогу, выбирают в сенат.

Через три дня, безумно устав от собеседований и писанины, я возвратился в свою квартиру у Хемстед Хита, в миле от уютного Хайгетского кладбища, где строго смотрит с постамента на прохожих, запрятавшись в необъятную каменную бороду, большая голова Учителя Учителя.

Кэти, оказавшаяся дома (у нее был уже свой ключ), встретила меня прохладно и безмолвно выслушала жалобы на трудности со сбытом радиотоваров, которые неразрешимы без знания всех нюансов рынка и конъюнктуры и, естественно, служебных командировок. Я нежно поцеловал ее в губы — они даже не шевельнулись: назревала трагедия, и ничего не оставалось, как налить себе стаканчик «гленливета» и окунуться с головою в прессу, а именно в спасительный раздел объявлений о продаже и сдаче в аренду недвижимого имущества.

— Двухэтажный коттедж в районе Илинга, кухня, две спальни, гостиная, столовая,— заливался я соловьем,— четырехкомнатная квартира на Кромвелл-роуд, вилла в Кэнтербери.— Цены кусались, фирма приносила крохи, конспирация не позволяла требовать больших дотаций из Центра и диктовала жизнь по средствам, не бесконечны же авуары, завещанные предусмотрительным папой-шекспироведом.

Я еще раз взглянул в прозрачные льдинки карих глаз, поцеловал Кэти и подумал, какой я все же законченный подлец и как испортила меня проклятая служба.

— Давай поженимся,— сказал я и замолчал, потому что вспомнил, как то же самое говорил Римме.

— Давай поженимся,— говорил я тогда.— Я буду добропорядочным мужем, буду вовремя приходить домой и всегда отдавать тебе всю зарплату. У нас будет много детей, и мы все вместе будем гулять по центральному бульвару, где копаются в песке малыши и пенсионеры забивают на скамейках «козла» в домино. В праздники к нам будут приходить родственники и друзья, все будут жаловаться на все, ругать начальство, жрать и пить. Дядя Теодор расскажет про осла, который написал хвостом картину, а тетя Полина сообщит, с каким трудом достала живых карпов. Все напьются, Виктор расскажет пару еврейских анекдотов, все будут умирать от смеха, снова выпьют, а Витя, когда мы останемся тет-а-тет на кухне, начнет меня уверять, что брак — это глупость, а после жаловаться на одиночество, плакать, целовать меня мокрыми губами и говорить, что я у него единственный друг. Потом все заснут где попало, дядя обмочит подштанники и тахту, которую мы будем оттирать целый месяц и заливать одеколоном, и будет очень весело, мы будем любить друг друга, и утром, как обычно, зазвонит будильник...

Римма тогда расплакалась и убежала от меня — пою тебя, бог любви Гименей, ты благословляешь невесту с женихом!

— Неужели тебе это так нужно? — начала оттаивать Кэти.— Разве нам плохо?

— Конечно, хорошо, но давай жить, как все нормальные люди. В конце концов я хочу ребенка!

Следующий день я целиком посвятил делам прогорающей радиофирмы и с помощью своего помощника, юного Джея, наметил план ее немедленного оздоровления — не только Центр, но и Хилсмен намекали на желательность крепкого прикрытия.

Покрутившись на фирме, я подрулил к дому и футах в ста от подъезда заметил машину («ровер» 24033), которая тут же тронулась с места, встала за мной и трижды мигнула фарами. Всмотревшись, я разглядел лицо Генри, который дал знак следовать за ним. Мы проехали пару миль, пока он не затормозил и не вышел из машины.

— Что случилось, Генри? Почему вы нарушаете правила конспирации? Разве можно приезжать ко мне домой?!

— Мне срочно нужно с вами поговорить! — Голос его дрожал.

— Разве у нас нет сигнала срочного вызова?

— Знаете что, Алекс...— Он хотел выругаться, но сдержался.— Я хорошо проверился, давайте пройдем в паб! — Предложение звучало так категорически, что мне оставалось только подчиниться.

В пабе мы устроились, как обычно, в темном углу, словно два жулика, только что обчистивших банк Ротшильда.

— Дело в том, что вчера ночью...

Генри очень волновался и никак не мог взять быка за рога.

— Не нервничайте, Генри, на нас обращают внимание...

— Ради Бога, не перебивайте меня, мне трудно говорить... Увы, я даже не знаю, каким образом он вошел... я лежал в кровати...

— Кто? Кто?! — Я сам уже начал заикаться и почувствовал, как в самом низу живота зашевелилась и поползла скользкая холодная рептилия, вроде зловредного скорпиона, который жил в саксауле в далекие дни эвакуации и ночами выползал на прогулки по моему спящему телу.— Кто? Кто?!

— Да не перебивайте меня, Алекс... кажется... кажется, мы пропали...— хрипел он клекотом, словно прирезанный петух, завершающий свою прощальную арию.

Он допил джин с тоником, похлопал глазами, отер платком сократов лоб и черчиллиевы скулы и уперв меня повлажневший взор.

— Я спал... лай Енисея[2]... грохот на лестнице... потом визг собаки... «Не вздумайте включать свет!» — ...он говорил тихо и твердо...

— Не торопитесь, Генри, я ничего не могу понять! Кто к вам пришел?

— Если бы я знал... если бы знал! — Он указал официанту на свой опорожненный бокал, и тот мгновенно притаранил ему новую порцию.

— Да возьмите себя в руки, наконец! — Я сжал зубы до хруста и состроил такую злую морду, будто собирался вцепиться ему мертвой хваткой в горло, если он не прекратит свои рассусоливания.— Рассказывайте спокойно и подробно, черт побери!

— Я даже лица его толком не разглядел... хотел зажечь свет, протянул руку к лампе, но он словно видел в темноте... тут же заорал: «Убрать!»

Генри выпил залпом, словно всю жизнь гужевался в мекленбургских закусочных, погремел стаканом с льдинками и тяжело вздохнул. От всей этой бестолковой карусели у меня уже кружилась голова.

— Как его звали, Генри?

— Он назвался Рамоном, хотя я уверен, что это вранье. Но в нем было что-то от латиноса... испанский акцент.

— Чего он от вас хотел, Генри?

— Он вербовал меня!

— То есть как? Ничего не понимаю! — Наша беседа напоминала судороги двух сумасшедших в пляске святого Витта.

— Он начал с того, что знает о моей работе на вас, знает даже предвоенный период... даже Грету Берг по кличке «Ильза», которая вывела меня на Базиля...

— Кто такой Базиль, черт побери?!

— Ваш коллега, который вербовал меня!

— О Боже, это было так давно...

— Он даже знает, что мы с Базилем любили забегать в венский ресторан, где играл старый скрипач... он описал этого старика, будто вместе с нами слушал его игру! Он знает, что Базиль курил только сигары «Вильгельм второй»! Он рассказал такие детали... даже о вербовке Жаклин! Он знает обо мне все!

Физиономия гордости службы покраснела от возбуждения, и на скулах выступили капельки пота.

— И все это происходило в кромешной тьме? — Я на миг представил себе голого Генри, дрожащего под одеялом, и сурового незнакомца, явившегося по его душу, как Командор за дон Гуаном, и мне вдруг стало до неприличия весело.

— Я хотел увидеть его... изловчился, зажег ночник... брюнет в маске, больше я ничего не разглядел... может быть, шатен... на нем был плащ... помоему, типа «кристианет». Маска! Вы поняли? Он не хотел, чтобы я его видел... Он заорал...

— Он не упоминал моего имени? Намекал, что знает обо мне?

— Нет, нет, Алекс, ни слова о вас!

— И какое же конкретно сотрудничество он вам предлагал?

— Он не открыл карты... он обещал поговорить со мной подробнее через две недели... он дал мне время на размышление... оставил конверт с адресом... вот он!

И всклокоченный Генри (насколько может быть всклокоченным существо с сократовым лбом, а точнее, с огромной лысиной) протянул мне конверт, на котором было напечатано на машинке: «Рамон Гонзалес, Либерти-стрит, 44, Каир, 11055». В конверте лежала тоненькая реклама процветающего концерна «Юникорн».

— Что же это за человек, Алекс? Откуда ему все известно? Значит, у вас сидит предатель, знающий мое дело? Вы понимаете, что произошло?

— Не волнуйтесь, Генри, ради Бога, не волнуйтесь... это какое-то недоразумение...— попер я глупость (ничего себе недоразуменьице!), напрягая все свои шарики.

— Недоразумение?! — вскричал он так громко, что бармен повернул голову в нашу сторону.

— Я все выясню... немедленно свяжусь с Центром... все будет о'кей! — Я нес всю эту муру, лишь бы его успокоить, даже ободряюще похлопал его по руке и заглянул ласково в глаза. Мои мозги между тем крутились, как рулетка, прикидывая все имиджи и ипостаси героя ночной драмы.

Первая банальнейшая догадка сразу ударила наповал: провокация! Американцы решили проверить и «Эрика», и меня и устроили эдакое фантасмагорическое представление в надежде, что «Эрик» расколется, покается, вывалит все и обо мне, и о Жаклин — короче, типичная проверка, по глупости и топорности вполне отвечающая стилю работы великого Гудвина. Другая версия тоже не радовала: перепуганная Жаклин настучала на «Эрика» офицеру безопасности своего посольства, и бельгийцы (возможно, с помощью союзников по НАТО) взяли беднягу в оборот. Но откуда они добыли такие детали?

Вдруг Генри потянул носом, снова заклокотал горлом, и мешки под его глазами раздулись в бурдюки.

— Он убил Енисея... вколол ему яд! А мне сказал, что это снотворное, не хотел волновать...— Мешки начали опорожняться, и крупные алмазоподобные слезы важно поплыли вниз, затекая к ноздрям.— Он убил пса! Он убил моего любимого пса, Алекс! Вы не представляете, как я его любил!

— Давайте договоримся так: мы консервируем наши отношения. Работу с Жаклин вы прекращаете и ждете от меня сигнала вызова. Я немедленно свяжусь с Центром! Никакой инициативы! Лежите тихо, как труп!

Он вяло кивал головой, купаясь в своих водопадах, бармен уже не отрывал от него глаз, я допил свой стаканчик и выполз из этого тошнотворного реквиема на воздух.

Рано утром я позвонил Хилсмену.

— Некоторые новости, Рэй! Не хотел беспокоить вас ночью. Встретимся в «Гровноре»?

— Надеюсь, что ничего серьезного? — Голос его звучал обеспокоенно.

— Что может быть серьезнее смерти?

— Кто-нибудь погиб? — Его губило полное отсутствие юмора.

— Не нервничайте, главное, что мы с вами живы! Так в «Гровноре»?

— Вы хорошо знаете Уайтчейпл?

— Мерзкий район. Неужели мне придется тащиться в такую даль? — Район находился восточнее Сити и в свое время вдохновлял писателей на романы о несчастных бедняках, живущих в лачугах и развалинах.

— Извините, но я целый день буду в тех краях... подъезжайте к уайтчейпелской ратуше!

Ровно в пять я вырулил прямо на стоянку муниципалитета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о превратностях любви на дачах за зеленым забором, о Папе — Мохнатой Руке, о Витеньке — Совести Эпохи, о пустых бутылках и прочих нехороших вещах, которые оттеняют несравненные достоинства героя, идущего на боевое задание у берегов Женевского озера

«Увидев проходившую мимо Королеву, он крикнул:
— Душенька, вели убрать эту Крысу!
У Королевы на все был один ответ.
— Отрубите ей голову! — крикнула она, не глядя.
— Я сам приведу палача! — сказал радостно король и убежал».
Парафраза из Л. Кэрролла

Самое главное, что именно я нашел ему Клаву — Большую Землю — Ястребиное Око, тогда пухлявую юную блондинку, выпускницу престижного вуза, успевшую пройти через неудачный брак и теперь озабоченную поиском прочной и надежной пристани, нашел ему подругу на всю жизнь с помощью Риммы, сидевшей с Большой Землей[3] за одной школьной партой, где они честно шептались, списывали друг у друга и донесли святой огонь дружбы до более зрелого возраста, несмотря на разницу общественных положений, игравших мощную роль в запутанных лабиринтах мекленбургских структур.

Клавин Папа, точнее ПАПА,— как ни тужься, не выразить на бумаге его весомость в тогдашней истории, когда его имя произносилось с почтительно-сладким выражением лица, дабы никто, не дай Бог, не мог прочитать на нем недостаток пиетета,— входил в свое время в число рыцарей круглого стола под председательством Усов и многому научился, вдыхая дымы его легендарной трубки и выдерживая пристальный взгляд желтоватых глаз.

Но ПАПА — это История, оставим его в покое, а кто объяснит, каким образом залетел на вершины простак в шевиотовом костюме с надставными плечами, выполнявший в нашем отделе вполне презренные рядовые функции? Во всем виноват его дружок Алик, вечно сеявший разумное, доброе, вечное и не ожидающий за свои подвиги никакой благодарности.

Николай Иванович готовил себя к браку серьезно, как учили Кадры, на всю жизнь и до гробовой доски, давно мечтал он об избраннице сердца, которая все выдержит и выдюжит, не предаст и не продаст, и в роковой час, когда начнут холодеть конечности, блаженно поцелует в желтый лоб и закроет остекленевшие очи.

И поскольку Челюсть сначала шутя, а потом уже настойчиво канючил и жаловался на свою неприкаянность, и просил по-дружески с кем-нибудь познакомить (дружили мы после работы и в рамках — не в монастырских традициях открывать души,— чаще всего прогуливаясь по книжным лавкам, что на Мосту Кузнецов, с заскоком в буфетик старомодного отеля, где торговали в розлив армянским портом), а Римма постоянно жужжала о некрасивой, но обаятельной подруге, дочке ТАКОГО ПАПЫ, жаждущей устроить свою жизнь, я порешил помочь обеим сторонам и бескорыстно протянул руку Челюсти.

Вот как случилось, что его стопа прикоснулась к заповедной земле за зеленым забором, где ПАПА бывал лишь проездом из государственной дачной резиденции, и оказалась на большом пиру по случаю Нового года.

Праздничными делами заправляла хлопотливая Старушка — Няня-Мне-Так-Душно, которую Большая Земля обожала с детства и часто просила открыть окно и поговорить о старине. Няня сидела на кухне и ощипывала кур, бросая пух и перья в медный таз.

По просторам дачи, ядовито посматривая на полные собрания сочинений и на бумажные репродукции в золоченых рамках (не исключено, что раньше в них находились писанные маслом портреты царственных особ, вырванные и навсегда пригвожденные к позорному столбу), бродил друг детства, юный медик Тертерян, слывший человеком излишне просвещенным, а потому опасным.

— Что нужно бедному армянину? — спрашивал он, загадочно улыбаясь.— Сто грамм водки и триста минут сна! — Но водку не пил и в постель не ложился, а циркулировал вокруг огромного круглого стола, одного из берлинских трофеев ПАПЫ, и прицеливался к закускам, которые на подносе вносила Няня-Мне-Так-Душно.

Признаться, я ожидал, что мой застенчивый друг будет жаться в угол и прясть ушами, упав прямо в сливки высшего света, но не той породы был конь наш ушлый, живо забил копытами под звуки твиста, сразу взял за рога Большую Землю и не выпускал ее из своих хватких ручищ до самого финала. Они танцевали, Тертерян высокомерно и презрительно бродил по комнатам, я любовался Риммой — в светлом платье, с распущенными рыжими волосами она казалась феей в этой сказочной избушке, окруженной корабельными соснами.

Мы вышли на узкие аллеи с сугробами по бокам, освещенные цветными китайскими фонариками,— там, раскинув пушистые ветви, высилась серебряная ель, словно только что выкопанная прямо со Святой площади у погребальницы Учителя, украшенная гирляндами и горящей красной звездой, прямо около нее сверкал вставленными углями пузатый Дед Мороз, вылепленный руками мужа Няни Тимофея, прошедшего вместе с ПАПОЙ всю его героическую жизнь.

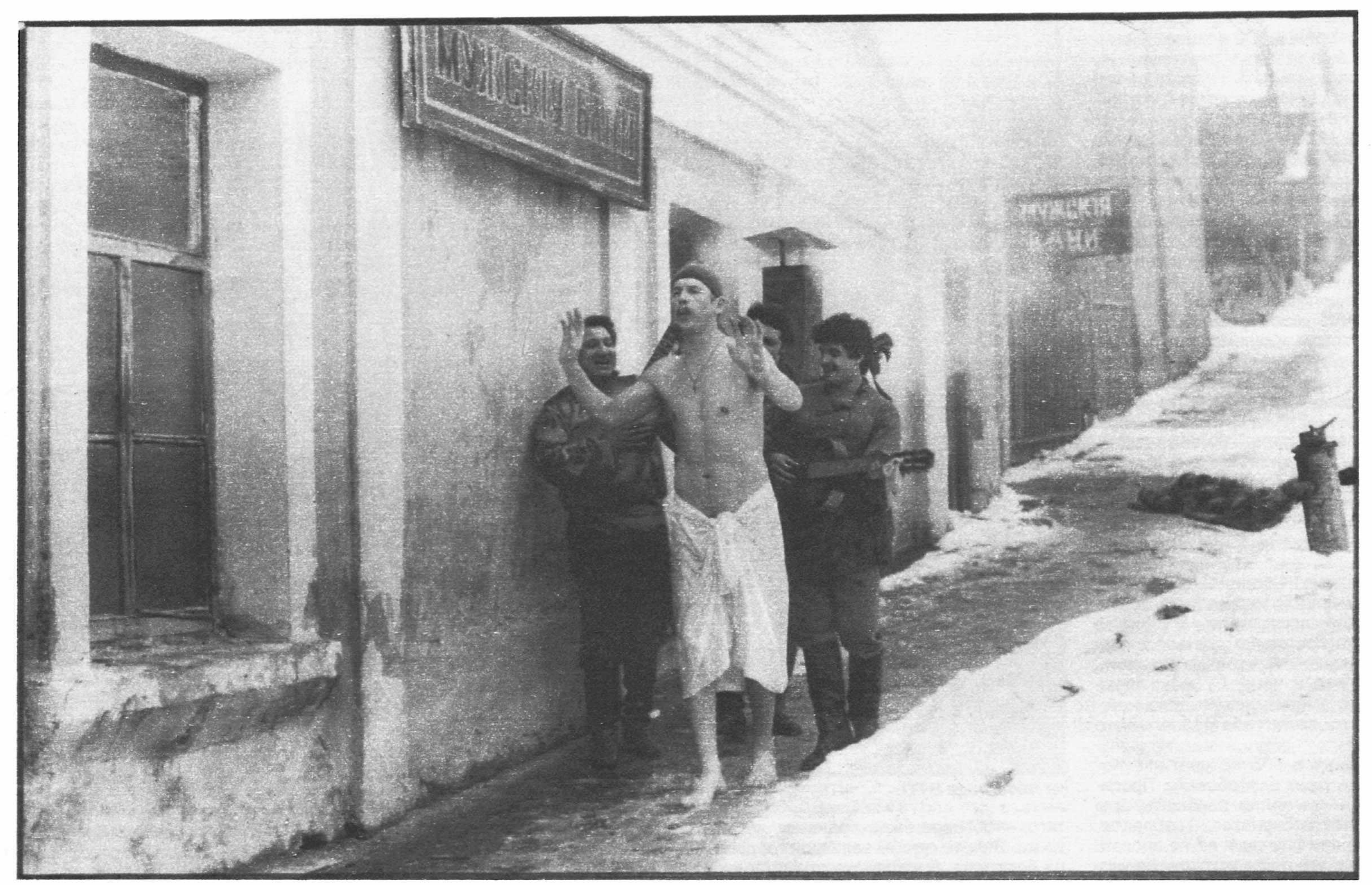
Сияла луна, я посадил Римму на спину и поскакал по аллеям, я скакал, пока не взмок, и мы радостно повалились в мягкий сугроб, обнялись и начали неистово целоваться.

---

[2] **Пес верного и надежного агента, названный так из любви к восточным землям Мекленбурга, на которые, к его счастью, он никогда не попадал.**

[3] **Эту кличку она получила уже позже, когда ее ястребиные очи потухли, а тело обрело пышные формы.**

Продолжение следует.

Пятый дубль.

Фото И. ГНЕВАШЕВА

ПОЗИЦИЯ

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК ИЗ ФЕРГАНЫ

С Александром АБДУЛОВЫМ беседует Анастасия НИТОЧКИНА

Странный он все-таки человек, этот Саша Абдулов. И деньги у него есть. И слава. И популярность стабильна. И даже не пришлось ему влезать в шкуру комсомольского вожака, в то время как многие именно на этом сделали себе имя. Что же сегодня-то ему неймется? Играл бы в театре, снимался бы в кино, песенки на телевидении записывал. А он зачем-то организовал модные нынче «Задворки», затеял возрождение церкви в Путинках, создал театрально-концертное объединение «Ленком». Новую роль себе придумал? Менеджером, бизнесменом захотел стать? А может, первым советским купцом? Да и этот разговор начал с ошарашивающей новости, что непременно хочет открыть кафе на Красной площади, как на всех центральных площадях всех цивилизованных стран мира...

— Такое впечатление, что сегодня все занимаются не своим делом, и ты в том числе. Поэты издают чужие стихи, писатели делают большую политику, выступая со всевозможных трибун. Актеры занимаются бизнесом, а некоторые даже подумывают об открытии собственных кафе...

— Последние семьдесят лет очень многие в этой стране занимались не своим делом. А вообще-то я убежден, что в наших условиях это единственный способ найти себя и занять свое место в общественной иерархии.

— Но ведь артист должен сниматься, играть в театре...

— Да кто тебе внушил, что, например, благотворительность не мое дело?! Мое! И, уверяю, заниматься этим гораздо труднее, чем любую роль сыграть.

— Ты уверен, что благотворительность в стране нищих и голодных может принести какие-то ощутимые результаты?

— Не думаю, что она сулит хоть какое-то обеспечение беженцам или людям, живущим за чертой бедности. Вряд ли даже тысячи благотворительных концертов могут помочь пострадавшим от чернобыльской аварии. Почти убежден, что не станет лучше жизнь сирот... Наша задача — заставить людей снова поверить в благое дело.

— Ты что, не знаешь, в какой стране мы живем? Сколько ни соберешь — все проваливается, словно в черную дыру. Разве можно верить в Благое Дело, если результатов нет?

— Я прекрасно все это осознаю, но я хитрый. Кому попало денег не отдаю.

Я привык к снисходительным оценкам наших «Задворок» — «сборище элиты», «шоу для богемы»... Но я не обижаюсь, не бью себя кулаком в грудь, не оправдываюсь. Потому что мы делаем конкретное дело — компьютеры для определенного детского дома или возрождение старейшей церкви в Путинках, разрушенной, разграбленной, на долгие годы заколоченной. Такой и должна быть благотворительность. Конкретной! Я лично вижу результаты своей деятельности.

— И все же упреки в элитарности и богемности, видимо, небеспочвенны...

— Я уверен, что должны быть и дорогие мероприятия. Нет у тебя денег — смотри с крыши соседнего дома. Или вообще не смотри. На Каннский фестиваль тоже не бесплатно пускают и далеко не всех. Надо создавать престижные шоу, а значит — красивые. Я верю, что когда-нибудь на «Задворках» будут собираться женщины в вечерних туалетах, мужчины в смокингах... Мы отвыкли от красоты. Нам кажется, если мужик в смокинге — значит, официант.

Кроме того, это ведь не просто коммерческий концерт, но и праздник. Для друзей, близких. Для тех, кого я люблю. Для театра, в котором работаю. А почему я должен думать обо всех глобально?! Обо всех Ленин думал — вот мы и хлебаем столько лет...

— Я помню, как готовились первые «Задворки». Это действительно был праздник для своих, для работников театра. С каким сумасшедшим энтузиазмом все пилили, строгали, строили, убирали! Каждый пытался приобщиться к этому празднику, сделать что-то полезное. Это было совсем не коммерческое мероприятие, ставшее не просто закрытием сезона в театре, а действительно культурным событием. Разве может сохраниться атмосфера праздника, если сегодня все выродилось в способ выкачивания денег?

— Прости, но у тебя психология человека, воспитанного Советской властью... И изуродованного ею. На Руси всегда были богатые купцы, для которых вложить деньги в культуру — не просто престижно. Это был вопрос долга. Чести, если хочешь. Так вот, я за возрождение такой чести. А не той, что долгие годы проповедовала коммунистическая партия со своей коммунистической моралью... Я же не обком собираюсь строить, а церковь возрождать — есть разница?

— Марк Захаров не раз тебя за «деловизм» хвалил. Может, это просто необходимое условие для утверждения себя в театре?

— Всегда таким был.

— Ты по характеру лидер?

— Я стремлюсь им быть. Но осознал это, лишь приехав из Ферганы покорять Москву. У меня за спиной никого не было. А завоевать свое место под солнцем можно, лишь будучи лидером. Иначе тебя подавят другие.

Я жил в общежитии. Мама присылала мне двадцать рублей, стипендии я ни-

когда не получал — не мог сдать экзамены по истории КПСС (сейчас оказалось, что я был не таким уж тупым). На что я мог рассчитывать? Уехать обратно в Фергану? Уже был к этому готов... Сегодня и не представляю, что бы со мной стало. Может, стал бы народным артистом Узбекской ССР, а может, спился бы где-нибудь под дувалом... Пригласили на роль в Ленкоме. И понеслось... Пришлось доказывать, что взяли не зря.

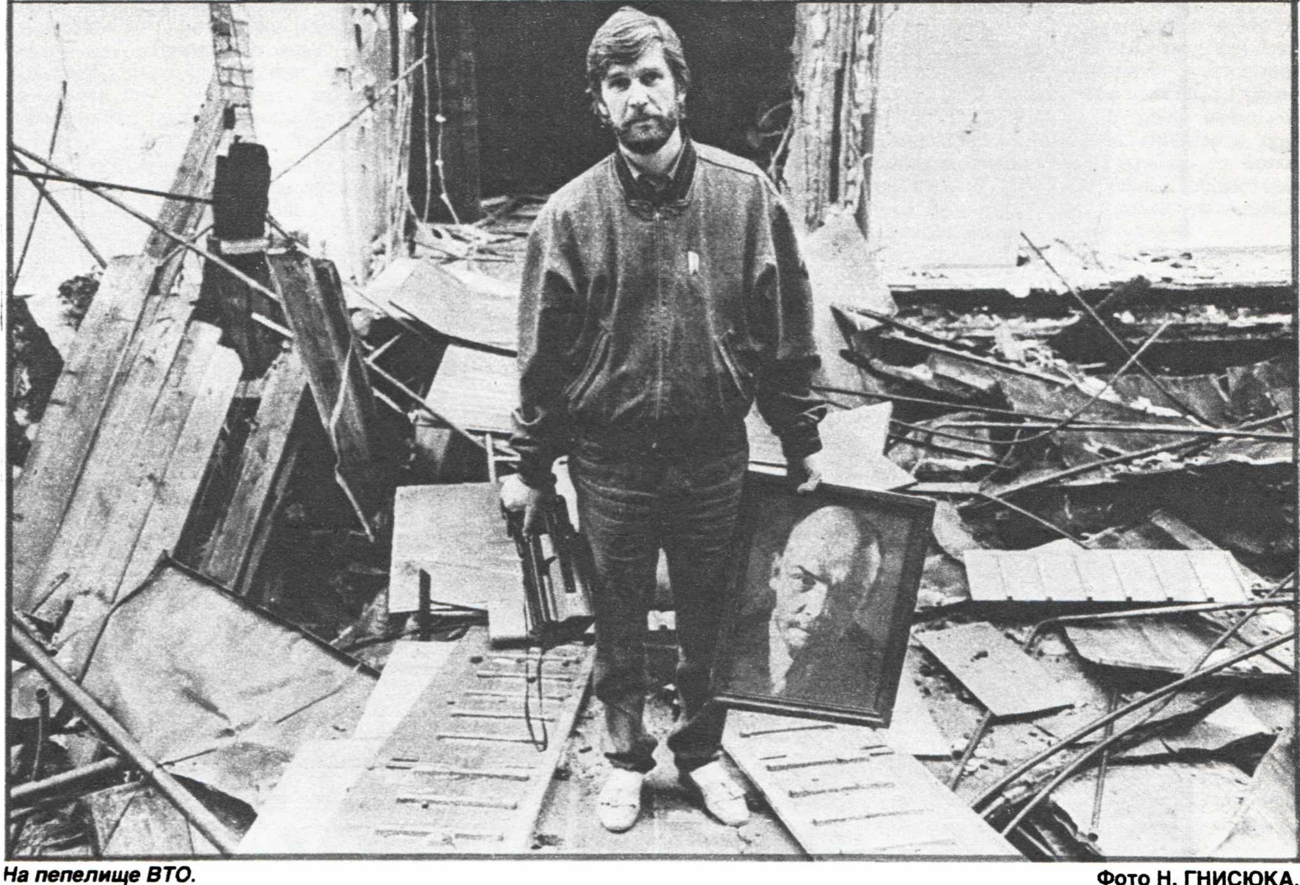
Во мне была масса провинциальных комплексов — ненависть к москвичам, к «золотой молодежи». Я считал себя гениальным и незаслуженно обойденным вниманием кинематографистов. Но, сжав зубы, как последний пацан, бегал на «Мосфильм», снимался в массовках, в атаки ходил... У Митты в картине снялся. «Москва — любовь моя». Мне казалось, роль замечательная, предел мечтаний — мимо меня Курихара проходила... Потом долговязого мальчика заметили. Предложили эпизод. Другой...

— Значит, трудно было завоевать Москву?

— Немыслимо. Средняя Азия — это совершенно другой мир, другая психология, другое воспитание. В Москве я продолжал постоянно драться, попадал в милицию... Я столько начудил, пока понял что к чему... У меня даже был роман с американской шпионкой.

— Она что, сама тебе сказала, что шпионка?

— Нет. Меня в КГБ просветили. Когда пытались меня завербовать. Просили отчетов — умоляли сообщать, кто и когда у нее собирается. Требовали, чтобы ни в коем случае я ее не бросал.

На пепелище ВТО.

Фото Н. ГНИСЮКА.

— Как же удалось устоять бедному мальчику из Ферганы?

— Сначала они показались мне ангелами добрее отца родного. Но я почему-то испугался, понял, что согласиться очень легко, но это конец. Я даже не мог объяснить почему. Почувствовал, и все тут... Они в театр стали звонить. Угрожали. Пугали. Впрочем, до сих пор не уверен, что она была шпионкой. Уезжала — плакала...

— Честь сохранил?.. В сети КГБ не попал. А кто-нибудь вообще может оказать на тебя влияние?

— Я сам хочу на что-то влиять и что-то менять. Насколько это возможно... Я хочу видеть красивые дома, красивую одежду. Красивые лица вокруг. И счастливые... В нашей стране тебе ничего не грозит, только если ты бедный и убогий. Всех раздражают красота, длинные ноги, выразительные глаза... Подойди к западной женщине и скажи: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» Она ответит: «Спасибо». Наши женщины начинают стесняться: «Ах, перестаньте. Я только что с работы и голова немытая». Или хамят: «А сам-то! Мужчина, на себя посмотри!» Разве это психология нормального человека? Я устал от серости. Я не могу видеть чернуху на экране, потому что каждый день сталкиваюсь с ней в жизни. Надоело думать о том, как мы все ПЛОХО живем. Давайте наконец думать о том, как все будет ХОРОШО. И делать что-то для этого.

Я организовал объединение «Ленком» не от нечего делать, а потому, что, кроме меня, никто за это не взялся. Точно зная, как должно быть все устроено, я долго ждал, когда этим займутся те, кому положено. Но ничего не менялось. В конце концов я понял, что нельзя рассчитывать на хороших дядей и теть, которые улучшат нашу жизнь: поднимут артистам зарплату и вообще дадут возможность зарабатывать. Больше десяти лет я сам получал 120 рублей и знаю, что это такое. Имея сегодня возможность зарабатывать много, я обязан думать о тех людях, которые работают со мной рядом, но пока лишены такой возможности. Теперь, когда все «звезды» Ленкома, начиная с Марка Захарова, играют концерты, четверть вырученных денег идет на зарплату артистов театра, которые пока «звездами» не являются. Я против того, чтобы все были бедными, но гордыми. Я за то, чтобы все были гордыми, но богатыми. В нашей же стране умеют только отнимать и делить. Других действий не знают. А нам очередные палки в колеса — налоги...

Поначалу я с бешеным азартом смотрел трансляцию последних съездов, как безумный рвался к телевизору, где бы ни находился, надеялся на что-то. А однажды утром услышал, как дикторша рассказывала краткое содержание предыдущего дня работы съезда,— и ошалел, замер... и мне стало тошно. Я вдруг понял, что это не жизнь, а кино, эдакое бесконечное, многосерийное шоу. Свора сытых, свистящих о всеобщем благе... Чисто по-человечески, я их очень хорошо понимаю: они борются за свое светлое будущее.

— Ты тоже борешься за свое светлое будущее...

— Я это делаю не за счет других. Аморально бороться за себя, шаря в кармане соседа.

— Ты думаешь, они сознают, что их рука в чужом кармане?

— Конечно. Я же бывал в этих комсомольских банях, когда секретари гуляют. Все они прекрасно все про себя понимают.

— Разве ты был комсомольским секретарем?

— Я пионером не был. Учительница в школе спросила: «Дети! Кто считает, что недостоин высокого звания пионера?» Нашелся один дегенерат. Я встал и сказал: «Недостоин. Двойки получаю и вообще». В комсомол же я попал по стечению обстоятельств. В Ферганском драматическом театре было только два комсомольца, а нужно было создать комсомольскую ячейку, и срочно требовался третий. Меня силой втащили. Так что истинным комсомольцем я себя никогда не считал, но перед комсомольскими секретарями изредка выступал. Но это совсем неинтересно...

— В бане выступал? ...Кстати, фильм «ЧП районного масштаба» правдиво изображает эту жизнь?

— В жизни все страшнее. Я наблюдал такие чудовищные переходы людей из одного состояния в другое! Представь, сидят интеллигентные люди, говорят умные, правильные вещи — срабатывает сдерживающий фактор: присутствие постороннего человека, то есть меня, артиста. Выпивают стакан. Еще стакан. Сдерживающие факторы перестают срабатывать — ты уже становишься своим. «Неужели у тебя нет премии Ленинского комсомола? Ну, старик, ты даешь! Петя,— обращается старший комсомолец к младшему,— завтра же организуй Абдулову премию...» Еще стакан. И понеслось. И уже девочки. И все остальное, что показано и в картине. А наутро эти люди тебя даже не узнают.

— Бешеный напор, с которым ты пробиваешь каждую свою идею,— это компенсация профессиональной нереализованности?

— Не мне судить. Конечно, у меня очень много несыгранных ролей. Но не думаю, что я такой уж нереализованный. Не могу гневить Бога. Моя судьба в театре сложилась удачно. Да и в кино из 60 картин есть 5—7, за которые я отвечаю... Но в нашей стране творчество не может дать ощущения свободы. Я обязан создать вокруг себя и окружающих меня людей свободную экономическую зону.

— Создав эту самую экономическую зону, ты смог бы остановиться и заниматься только профессией?

— Нет, теперь мне уже было бы скучно. Нужно все время осваивать что-то новое. Когда-то я занимался реставрацией икон.

Сейчас я начал рисовать. Увлекся этим после того, как побывал в гостях у Параджанова: совершенно обалдел от его рисунков и коллажей... Жизнь такая короткая, нужно успеть как можно больше.

— Несколько лет назад я пыталась взять у тебя интервью. И ничего не получилось. Я задала всего один вопрос, после которого ты отказался со мной беседовать. Я спросила: «Не кажется ли вам, Александр Гаврилович, что вы снимаетесь слишком много, не очень разбирая, что хорошо, а что плохо? Пройдет несколько лет, и никто вас просто не пригласит?»

— Я уверен сегодня (даже больше, чем тогда), что был совершенно прав, снимаясь очень много, к сожалению, не всегда удачно. По твоей логике, я должен был сидеть дома сложа руки и ждать, когда меня пригласят Михалков, Рязанов или Данелия? А если бы не пригласили? Кем бы я был сегодня?

— Талантливых артистов рано или поздно всегда замечают...

— Ну уж! Я могу назвать тебе фамилии сотен артистов, очень талантливых, которые так и остались невостребованными. Кинорежиссеры в театры не ходят, ассистенты тем более... Можно, конечно, уповать на его величество Случай. Но его никогда не будет в твоей жизни, если ты не борешься за него. Я люблю работать, мне нравится играть. Я обожаю экспедиции и гастроли. Почему я должен был лишить себя всего этого?

— Неужели тебе не важен конечный результат?

— Мне важен процесс. Я не видел больше половины своих фильмов. Для меня важна незаканчиваемость самого процесса. Снялся в фильме, надо сразу сниматься в следующем. Иначе возникает ощущение чудовищной пустоты...

— Все же мне кажется, что отношение к тебе изменилось после того, как ты занялся бизнесом. В тебе вдруг увидели серьезного человека.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Раньше, дескать, во мне видели звездного мальчика, победно шагающего из картины в картину и не очень-то разбирающего дорогу... Но это суждения людей, не знающих моих театральных работ. Я очень благодарен Захарову за то, что ему удалось «сломать» меня. Я счастлив, что сегодня у меня нет амплуа. Захаров предложил мне роль Сиплого в «Оптимистической трагедии», когда казалось, что я навечно останусь романтическим героем из «Обыкновенного чуда». А Верховенский в «Диктатуре совести»? Это роли, о которых в кино и мечтать не приходится. И тем не менее, я думаю, что количество сыгранных мною киноролей постепенно перешло в качество. Меня заметили хорошие режиссеры. Это лишний раз доказывает, что нельзя сидеть сложа руки и ждать.

— Актер — зависимая профессия. А ты пытаешься меня убедить, что не приходилось идти на компромиссы, на сделку с совестью, делать что-то вопреки своему желанию? Покайся, сними грех с души...

— Мне в жизни всегда очень везло. Однажды я должен был принимать участие в концерте, посвященном сорокалетию Победы. Подготовили номер: я читаю стихи протеста, Долина поет песню протеста, а артисты из ансамбля Моисеева пляшут танец протеста вокруг нас. Шла репетиция. Пришел Демичев. Артисты сидят в первых рядах

большого темного зала, мандражируют. Он — на самой верхотуре, молча наблюдает. Вдруг голос: «А почему нет Лещенко и Кобзона?» Моисеев (постановщик действа) не смог ответить. Тогда было велено, чтобы они вместо нас с Долиной исполняли песню «Ядерному взрыву — нет!». Перед нами извинились, и мы пошли к выходу. Когда проходили мимо Олега Борисова, который ждал своей очереди, он прошипел: «О, счастливцы».

Потом я отказался читать стихи В. Фирсова на концерте для делегатов XXVII съезда партии.

— Ты не производишь впечатление человека, которому могут это предложить.

— В Идеологическом отделе ЦК партии другое мнение. Стихи принесли в театр, директору. Они назывались «Мы державно идем в коммунизм». Я не знал, что делать. Мы тогда репетировали «Диктатуру совести», и в зале сидел Михаил Шатров. Он мне и насоветовал отказаться. Я позвонил, долго извинялся, ссылался на слабоумие. А потом, черт меня дернул, спросил, читали ли они сами эти стихи. Мне вежливо сказали, что нет, не читали. Я взял и брякнул: «Почитайте. Это за гранью добра и зла». Мне так же вежливо ответили, что обязательно последуют моему совету. Через полчаса из кабинета выскочил перепуганный директор с криком: «Ты никогда не получишь звание заслуженного!» Оказывается, ему позвонили и сказали: «Мы долго решали, кому поручить столь ответственное дело — Лановому или Абдулову. Предпочли Абдулова. Так вот, передайте ему, что нам тоже нравится не все, что он делает. И еще ему передайте, что стихи, одобренные Идеологическим отделом ЦК КПСС, не могут быть за гранью добра и зла». И повесили трубку. Театр лихорадило, думали, что за этим последует приказ уволить меня и т. д. Мне удавалось избегать того, в чем многие сегодня каются. Разве это не везение?

— Тоже мне везение — не принял участие в концерте для партийных функционеров...

— Помню еще один случай. Мне нужно было срочно лететь в Ленинград. Погода нелетная, все рейсы отменяют. Я, как всегда, пошел в «Интурист», потому что там девочки меня любят и всегда помогают. Обещали отправить первым же рейсом. Когда объявили посадку, я прошел в самолет. Вдруг появляется стюардесса и сообщает мне, что другой самолет вылетит на пятнадцать минут раньше. Я пересел. Тот самолет, в котором я уже сидел, разбился...

А однажды, я вышел из театра и встретился взглядом с девушкой, которая стояла на улице и явно меня ждала. Но не очень-то она была похожа на простую поклонницу. И руку как-то странно за спиной держала. Интуитивно я шарахнулся за собственную машину. На долю секунды опередил ее движение: она достала стакан соляной кислоты и плеснула его в то место, где я стоял, с криком: «Не доставайся никому!» Маньячка.

Так что не могу сказать, что мне не везет. Я и вены себе вскрывал от несчастной любви. И ничего — живу вот.

— Ну что ж! Убедил. Действительно везунчик. В быту... А в творчестве?

— У меня сегодня много друзей среди хороших режиссеров.

— Блат?

— Гарантия интересной работы. Я верю, что Горин не напишет для меня плохого сценария. Захаров, Балаян или Соловьев не предложат скучной роли. А Лебешев просто не сможет меня плохо снять. Не сумеет...

— Слушая твой рассказ, я начинаю тебя жалеть. Скучно ведь жить, если во всем везет! Когда у человека ничего не болит — он мертв...

— Не могу сказать, что в моей жизни все так уж безоблачно. Начиная с седьмого класса, я работал на уборке хлопка. Но, правда, и это был для меня отчасти праздник: берешь раскладушки, матрасы и — вон из дома, из-под родительской опеки. Свобода! Самостоятельность! Вечерами девочки, костры, прогулки под луной... А утром снова становишься буквой «Г», и сколько видишь до горизонта — все хлопок. Мне труднее всех было — я самый длинный... Да и норма — 50 кг в день. Выполнить ее нельзя ни при каких условиях. Мы и водой хлопок заливали. И землей засыпали. И камни в корзины подкладывали... Нас вызывали в школу, прорабатывали на педсоветах, грозились выгнать. А мы жили в казармах, в чудовищных, антисанитарных условиях, с одним сортиром на всех. Вместо жратвы — какая-то баланда. Но сложности нас не смущали. Мы ничего не знали про пестициды. Ну, пролетит вертолет — посыплет поле чем-то. Ну, листики пожухнут... Сегодня я с ужасом об этом вспоминаю. С тем большим ужасом, что ничего не меняется...

А в институте все считали, что я очень богатый, и многих это раздражало. Дело в том, что я обедал в ресторане. Просто мы с приятелями подсчитали, что за полтора рубля можно съесть шурпу, плов и выпить бутылку минеральной воды. Получалось и вкуснее, и дешевле, чем в любой столовке. А по ночам вагоны разгружали. И вообще, у меня в жизни сложностей было ничуть не меньше, чем у всех нормальных людей. Но не должны зрители об этом знать. Мы должны нести в себе тайну и поддерживать миф о своей прекрасной жизни. Если на экране видно, что актеру безумно тяжело живется, невероятно сложно работается — пропадает интерес к нему.

— Популярность дает ощущение раскованности, внутренней свободы, независимости? И с разными начальниками разговаривать, наверное, легче. Я уж не говорю о ситуациях, когда нужно что-то достать, купить или хотя бы машину починить...

— О чем ты говоришь? Разве можно быть свободным в несвободной стране? Я тебя уверяю, что наша зависимость от обстоятельств становится с каждым днем все больше. Если меня останавливает гаишник, так вместо штрафа он просит сто долларов. Килограмм помидоров на рынке мне предлагают за доллар, а цветок за 50 центов... Откуда у меня валюта? Чем вообще все это может закончиться? Я уж не говорю о том, что наша страна — единственная в мире, где платят не за работу, а за рассказ о ней. За спектакль «Юнона и Авось» я получаю около двадцати рублей. А за рассказ об этом спектакле на концерте — в десять раз больше... А после введения налога у меня вообще отпало желание играть концерты. Это то же самое, что слесаря заставить точить гайки бесплатно...

— Тебя же никто в театре не лишает зарплаты. А приносить людям радость можно и бесплатно.

— Ну ты даешь! Что за бред! Радость можно приносить, только если сам рад. Какая радость, если ты с голой ж..., прости, стоишь?

— Не тебе о бедности говорить. У тебя куска хлеба не отнимают.

— Господи! Да кому он нужен, такой хлеб? Надоело мне слышать, что для счастья достаточно хлеба с водой. Недостаточно! Хлеб должен быть с маслом и с колбасой хорошей. С икрой, наконец. Сколько можно бедностью гордиться? Я готов работать 24 часа в сутки. Я в отпуске после института ни разу не был. Никого же это не интересует!

И не надо меня упрекать — я прекрасно знаю, что такое актерские биржи труда. Меня еще отец водил. Я на всю жизнь это зрелище запомнил! Но нельзя сидеть сложа руки и жалеть живущих хуже тебя. Я мечтаю организовать акционерное общество — богатое-богатое. Я хочу иметь возможность заплатить 100 тысяч рублей, например, Анатолию Васильеву за то, чтобы он поставил спектакли в Перми, Горьком и Туле.

Я написал сценарий и хочу попробовать себя в режиссуре. Я в лепешку расшибусь, но достану денег, найду спонсоров, приглашу сниматься лучших артистов и заплачу им по миллиону! Нужно создать прецедент...

— Тебя не смущает, что фильмы, приносящие доход (а это должен быть именно такой фильм), как правило, низкого художественного уровня? А говоря о Васильеве, ты ратуешь за «насаждение культуры в провинции»? Разве одно другому не противоречит?

— Мы должны пройти через все. Не может страна враз стать культурной. Мы захотели из каменного века сразу шагнуть в цивилизацию. И в результате, находимся на уровне Америки 40-х годов — сухой закон, мафия, рост преступности, наркоманы, проститутки, рэкет... Мы должны эту стадию пройти. Пусть будет и плохое кино — оно само отомрет за ненадобностью через энное количество лет. Другое дело, что должны быть еще и режиссерские лаборатории, в которых проводят свои эксперименты элитарные режиссеры. Они должны быть на содержании государства. Остальные должны зарабатывать сами.

— Но и эти элитарные тогда должны получать по миллиону. Иначе просто никто не будет экспериментировать.

— Конечно. Но об этом государство должно думать.

— Уже несколько раз ты сказал, что у меня совдеповская психология. А ты что — западный человек?

— Я и в нашей стране хочу жить не по-советски. Мечтаю купить дом в центре Москвы с собственным садиком. Если мне кто-нибудь поможет, я буду очень признателен. Уж я бы такую красотищу создал, что все окружающие осознали, что живут на помойке, и стали бы что-то делать. Может, проснулось бы тогда в людях чувство Хозяина: если рядом красиво, хочется же, чтобы у тебя было еще красивее.

Я уверен, что смог бы работать на Западе. Но мне постоянно чего-нибудь не хватало бы. Я ужасный патриот своей страны. Я люблю ее за то, что при всеобщем идиотизме и неразберихе можно сделать что угодно: ни с того ни с сего завод построить никому не нужный, от щедрости душевной БАМ создать... Или пройтись по всяким организациям, собрать 10 миллионов и снять кино. Разве где-нибудь еще такое возможно? Видимо, прав был Бердяев — необъятное пространство на нас сильно действует.

— Ты давно не был в Фергане? На родине?

— Родиной я считаю Тобольск — город, в котором родился. Фергана стала для меня пустой — умер отец, убили брата... Я знаю, что сфабриковали дело, пытаясь представить все таким образом, что якобы брат сам упал и разбился... Ко мне подбежала женщина со словами: «Саша, идите в морг, там дело фабрикуют...» Впрочем, это уже не имело значения. Мне следователь прокуратуры сразу сказал: «В Фергане никто никого искать не станет!» Убийцу до сих пор не нашли, хотя прошло десять лет.

Помню, как, учась в институте, приехал домой и увидел отца, сидящего у телевизора. Он плакал. Показывали вручение ордена Ленина Ирине Родниной. Я не мог понять, в чем дело, а отец сказал: «Я только сейчас понял, что я неправильно жил». Он воевал на Курской дуге, из концлагеря бежал весь простреленный. Потом работал главным режиссером Ферганского драматического театра. Был очень уважаемым в городе человеком. «Красная Звезда» у него была, а на орден Ленина не потянул, для этого, оказывается, надо было уметь «тройной тулуп» делать.

Я был в Фергане год назад. Летал на могилу к отцу. Купил на рынке море цветов, примчался на кладбище: думал, могила неухоженная (давно не был там). Обалдел: цветы лежат, конфетки какие-то... Старушки ко мне подошли: «Саша, думаете, мы забыли вашего отца?» Я был так за него горд!!! Это то, ради чего я всегда буду жить в театре... Потом у меня до самолета время было, приехал в ферганский театр, в котором отец работал. Когда-то он взял в театр маленького узбека — Жору. Тот так и рос при театре. Стал электриком. Я его встретил. Он меня еле узнал и рассказал историю: когда отца насильно отправили на пенсию, поздно ночью тот пришел в театр, поднялся на сцену, встал на колени и поцеловал ее... Потом быстро встал и вышел. Вскоре отец умер... Человек, хоть раз вдохнувший запах кулис, поймет, о чем я говорю...

— Как ты думаешь, может человек, очень популярный, повлиять на ход исторических процессов?

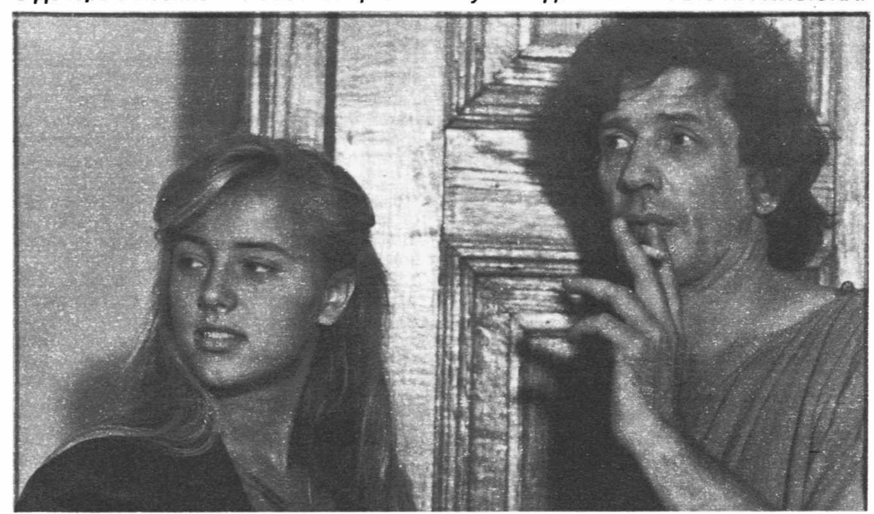
— Мы очень много говорили с Де Ниро на эту тему. Он убежден, что «Охотником на оленей» кинематографисты повлияли на отношение к войне во Вьетнаме. Поддержка кандидата на выборах знаменитыми артистами дает ему преимущество. Так что, думаю, влияние возможно...

— Во время ферганских событий у тебя не возникало желания поехать туда, как-то попытаться приостановить происходящее?

— В национальных конфликтах нет правых и виноватых. Да и многого мы попросту не знаем. Нельзя примирить ссорящихся мужа и жену. Какие бы благородные цели ты ни преследовал, твое вмешательство достигнет противоположного результата. Влезть еще не успеешь, а уже станешь злейшим врагом.

В Армению после землетрясения хотел поехать, помочь. В театре был очень занят, не получилось. Вообще возникает ощущение, что жизнь проходит мимо, и так страшно вдруг становится: чего-то не успел, что-то забыл, упустил, не обратил внимания. И это ускользнувшее, проскочившее мимо вдруг оказывается самым важным, главным. Тем, ради чего хочется жить...

С дочерью Ксенией на съемках фильма «Сукины дети». **Фото Н. ГНИСЮКА.**

НЕ РЫДАЙТЕ ОБО МНЕ...

Убит священник. Убит отец Александр. Газеты, радио, телевидение сообщили: трагически погиб.
Это неправда.
У свежей могилы неприлично спорить. Всего лишь из-за слов. Но задумаемся. «В начале было Слово». Словом началась Вселенная. Всю жизнь «лишь» слово было оружием отца Александра. Другого он не касался. Словом он завоевывал души людей для Бога. В этой битве был непобедим. Ибо Божие Слово непобедимо.
Избрали другое оружие.

Отец Александр убит. Зачем обманывать себя? Зачем говорить: «трагически погиб» — разве он заснул за рулем? разве он погиб в авиакатастрофе? разве раздавлен рухнувшим домом во время землетрясения? Трагически погиб — значит, погиб случайно, нелепо, погиб от слепой, бездушной смерти, которая не выбирает.

Эта смерть не была случайной. Эта смерть была зрячая. У этой смерти была черная душа. А в руках — топор. И выбрала она безошибочно.

Кто, какая газета осмелится сказать об Иисусе Христе: трагически погиб? Это ложь. Спаситель не погиб. Он казнен. Его убили. Закон империи, сговор иерархов и бешеная толпа — они вынесли приговор. А исполнила армия. Армия империи, расквартированная в Иудее.

Почему же в некрологах, подписанных достойными именами, сказано: погиб? Потому что страх, может быть, неосознанный, заставляет лукавить.

Трагически погиб — значит, судьба, значит, никто не виноват, значит, мы не виноваты.

Убит — значит, есть виновник, и в руках его — топор, и искать его — опасно.

Это грабитель, говорят нам. Пусть ищет милиция, говорят нам. Согласимся. Ведь согласие так безопасно.

Священника убили в воскресенье утром. В понедельник вечером тело привезли в Сретенский храм — маленькую церковь близ Пушкино, где 20 лет служил отец Александр Мень.

В Сретенском храме шла панихида. А в церковном дворе я спрашивал заместителя начальника отдела ГУВД Мособлисполкома С. Асташкина.

— Убийца найден?
— Нет.
— Орудие убийства найдено?
— Нет.
— Вы допускаете, что это — политическое убийство?
— Нет, мы думаем, это убийство с целью ограбления.

Ничего не найдено, кроме крови на земле, а версия избрана. Профессионалы ищут грабителя.

А дилетанты задумываются.

В воскресенье, в седьмом часу утра, о. Александр вышел из дому. В пятнадцати минутах ходьбы станция «Семхоз», под Загорском. Отсюда он ездил в Пушкино, в Сретенский храм.

Ограбление? Цель грабителя — добыча. Вломиться в дом богатого кооператора, академика — убить и ограбить на многие тысячи. Можно и на улице — высмотреть женщину с брильянтами в ушах, хорошо одетого мужчину с толстым бумажником...

Богатые не спешат на работу в 6.30 утра. Богатые спят в это время (как и грабители). Богатые не ездят на электричках, не живут в «Семхозе». Что вообще делать грабителю в рощице возле нищего полустанка? Ради какой корысти брать грех на душу? Да, времена такие, что и за десятку зарежут. Но это вечером, когда магазин еще открыт, когда отчаянное желание «добавить» одурманивает голову, убирает тормоза.

Убийство по пьянке? В два часа дня — поверю. В девять вечера — да, в полночь — конечно. Но в 6.30 утра пьяных в России нет. Или спят мертвым сном, или протрезвели.

Дикая хулиганская жестокость? Но время хулиганов — вечер, место — подворотня, оружие — велосипедная цепь. А тут — утро, рощица, топор.

Из ревности? Но о. Александр был человек безупречной нравственности. Из мести? от обиды? Но о. Александр никому никогда не сделал зла.

Почему же милиция сразу хватается за «бытовую» версию? Да потому, что это ей привычно. Грабеж, пьянка, ревность, рэкет — такие убийства каждодневны. К убийствам другого рода наша милиция еще не привыкла. А пора.

Уже приходилось писать, что гуманизация и демократизация нашей системы — одна сторона медали. Другая — убийство.

Мы едва-едва начали освобождаться от власти страха. Топор — очень хорошее средство, чтобы привести в чувство всех, глотнувших свободы. Отрезвить и напомнить.

Нам напомнили, что мы беззащитны.

Убийство невинных — это и есть террор. Нам показали, как без всякой вины можно подвергнуться наказанию.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Именно поэтому, именно для этого был избран отец Александр. Убит не просто священник — и среди них встречаются грешные и, увы, даже преступные. Убит человек, вся жизнь которого абсолютно исключала возможность «бытовой» вражды.

Убит по дороге в церковь. Убит топором по голове. Убит в канун дня Усекновения главы Иоанна Крестителя.

Убивают за что-то. Убивают за дело. Что делал о. Александр? Он верил в Спасителя и нес эту веру другим. Вот было его дело.

Отец Александр всю жизнь был свободен. Он не ждал свободы от властей. В отличие от нас, грешных, он при всех генсеках говорил только правду и говорил ее громко. Он был духовным отцом сотен обращенных, был примером для тысяч верующих. И, конечно, он был укором для слабых духом иерархов. Для всех, кто запятнал свои ризы бесконечными компромиссами с воинствующим атеизмом. Для всех священнослужителей, соглашавшихся «подавать сведения», нарушавших тайну исповеди, сотрудничающих с КГБ и партвластями.

Увы, этот безупречный христианин слишком у многих вызывал ненависть. Его нелицемерное благочестие, его мировая слава одного из крупнейших современных богословов, его книги, печатавшиеся «там» до всяких перестроек, чистая, восторженная любовь прихожан — все это и само по себе лишало покоя черные души. И совсем нестерпимо было для них, что этот великий пастырь Русской православной церкви — еврей по крови.

В последнее время то там, то сям появлялись в печати оскорбительные, лживые выпады против отца Александра Меня. Книги же его не появились до сих пор.

Мы все, погрязшие в болоте лжи и бесчестия, не понимаем, кого потеряли. Когда умер Толстой, слава его была всенародна. Его книги были в каждой грамотной семье. Народу России не надо было объяснять, кого потеряла Россия. «Умер Толстой» — этих слов было довольно, чтобы страна погрузилась в скорбь.

Слово о. Александра Меня в его родной стране слышали немногие тысячи из трехсот миллионов. Но даже если книги его будут теперь изданы, многие ли и скоро ли поймут их и оценят потерю? Нашему народу, насильно, на десятки лет отлученному от церкви, лишь предстоит прочесть Евангелие. **Прочесть**, уж не говорю: **понять**. Понимание — даст Бог — придет к детям.

Прочесть Евангелие на бегу, в метро, в трамвае, между номером «Огонька» и макулатурным детективом... В духовном смысле все мы дикари: и левые, и правые, и межрегионалы, и пролетарии, и генералы, и кричащая о духовности «Память».

Президент отдал соответствующим органам приказ провести тщательное расследование. Кто ищет? Не тот ли, кто спрятал? И что будет, когда тот, кто ищет, найдет то, что ищет, найдет «грабителя»? Будет ли он наркоманом, признающимся вяло, как «поджигатель» рейхстага? Окажется ли он фанатиком, признающимся с энтузиазмом, как трагические марионетки московских процессов? Вот уж что́ нам не в новинку. Не так давно в Белоруссии свыше десятка признавшихся в зверских изнасилованиях и убийствах успели получить «вышку» прежде, чем случайно попался истинный убийца. Не будет ли наоборот: признается один, а истинные — на долгие годы? навсегда? — останутся в тени?

Но так устроено Богом, что самые черные злодейства в конце концов вопреки своей цели служат Добру. Мученическая смерть апостолов, казни первых христиан были неизбежны на пути к Церкви, к Христианской цивилизации.

Убийство Кеннеди всколыхнуло и очистило души американцев. Убийство ксендза Попелюшко офицерами польской госбезопасности взорвало Польшу, навсегда и окончательно отвратив поляков от «народной» власти. Наша страна не содрогнулась. Тем хуже для страны. Граждане в очередях говорили о другом. Тем хуже для граждан. Мы завязли куда глубже братьев по соцлагерю. Мы будем раскачиваться гораздо дольше и страшнее. Мы не восстали, не возмутились, не потребовали немедленной отставки властей за гибель женщин, убитых саперными лопатками. И никто, даже преступный генерал, не наказан.

И вот теперь — топором по голове.

Это поворотный момент нашей истории.

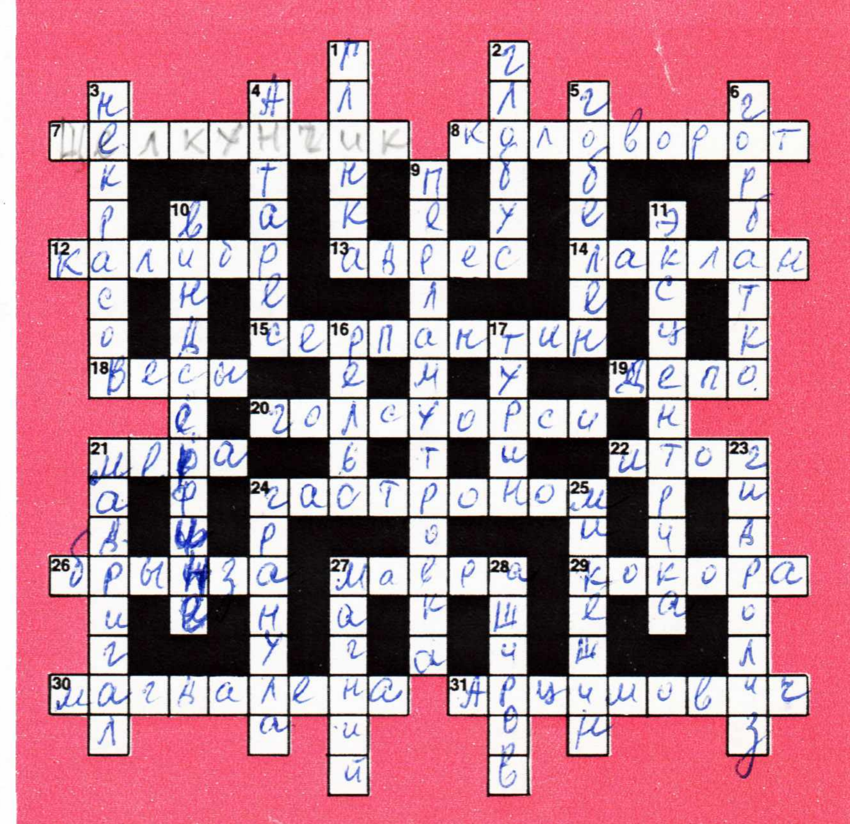
Мы еще не осознали этого. А когда осознаем...

Что нам делать, Господи?! Мы не знаем Тебя.

Александр МИНКИН

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Балет П. И. Чайковского. 8. Столярный инструмент для сверления. 12. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 13. Письменное поздравление. 14. Река в Австралии. 15. Разноцветная бумажная лента, бросаемая на карнавалах, маскарадах. 18. Зодиакальное созвездие. 19. Предприятие для стоянки и ремонта локомотивов, вагонов. 20. Английский писатель, автор трилогии «Сага о Форсайтах». 21. Русская единица емкости сыпучих тел. 22. Результат, общая сумма. 24. Продуктовый магазин. 26. Сыр из овечьего молока. 27. Опера И. Ф. Стравинского. 29. Озеро на Северо-Сибирской низменности. 30. Река в Колумбии. 31. Физик, академик, Герой Социалистического Труда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Композитор, родоначальник русской классической музыки. 2. Модель земного шара. 3. Металлург, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. 4. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпиона. 5. Ковер-картина ручной работы. 6. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 9. Дневная бабочка. 10. Разновидность парусного спорта. 11. Застренно-комедийное изображение действий персонажа в театре, кино, цирке. 16. Стальной брус на шпалах железнодорожного пути. 17. Город в Северной Италии. 21. Небольшое стихотворение-комплимент. 23. Разложение сложного вещества под воздействием воды. 24. Мелкий плотный комочек кормовой смеси, удобрения. 25. Русский скульптор, автор проекта памятника «Тысячелетие России». 27. Химический элемент, серебристо-белый металл. 28. Народный писатель Туркмении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сукачев. 8. Ардатов. 9. «Лоэнгрин». 11. Манизер. 12. «Черкесы». 15. Монако. 16. Азот. 17. Зорьян. 18. Нобиле. 19. Прерия. 22. Карони. 24. Елец. 25. Терцет. 27. Гротеск. 29. Карабин. 30. Каденция. 31. Поярков. 32. Кабинет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Курчатов. 2. Мастика. 3. Автор. 4. Бабич. 5. Маникюр. 6. «Холостяк». 9. Лесосибирск. 10. «Неизвестная». 13. Саженец. 14. Ступица. 20. Саврасов. 21. Дефибрер. 23. Октябрь. 26. Реактив. 28. Канва. 29. Кичка.

40 коп. Индекс 70663